Benjamin-Archiv
Ms1241

[redacted] Geehrte Frau,

Вальтер Беньямин Московский дневник

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вальтер Беньямин (1892–1940) – фигура примечательная даже для необычайного разнообразия немецкой интеллектуальной культуры XX века. Начав с исследований, посвященных немецкому романтизму, Гёте и театру эпохи барокко, он занялся затем поисками закономерностей развития культуры, стремясь идти от конкретных, осязаемых явлений человеческой жизни, нередко совершенно простых и обыденных. Комедии Чаплина, детские книги, бульварные газеты, старые фотографии или парижские пассажи – все становилось у него поводом для размышлений о том, как устроена культура. Его исследования о литературе – о Бодлере, Кафке, Прусте, Лескове – оказывались неизмеримо шире традиционного литературоведения. Беспокойная натура привела Вальтера Беньямина зимой 1926–1927 года в Москву, встреча с которой сыграла важную роль в его судьбе.

- Вальтер Беньямин
  - ○
  - ○ Гершом Шолем Предисловие[1]
  - ○ Вальтер Беньямин. Московский дневник
  - ○ Примечания
  - ○ Приложения
    - ■
    - ■ Москва
      - ■ 1
      - ■ 2
      - ■ 3
      - ■ 4
      - ■ 5
      - ■ 6
      - ■ 7
      - ■ 8
      - ■ 9
      - ■ 10
      - ■ 11
      - ■ 12
      - ■ 13
      - ■ 14
      - ■ 15
      - ■ 16
      - ■ 17

- 18
- 19
- 20

- Русские игрушки[7]
- Как выглядит театральный успех в России[8]
- О положении русского киноискусства[9]
- Список фотографий

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Вальтер Беньямин
Московский дневник

Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы Центра современной культуры «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

Издательство выражает признательность Павлу Владьевичу Хорошилову за подбор фотоматериалов к настоящему изданию

Гершом Шолем Предисловие [1]

Московский дневник Беньямина, посвященный его двухмесячному пребыванию в Москве с 6 декабря 1926-го по конец января 1927 года, представляет собой, насколько позволяет судить мое знакомство с его архивом, явление уникальное.

Вне всяких сомнений, это наиболее личный, полностью и безжалостно откровенный документ, рассказывающий нам о важном периоде его жизни. С ним не может сравниться ни одна из его прочих попыток дневниковых записей, которые ни разу не пошли дальше нескольких страниц, даже записки очень личного характера, сделанные им в 1932 году, когда он подумывал о самоубийстве.

Перед нами предстает законченное повествование о событиях, очень значимых для Беньямина, повествование совершенно бесцензурное, что значит прежде всего: свободное от внутренней цензуры. Все до сих пор известные, сохранившиеся письма дают изложение под определенной тенденцией, в зависимости от адресата. Во всех письмах отсутствует то измерение, которое как раз и содержится и раскрывается в этих бескомпромиссно честных беседах с самим собой и самооценках. Только здесь проговариваются вещи, которых не найти ни в одном из его письменных высказываний. Разумеется, порой, например в сделанных по тому или иному случаю афористических намеках, можно встретить нечто подобное, однако в очень осторожном, «отфильтрованном» виде, прошедшем самоцензуру.

В дневнике же это представлено во всей полноте, в подлинном непосредственном контексте, о котором по тем немногим письмам, что он отправил из Москвы – одно мне и одно Юле Радт, – нельзя было и догадываться.

Три момента были значимы для поездки Беньямина в Москву. В первую очередь – его страсть к Асе Лацис, затем – желание поближе познакомиться с ситуацией в России, возможно, в какой-либо форме даже закрепиться там и в связи с этим принять решение о том, вступать ли ему в Коммунистическую партию Германии, о чем он размышлял уже в течение двух лет. Наконец, определенную роль играло и то обстоятельство, что он еще до поездки получил задания от редакций, так что ему приходилось размышлять о городе и жизни в нем, чтобы составить некий «портрет» Москвы. Ведь его пребывание в Москве отчасти финансировалось за счет авансов, полученных в счет статей, которые он должен был привезти из поездки. Четыре статьи,

опубликованные в начале 1927 года, – результат выполненных Беньямином договоренностей, в первую очередь это касается большого очерка «Москва», написанного по заказу Мартина Бубера для журнала «Die Kreatur». Эта статья представляет собой переработку – зачастую достаточно сильную – непосредственных впечатлений, занесенных в дневник. Их точность поистине поразительна, это точность, в которой с редкой интенсивностью сочетаются наблюдательность и воображение.

Живые зарисовки его попыток – в конечном счете безуспешных – вступить в плодотворные для него отношения с представителями литературной и художественной интеллигенции, а также ответственными за эти области функционерами занимают значительную часть дневника. Беньямину не удалось осуществить свое намерение стать корреспондентом российских изданий по вопросам немецкой литературы и культурной жизни. Параллельно с этим в дневнике – это единственное место, где они даны в развернутом виде, – отражены его размышления о вступлении в КПГ, которые после всех pro и contra завершились отказом от этой идеи. Он точно осознал границы, переступать которые он не был готов.

Оптимистические ожидания, с которыми Беньямин прибыл в Москву, надеясь установить связи с московской литературной средой, и горькое разочарование, которым одарила его встреченная им реальность, образуют резкий контраст. Очень характерно для его первоначального оптимистического настроения письмо, которое он написал мне 10 декабря 1926 года, всего через четыре дня после приезда, – это вообще единственное письмо, написанное им мне из Москвы. Что стало с этими ожиданиями, мы узнаем теперь с мучительно детальными подробностями из повествования его дневника. Постепенно – но от этого результат был ничуть не менее удручающим – он расстался со всеми иллюзиями.

О том, как Беньямин оценивал свои московские впечатления, можно очень ясно судить по письму, которое он послал Мартину Буберу всего через три недели после возвращения (27 февраля 1927 года) и в котором он сообщает о скором завершении очерка «Москва», предназначенного для журнала «Die Kreatur», издававшегося Бубером. Как мне кажется, итог, подведенный Беньямином в этом письме, вполне заслуживает того, чтобы его процитировать. Он пишет: «Мои описания будут избегать всякой теории. Как я надеюсь, именно благодаря этому мне удастся заставить говорить саму реальность: насколько мне удалось освоить и запечатлеть этот новый, чуждый язык, приглушенный сурдиной совершенно измененной среды. Я хочу изобразить этот

город, Москву, в тот момент, когда “все фактическое уже стало теорией», и потому она недоступна какой бы то ни было дедуктивной абстракции, всякой прогностике, в какой-то мере вообще всякой оценке, которая, по моему глубочайшему убеждению, в данном случае не может следовать из каких-либо духовных “данных”, а лишь из экономических фактов, которыми в достаточной мере даже в России владеют лишь очень немногие. Москва, какой она предстает в этот момент, позволяет угадать в себе в схематическом, редуцированном виде все возможности: прежде всего возможность осуществления или крушения революции. Однако в обоих случаях возникнет нечто непредвиденное, образ которого будет сильно отличаться от всех проектов будущего, контуры этого образа проступают в наши дни в людях и их окружении резко и ясно».

Для того, кто читает дневник Беньямина в 1980 году, к этому добавляется более четкое (в дневнике оно содержится лишь в эмбриональном виде) осознание того, что почти все люди, с которыми он вообще мог наладить хоть какие-то отношения, – между прочим, знал он это или Нет, но это были почти исключительно евреи – были представителями оппозиции, политической или художественной, это различение тогда еще в какой-то мере существовало. Насколько я мог проследить их судьбу, они раньше или позже стали жертвами формировавшегося уже в то время сталинского режима, обвиненные в троцкизме или прочих политических отклонениях. Даже его возлюбленная Ася Лацис в результате «чисток» была вынуждена провести несколько лет в лагерях. Не укрылся от Беньямина и все более явный – как следствие страха или цинизма – оппортунизм некоторых его важнейших собеседников, вызывавший у него резкую реакцию, даже по отношению к Асе Лацис.

В попытках Беньямина нащупать почву более значимым и продуктивным было не общение с возлюбленной, а и без того не лишенные драматизма отношения с весьма проницательным режиссером Бернхардом Райхом (до того работавшим в театре «Дойчес театер» в Берлине), спутником жизни Аси Лацис (а в последние годы – и ее мужем), ведь у него, как подтверждает дневник, были связи, которыми Лацис не располагала. Но и в отношениях с Райхом уже в январе 1927 года возникла глубокая трещина, так что сохранять их удавалось струдом.

Однако стержень дневника несомненно образуют чрезвычайно сложные отношения с Асей Лацис (1891–1979). Несколько лет назад она опубликовала книгу воспоминаний «Революционер по профессии», одна из глав которой посвящена Вальтеру Беньямину. Для читателей этой главы свидетельство

дневника окажется неприятным и обескураживающим сюрпризом.

Беньямин познакомился с Асей Лацис в мае 1924 года на Капри. В присланных мне с Капри письмах он упоминал ее, не называя имени, как «латышскую большевичку из Риги», а в связи с «глубоким пониманием актуальности радикального коммунизма» как «русскую революционерку из Риги, одну из самых замечательных женщин, которую я когда-либо знал». Нет сомнений в том, что начиная с этого момента и по крайней мере до 1930 года она оказывала решающее влияние на его жизнь. Он был с ней в Берлине в 1924 году и в Риге – в 1925-м, может быть даже еще раз в Берлине, прежде чем совершил путешествие в Москву, предпринятое прежде всего из-за нее. После Доры Кельнер и Юлы Кон она была третьей женщиной, имевшей решающее значение для его жизни. Эротическая привязанность к ней сочеталась с сильным интеллектуальным влиянием, которое она, судя по посвящению к книге «Улица с односторонним движением» («Эта улица называется улицей Аси Лацис по имени инженера, пробившего ее в авторе»), на него оказывала. Однако по поводу этой интеллектуальной стороны любимой им женщины дневник оставляет нас в полном неведении. Будучи почти до самого конца историей неудачного домогательства, дневник представляет собой прямо-таки отчаянно-пронзительный документ. Ася больна и лежит, когда он приезжает и почти до самого его отъезда, в санатории, но мы ничего не узнаем о природе ее болезни. Так что вместе они бывают главным образом в санаторной палате, лишь несколько раз она приходит к нему в гостиницу. У ее дочери от первого брака – ей было, насколько я понимаю, восемь или девять лет – тоже нелады со здоровьем, и она находится в детском санатории под Москвой. Таким образом, Ася Лацис не принимает активного участия в его действиях. Она только выслушивает его сообщения, почти всегда отвергает его домогательства и, наконец, – и не так уж редко – оказывается оппонентом в резких, даже отчаянных ссорах. Тщетное ожидание, постоянные отказы, в конце концов даже немалая доля эротического цинизма – все это занесено в хронику с точностью отчаявшегося человека, и отсутствие какого-либо определенного интеллектуального облика из-за этого становится вдвойне загадочным.

К тому же все люди, видевшие Беньямина и Асю Лацис вместе и рассказывавшие мне об этом, как один выражали свое изумление по поводу этой пары, которая только тем и занималась, что ссорилась. И это в 1929 и 1930 годах, когда она приехала в Берлин и Франкфурт и Беньямин из-за нее развелся! Здесь остается какая-то загадка, которая в жизни такого человека,

как Вальтер Беньямин, вполне уместна.

Иерусалим, 1 февраля 1980

Вальтер Беньямин. Московский дневник

9 декабря.

Приехал я 6 декабря[1]. В поезде, на случай если меня никто не встретит на вокзале, я заучил название гостиницы и адрес. (На границе меня заставили доплатить за первый класс, заявив, что во втором классе мест нет.) Меня вполне устраивало, что никто не видел, как я выхожу из спального вагона. Но и у турникета никого не было. Это не слишком меня взволновало. И вот уже на выходе из Белорусско-Балтийского вокзала меня встречает Райх[2]. Поезд не опоздал ни на секунду. Вместе с обоими чемоданами мы погрузились в сани. В этот день наступила оттепель, было тепло. Мы всего несколько минут проехали по широкой, блестящей от снега и грязи Тверской, какувидели машущую Асю[3]. Райх вылез из саней и пошел до гостиницы[4], что была в двух шагах, пешком, а мы поехали. Ася выглядела некрасиво, диковато в русской меховой шапке, лицо от долгого лежания несколько расплылось. В гостинице мы не задержались и пошли выпить чаю в одной из так называемых кондитерских вблизи санатория[5]. Я рассказал о Брехте. Потом Ася, сбежавшая в тихий час, вернулась в санаторий, чтобы никто не заметил, по боковой лестнице, Райх и я – по главной лестнице. Вторая встреча с обычаем снимать калоши. Первая – в гостинице, где, впрочем, только приняли чемоданы; комната была обещана нам лишь вечером. Соседку Аси по комнате, коренастую текстильщицу, я увидел лишь на следующий день, ее еще не было. Здесь мы впервые оказались на несколько минут одни в помещении. Ася очень дружелюбно смотрела на меня. Намек на решающий разговор в Риге[6]. Потом Райх проводил меня в гостиницу, мы немного поели в моей комнате, а потом пошли в театр Мейерхольда[7]. Была первая генеральная репетиция «Ревизора». Достать для меня билет, несмотря на попытку Аси, не удалось. Тогда я прошелся полчаса туда-сюда по Тверской, осторожно пытаясь разбирать по буквам вывески и ступать по льду. Потом я вернулся очень усталый (и, вероятно, печальный) в свой номер.

7-го утром за мной зашел Райх. Маршрут: Петровка (регистрация в полиции), институт Каменевой[8] (по поводу места за полтора рубля для ученых; кроме того, разговор с тамошним референтом по Германии, большим ослом), потом по *улице Герцена*[2] к Кремлю, мимо совсем неудачного мавзолея Ленина до того места, где открывается вид на Исаакиевский собор[9].

Обратно по Тверской и Тверскому бульвару в *дом Герцена*[10], резиденцию пролетарской писательской организации *ВАПП*. Хорошая еда, насладиться которой мне не дало напряжение, которого мне стоила ходьба по холоду. Коган[11], которого мне представили, прочел мне лекцию о своей румынской грамматике и своем русско-румынском словаре. Рассказы Райха, которые я во время долгих походов от усталости могу слушать лишь в пол-уха, необычайно живы, полны убедительных фактов и анекдотов, остроумны и симпатичны. Истории о налоговом инспекторе, который берет на пасху отпуск и служит в своей деревне священником. Еще: приговоры по делам портнихи, убившей своего мужа-алкоголика, и хулигана, напавшего на улице на студента и студентку. Еще: история о белогвардейской пьесе у Станиславского[12], как она попадает в цензуру и только один чиновник что-то замечает и возвращает с пометкой, что нужно сделать изменения. Спустя месяцы, с учетом сделанных замечаний, официальное представление пьесы. Запрет. Станиславский к Сталину: театру, мол, конец, все вложено в постановку. Сталин решает, что «она не опасна». Премьера при сопротивлении коммунистов, которых удаляют с помощью милиции. История о повести[13], в которой намекается на происшествие с Фрунзе, который, как говорят, был прооперирован против своей воли и по приказу Сталина… далее политическая информация: снятие оппозиционных деятелей с руководящих постов.

Георгий Зимин. Без названия. До 1931 г.

Того же плана: вытеснение евреев, главным образом из среднего звена управления. Антисемитизм на Украине. – После *ВАППа,* совершенно обессиленный, сначала один к Асе. Там скоро становится тесно. Приходит латышка, садящаяся рядом с ней на кровать, Шестаков[14] со своей женой; между этими двоими, с одной стороны, и Асей и Райхом, с другой, возникает – по-русски – ожесточеннейшая дискуссия о постановке «Ревизора»

Мейерхольдом. В центре дискуссии – затраты на бархат и шелк, пятнадцать костюмов его жены[15]; между прочим, постановка идет 5 с половиной часов. После еды Ася приходит ко мне; Райх тоже у меня. Перед уходом Ася рассказывает историю о своей болезни. Райх отводит ее в санаторий и потом возвращается. Я лежу в постели – он хочет работать. Но очень скоро он делает перерыв, и мы беседуем о положении интеллигенции – здесь и в Германии; а также о технике принятой в настоящее время в обеих странах литературной деятельности. И еще о сомнениях Райха по поводу вступления в партию. Его постоянная тема – реакционный поворот партии в делах культуры. Левые движения, которые использовали во время военного коммунизма, оставлены совершенно без внимания. Лишь совсем недавно пролетарские писатели (вопреки Троцкому[16]) как таковые признаны государством, но при этом им одновременно дали понять, что они ни в коем случае не могут рассчитывать на государственную поддержку. Потом история Лелевича[17] – действия против левого культурного фронта. Лелевич написал работу о методике марксистской литературной критики. – Величайшее внимание в России обращается на четко – до мельчайших нюансов – определенную политическую позицию. В Германии достаточно лишь в общих чертах обозначить политическую ориентацию, хотя и там без этого не обойтись. – Методика писать для России: побольше материала и по возможности ничего больше.

Уровень образования публики настолько низок, что тонкости формулировок останутся непонятыми. В Германии же, напротив, требуют одного: результатов. Как они получены, никого не интересует. С этим связано и то, что немецкие газеты предоставляют пишущему лишь крошечный объем; здесь же статьи от 500 до 600 строк не редкость. Этот разговор продолжался долго. Моя комната хорошо протоплена и просторна, находиться в ней приятно.

8 декабря.

С утра ко мне зашла Ася. Я дал ей подарки, дал ей мельком взглянуть на мою книгу с посвящением[18]. Ночью она из-за сердцебиения спала плохо. Суперобложку книги, сделанную Стоуном, я тоже показал (и подарил) ей. Она ей очень понравилась. После пришел Райх. Дальше я пошел с ним в государственный банк менять деньги. Мы немного поговорили там с отцом Неймана[19], 10 декабря[20]. Потом через заново отстроенный пассаж на Петровке. В пассаже выставка фарфорового завода.

Но Райх нигде не останавливается. На улице, где находится

гостиница «Ливерпуль»[21], я во второй раз вижу кондитерские. (Здесь я с опозданием записываю историю визита в Москву Толлера[22], которую я слышал в первый день. Он был принят с невероятной пышностью. Плакаты по всему городу возвещали о его прибытии. Ему дают целый штат сопровождающих: переводчицы, секретарши, привлекательные женщины. Объявлены его выступления. Однако в эти дни в Москве проходит заседание Коминтерна. Среди немецких делегатов – Вернер, смертельный враг Толлера. Он сочиняет или инспирирует для «Правды» статью: Толлер, сообщается в ней, предал революцию, виновен в поражении советской республики в Германии. «Правда» дает к этому краткое редакционное примечание: извиняемся, мы этого не знали. Толлер становится в Москве нежелательной фигурой. Он отправляется, чтобы выступить с широко объявленным докладом – здание закрыто. Институт Каменевой сообщает ему: просим прощения, но зал сегодня не мог быть использован. Вам забыли позвонить.) Днем снова в *ВАППе.* Бутылка минеральной воды стоит і рубль. Затем Райх и я идем к Асе. Чтобы дать ей отдохнуть, Райх организует, вопреки ее желанию, и моему тоже, в санаторной комнате отдыха партию в домино между ней и мной. Сидя рядом с ней, я кажусь самому себе персонажем из романа Якобсена[23]. Райх играет в шахматы со знаменитым старым коммунистом, потерявшим на мировой или гражданской войне глаз и совершенно подорвавшим свое здоровье, как многие лучшие коммунисты этого времени, если они вообще еще живы. Только мы с Асей вернулись в ее комнату, как появляется Райх, чтобы вести меня к Грановскому[24]. Какое-то время Ася идет с нами по Тверской. В кондитерской я покупаю ей халву, и она идет к себе. Грановский – еврей из Риги. Он создал подчеркнуто антирелигиозный и по внешним проявлениям в какой-то степени антисемитский фарсовый театр, являющийся по своим истокам карикатурным воспроизведением оперетты на идише. Он выглядит совершенно по-европейски, относится несколько скептически к большевизму, и разговор вертится главным образом вокруг театра и финансовых вопросов. Речь заходит о квартирах. Их оплачивают по кв. метрам. Цена квадратного метра определяется в зависимости от зарплаты квартиросъемщика. Кроме того, все, что превосходит 13 кв. м на человека, оплачивается в тройном размере, как квартплата, так и плата за отопление. Нас уже не ждали, и вместо солидной еды был импровизированный холодный ужин. У меня в гостинице разговор с Райхом об энциклопедии.

Илья Ильф. Вид на Кремль с Москворецкой набережной. Зима 1929/1930 гг.

9 декабря.

С утра снова пришла Ася. Я дал ей кое-что, и мы скоро пошли гулять. Ася говорила обо мне. У «Ливерпуля» мы повернули.

Я пошел домой, где уже был Райх. Час мы работали, каждый занимаясь своим – я редактированием статьи о Гёте[25]. Потом в институт Каменевой, чтобы получить для меня скидку в гостинице. После этого обед. На этот раз не в *ВЛППе.* Еда была превосходной, особенно суп из свеклы. После в «Ливерпуль» с его симпатичным хозяином, латышом. Было около *12* градусов. После обеда я порядком устал и не смог отправиться к Лелевичу пешком, как собирался. Небольшое расстояние пришлось проехать. Потом быстро через большой сад или парк, в котором разбросаны дома. Совсем в глубине красивый черно-белый деревянный дом с квартирой Лелевича на втором этаже. У входа в дом мы встречаем Безыменского[26], который как раз уходит. Крутая деревянная лестница, а за дверью сначала кухня с открытым очагом. Потом примитивная прихожая, забитая пальто, потом через жилую комнату, похоже с альковами, в кабинет Лелевича. Вид его с трудом поддается описанию. Довольно высокий, в синей русской блузе, он почти недвижим (само маленькое помещение, заполненное людьми, заставляет его сидеть на стуле у письменного стола). Примечательно его длинное, словно смазанное лицо с плоскими щеками. Подбородок такой длинный, какой я видел только у одного человека, больного Громмера[27], и мало выдающийся вперед. Внешне он очень спокоен, но в нем чувствуется вся напряженная молчаливая сосредоточенность фанатика. Он несколько раз спрашивает Райха обо мне. Напротив на кровати сидят два человека, один, в черной

блузе, очень молод и красив. Здесь собрались лишь представители литературной оппозиции, чтобы провести с ним последние часы перед его отъездом. Его высылают. Сначала было предписано ехать в Новосибирск. «Вам нужен, – сказали ему, – не просто город, чьи масштабы все же ограничены, а целая область». Но ему удалось избежать этого, и теперь его посылают «в распоряжение партии» в Саратов, город в сутках езды от Москвы, при этом он даже еще не знает, будет он там редактором, продавцом производственного кооператива или кем-нибудь еще. В соседней комнате почти все время среди других гостей находится его жена, существо чрезвычайно энергичное, но наделенное не менее гармоничной внешностью, невысокая, южнорусского склада. Она будет сопровождать его первые три дня. Лелевич наделен оптимизмом фанатика: он жалуется, что не сможет услышать речь, которую на следующий день будет произносить в Коминтерне в поддержку Зиновьева Троцкий, полагая, что партия находится накануне перелома. Прощаясь в прихожей, я прошу Райха сказать ему от меня несколько приветливых слов. После мы идем к Асе. Может быть, партия в домино была в действительности в этот раз. Вечером Ася и Райх хотели прийти ко мне. Но пришла только Ася.

Я дал ей подарки: блузку, брюки. Мы разговариваем. Я замечаю, что она, в сущности, ничего не забывает, что касается нас с ней. (После обеда она сказала, что ей кажется, что у меня все хорошо. Она не верит, что я в кризисе.) Прежде чем она уходит, я читаю ей из «Улицы с односторонним движением» место о морщинках[28]. Потом я помогаю ей надеть калоши. Райх пришел, когда я уже спал, около полуночи, чтобы сообщить мне новость, которая должна была успокоить Асю. Он подготовился к переезду. Дело в том, что он живет с сумасшедшим, и жилищные условия, и без того тяжелые, становятся от этого невыносимыми.

10 декабря.

Утром мы идем к Асе. Поскольку сутра визиты не разрешены, мы разговариваем с ней минутку в вестибюле. Она после углекислой ванны, которую она принимала в первый раз и которая очень хорошо на нее подействовала. После этого снова в институт Каменевой. Справка, по которой делают скидку в гостинице, все еще не готова, вопреки обещаниям. Вместо этого в уже знакомом мне секретариате достаточно продолжительная беседа о театральных проблемах с бездельничающим господином и секретаршей. На следующий день меня должна принять Каменева, а на вечер мне пытаются достать билеты в театр.

К сожалению, билетов в оперетту нет. Райх оставляет меня в

ВАППе, я провожу там два с половиной часа со своей русской грамматикой; потом он снова появляется, вместе с Коганом, чтобы пообедать. После обеда я совсем недолго навещаю Асю.

У них с Райхом спор по поводу квартирных дел, и она выставляет меня. Я читаю в своей комнате Пруста, поглощая при этом марципан. Вечером я иду в санаторий, встречаю в дверях Райха, который выходил, чтобы купить сигарет. Мы несколько минут ждем в коридоре, потом появляется Ася. Райх сажает нас в трамвай, и мы едем в музыкальную студию[29]. Нас принимает администратор. Он предъявляет нам написанный по-французски похвальный отзыв Казеллы[30], проводит нас по всем помещениям (в вестибюле много публики задолго до начала, это люди, пришедшие в театр прямо с работы), показывает нам и зал. Пол вестибюля покрыт чрезвычайно ярким, не слишком красивым ковром. Должно быть, дорогой обюссон[31]. На стенах висят подлинные старые картины (одна из них без рамы). Здесь, как, впрочем, и в официальной приемной института по культурным связям с заграницей, есть и очень ценная мебель. Наши места во втором ряду. Играют «Царскую невесту» Римского-Корсакова – первую оперу, недавно поставленную Станиславским[32]. Разговор о Толлере, Ася рассказывает, как она сопровождала его, и он хотел ей что-нибудь подарить и выискал самый дешевый пояс, какие глупые замечания он делал. В антракте мы идем в вестибюль. Но их три. Они слишком длинные, и Ася устает. Разговор об охристо-желтой шали, которую она носит. Я заявляю ей, что она стесняется меня. В последнем антракте к нам подходит администратор. Ася разговаривает с ним. Он приглашает меня на следующую новую постановку («Евгений Онегин»).

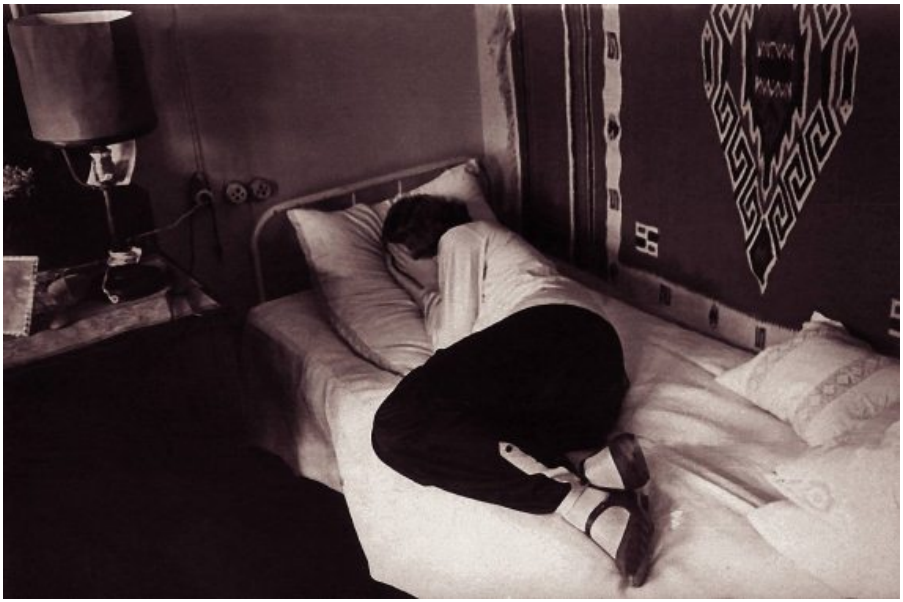
В конце оказывается сложным получить вещи в гардеробе. Два служителя перекрывают лестницу, чтобы регулировать приток публики в крошечный гардероб. Домой, как и в театр, – в маленьком, неотапливаемом трамвае с заиндевевшими окнами.

11 декабря.

Кое-что об облике Москвы. В первые дни я почти полностью поглощен трудностями привыкания кходьбе по совершенно обледеневшим улицам. Мне приходится так пристально смотреть под ноги, что я мало могу смотреть по сторонам. Дело пошло лучше, когда Ася вчера к вечеру (я пишу это 12-го) купила мне калоши. Это оказалось не так сложно, как предполагал Райх. Для архитектурного облика города характерно множество двух-и трехэтажных домов. Они придают ему вид района летних вилл, при взгляде на них холод ощущается вдвойне. Часто встречается

разнообразная окраска неярких тонов: чаще всего красная, а также голубая, желтая и (как говорит Райх) также зеленая. Тротуар поразительно узок, к земной поверхности здесь относятся столь же скупо, сколь расточительно к воздушному пространству. К тому же лед у стен домов лежит так плотно, что часть тротуара не пригодна для ходьбы. Между прочим, отличить его от проезжей части улицы чаще всего трудновато: снег и лед нивелируют разные уровни улицы. Перед государственными магазинами часто встречаются очереди; за маслом и другими важными товарами приходится стоять. Здесь бесчисленное количество магазинов и еще больше торговцев, у которых, кроме корзины с яблоками, мандаринами или земляными орехами, ничего нет. Чтобы защитить товар от мороза, его накрывают шерстяным платком, поверх которого на пробу лежат две-три штуки. Изобилие хлеба и другой выпечки: булочки всех размеров, кренделя и, в кондитерских, очень пышные торты. Из жженого сахара возводят фантастические сооружения и цветы. Вчера после обеда я был с Асей в одной кондитерской. Там подают взбитые сливки в стеклянных чашах. Она взяла безе, я – кофе. Мы сидели в середине за маленьким столиком, друг напротив друга. Ася напомнила мне о моем намерении написать критику психологии, и я вновь не мог не заметить, насколько моя способность писать на такие темы зависит от контакта с ней. Вообще нам не удалось провести время в кафе так долго, как мы надеялись.

Я ушел из санатория не в четыре, а лишь в пять. Райх хотел, чтобы мы его подождали, он не был уверен, будет ли у него заседание. Наконец мы пошли. На Петровке мы рассматривали витрины.



Виктор Иваницкий. Без названия (Квартира Ильфов в Соймоновском проезде). 1933 г.

Я обратил внимание на шикарный магазин деревянных изделий. Ася купила мне в нем по моей просьбе совсем маленькую трубку. Я хочу потом купить там игрушки для Штефана и Даги[33]. Там есть русские деревянные яйца, вкладывающиеся одно в другое, точно так же складывающиеся шкатулочки, резные звери из прекрасного мягкого дерева. В другой витрине были русские кружева и вязаные платки, о которых Ася сказала, что русские крестьянки повторяют в них ледяные узоры на окнах. В тот день это была уже вторая наша прогулка. С утра Ася пришла ко мне, сначала писала Даге, а потом мы прогулялись по Тверской, была очень хорошая погода. Поворачивая назад, мы остановились перед магазином, в котором продавали рождественские свечи. Ася заговорила о них. Потом с Райхом снова в институте Каменевой. Наконец я получаю свою скидку в гостинице. Вечером они хотели отправить меня на «Цемент»[34]. Райх считал, что лучше пойти на спектакль к Грановскому, потому что Ася хотела пойти в театр, а «Цемент» был бы для нее слишком напряженной вещью. Однако, когда подошло время, Ася почувствовала себя не очень хорошо, так что я пошел один, а Райх и она отправились в мой номер. Было три одноактных спектакля, из них два первых были ниже всякой критики, третий, собрание раввинов, что-то вроде музыкальной комедии на еврейские мелодии, производил гораздо лучшее впечатление, однако я не понимал сюжета и был так утомлен тем,

что случилось за день, и бесконечными антрактами, что временами засыпал[35]. – Райх спал в эту ночь в моем номере. – Мои волосы здесь очень наэлектризованы.

12 декабря.

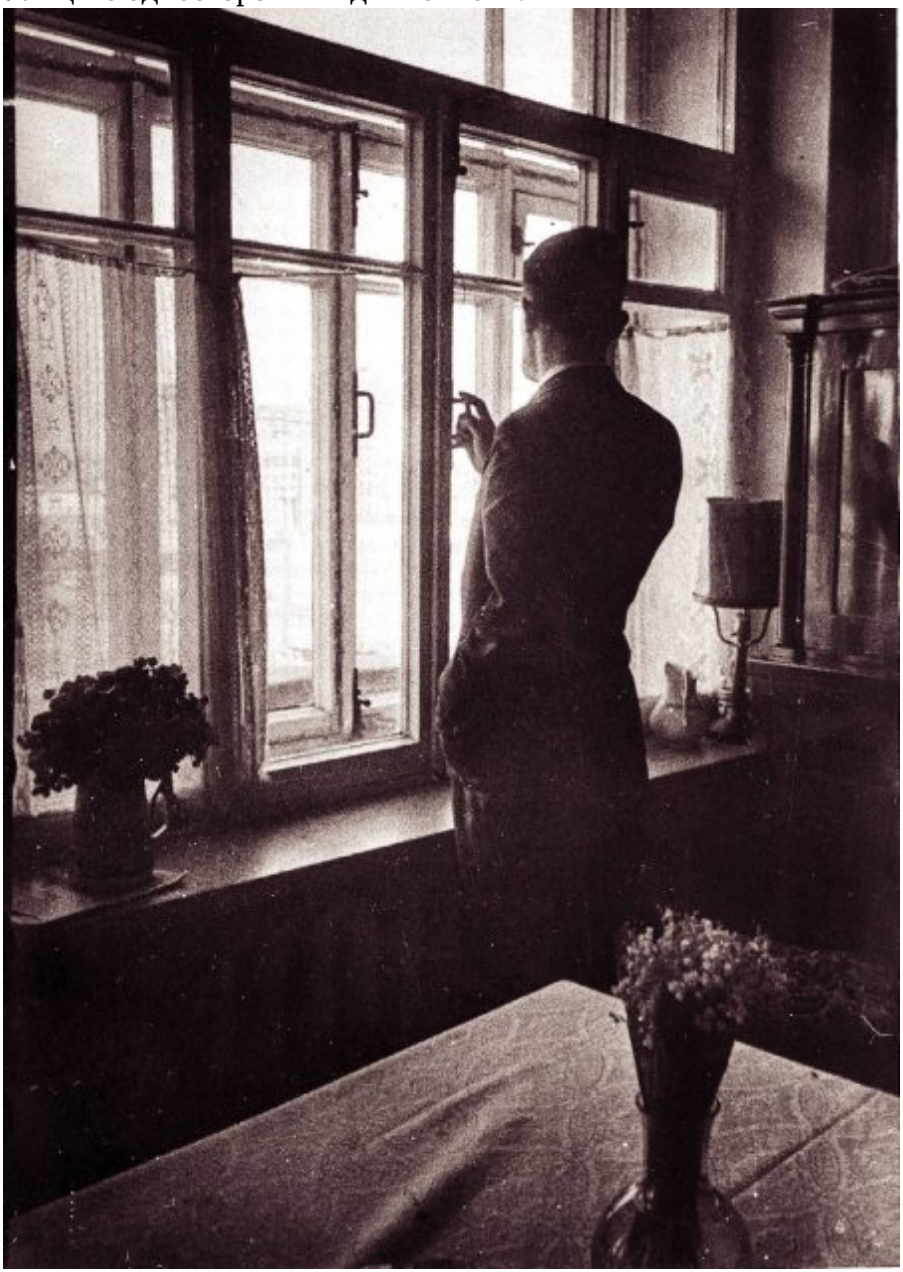
Утром Райх с Асей пошли гулять. Потом они зашли ко мне – я был еще не совсем одет. Ася сидела на кровати. Меня очень порадовало, как она разбирала и приводила в порядок мои чемоданы; при этом она взяла себе пару галстуков, которые ей понравились. Потом она рассказала, как она глотала бульварные романы, когда была маленькой. Она прятала маленькие брошюрки среди школьных учебников, однако однажды ей досталась большая книга «Лаура», все выпуски в одном переплете, и она попала в руки ее матери. В другой раз она ночью убежала из дому, чтобы получить у подруги продолжение какой-то из этих историй. Отец подруги открыл ей в полном замешательстве – он спросил, что ей нужно, и так как она лишь в этот момент поняла, что натворила, она смогла только ответить, что сама этого не знает. – Днем с Райхом в маленьком подвальном ресторане. Послеобеденный визит в унылый санаторий был мучительным. Ася снова постоянно переходила то на «ты», то на «вы». Потом прогулка по Тверской. При этом позднее, когда мы сидели в кафе, между Райхом и Асей возникла крупная ссора, из которой можно было ясно понять, что Райх надеялся полностью сосредоточиться на русских делах, забросив из-за этого немецкие связи. Вечером одни с Райхом в моем номере: я изучал путеводитель, а он работал над статьей о «Ревизоре». – В Москве нет грузовиков, нет фирм, занимающихся доставкой etc. Самые маленькие покупки, как и самые большие вещи, приходится перевозить на крошечных санях с извозчиком.

13 декабря.

В первой половине дня я, чтобы лучше познакомиться с городом, предпринял большую прогулку по внутреннему бульварному кольцу к главному почтамту и обратно через Лубянскую площадь к *дому Герцена.* Я разрешил загадку человека с алфавитной доской: он торговал буквами, которыми помечали калоши, чтобы не спутать. Я снова обратил внимание на то, что многие магазины украшены елочными игрушками, так же как и за час до того, во время короткой прогулки с Асей, когда они постоянно попадались мне на *Ямской Тверской.* За витринным стеклом они порой выглядят еще более яркими, чем на дереве.

Во время этой прогулки по Ямской Тверской мы встретили группу комсомольцев, маршировавших под музыку. Эта музыка,

так же как и музыка советской армии, производит впечатление соединения свиста и пения. Ася говорила о Райхе. Она поручила мне принести ему последний номер «Правды». Во второй половине дня Райх читал нам у Аси свой отзыв на прогон постановки «Ревизора» Мейерхольдом. Он очень хорош. До того, пока он спал в Асиной комнате на стуле, я прочел ей кое-что из «Улицы с односторонним движением».



Виктор Иваницкий. Без названия (Квартира Ильфов в

Соймоновском проезде). 1933 г.

Во время моей большой прогулки в первой половине дня я заметил еще кое-что: торговки, крестьянки, ставят свою корзину с товаром перед собой (иногда и санки, вроде тех, на которых здесь зимой возят детей, вместо колясок). В этих корзинах лежат яблоки, конфеты, орехи, сахарные фигурки, наполовину скрытые платком. Можно подумать, что заботливая бабушка, перед тем как выйти из дому, собрала все, чем она может порадовать внуков. Все это она уложила в корзину, а теперь остановилась передохнуть по пути. Я снова встретил китайцев, продающих бумажные цветы, такие же, как и те, что я привез Штефану из Марселя. Но здесь, похоже, еще чаще встречаются бумажные животные, по форме напоминающие экзотических глубоководных рыб. Потом еще есть люди, чьи корзины полны деревянными игрушками, тележками и лопатками, тележки желто-красные, лопатки желтые или красные. Другие расхаживают со связками разноцветных флажков за плечами. Все игрушки сработаны проще и добротнее, чем в Германии, их крестьянское происхождение совершенно очевидно. На одном углу я обнаружил женщину, продающую елочные украшения. Стеклянные шары, желтые и красные, сверкали на солнце, словно это была волшебная корзина с яблоками, в которой одни яблоки были желтыми, другие красными. Здесь, как и в других местах, ощущается и непосредственная связь дерева и цвета. Это видно по простейшим игрушкам так же хорошо, как и по изящной лаковой росписи. – У стены *Китай-города* стоят монголы. Возможно, зима на их родине не менее сурова, а их обтрепанные шубы не хуже, чем у местных жителей. Однако это единственные люди, которые вызывают здесь сочувствие из-за климата. Они стоят на расстоянии не более пяти шагов друг от друга и торгуют кожаными папками; каждый точно такими же, как и другие. За этим, должно быть, скрывается какая-то организация, ведь не могут же они всерьез так безнадежно конкурировать друг с другом. Здесь, как и в Риге, существует прелестная примитивная живопись на вывесках. Ботинки, выпадающие из корзины, с одной из сандалий в зубах убегает шпиц. Перед турецким рестораном две вывески, как диптих, на которых изображены господа в фесках с полумесяцем за накрытым столом. Ася права, когда отмечает как примечательную черту, что народ везде, в том числе и в рекламе, хочет видеть изображение какого-нибудь реального события. – Вечером с Райхом у Иллеша[36]. Позднее пришел директор Театра революции, в котором 30 декабря должна состояться премьера пьесы Иллеша. Этот директор[37] – бывший красный генерал,

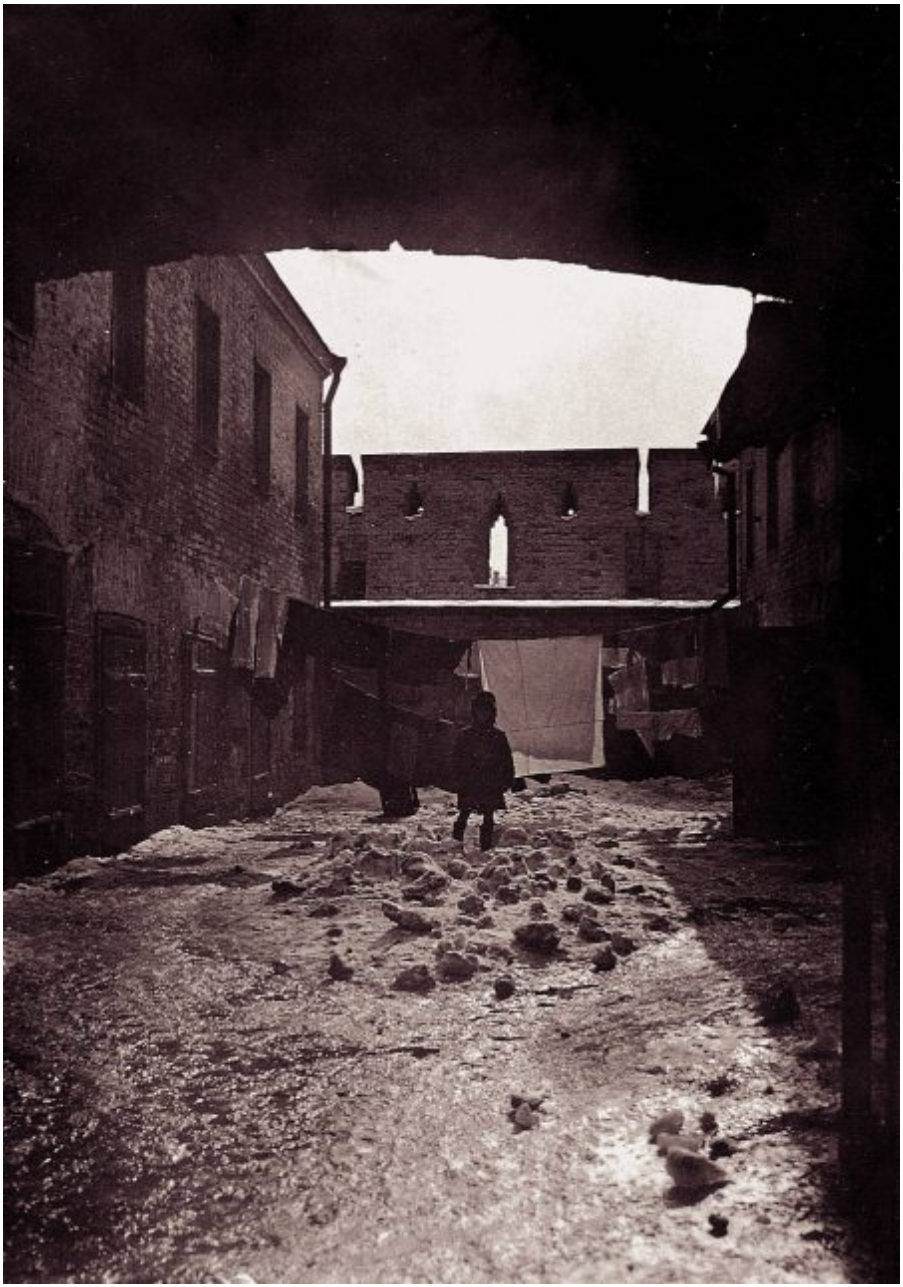
который внес решающий вклад в разгром Врангеля и был дважды упомянут в приказе Троцкого по армии. Позднее он совершил какую-то политическую глупость, которая остановила его карьеру, а поскольку он когда-то был литератором, его направили на этот руководящий пост в театре, где ему, правда, почти нечего делать. Похоже, он довольно глуп. Разговор был не слишком оживленным. К тому же я, по совету Иллеша, был осторожен в речах. Говорили об эстетике Плеханова. В комнате совсем мало мебели, больше всего бросаются в глаза старая детская кровать и ванна. Когда мы пришли, мальчик еще не спал, потом его с криками отправляют в постель, однако он не спит, пока мы не уходим.

14 декабря (записано 15-го).

Сегодня я Асю не увижу. Ситуация в санатории обостряется; вчера ей разрешили выйти лишь после долгих переговоров, а сегодня утром она не зашла за мной, как мы договорились.

Мы собирались купить ткань ей на платье. Я здесь всего неделю, и уже приходится сталкиваться с большими трудностями, для того чтобы ее увидеть, не говоря уже о том, чтобы увидеть наедине. – Вчера до обеда она пришла торопливая, возбужденная, еще больше приводящая в замешательство, чем испытывающая замешательство сама, словно она боялась провести в моей комнате даже минуту. Я проводил ее до здания комиссии, в которую она была вызвана. Сказал ей о том, что узнал накануне вечером: что Райх рассчитывает получить место театрального критика в одном чрезвычайно влиятельном журнале. Мы шли по Садовой. Я в общем говорил очень мало, она рассказывала, очень возбужденно, о своей работе с детьми на детской площадке. Во второй раз я услышал историю, как на ее детской площадке один ребенок пробил другому голову. Странным образом я понял эту совсем простую историю (которая могла бы иметь неприятные последствия для Аси, однако врачи посчитали, что ребенок будет спасен) только сейчас. Это происходит со мной довольно часто: я едва слышу, что она говорит, потому что так пристально на нее смотрю. Она развивала свою мысль, как следует делить детей на группы, потому что никогда не удастся самых отчаянных – которых она называет самыми способными – занимать чем-нибудь вместе с остальными. Они скучают от занятий, полностью поглощающих нормальных детей. И вполне понятно, что Ася, по ее утверждению, добивается наибольших успехов с самыми отчаянными. Кроме того, Ася говорила о своей литературной работе, о трех статьях в латышской коммунистической газете, выходящей в Москве: это издание нелегально доставляется в

Ригу, и для нее очень полезно, что ее там читают. Дом комиссии стоял на месте пересечения Страстного бульвара с Петровкой. Больше получаса я в ожидании ходил туда-сюда по этой улице. Когда она наконец вышла, мы пошли в Государственный банк, чтобы я поменял деньги. В это утро я был полон сил, и потому мне удалось говорить о своем визите в Москву и связанных с ним ничтожно малых шансах связно и спокойно. Это произвело на нее впечатление. Она рассказала, что врач, который ее лечил и спас, категорически запретил ей оставаться в городе и предписал лесной санаторий. Однако она осталась, испугавшись печального одиночества, которое означало пребывание в лесу, а также из-за моего приезда. Мы остановились перед меховым магазином, где Ася останавливалась уже во время нашей первой прогулки по Петровке. В нем на стене висел восхитительный меховой костюм, расшитый бисером. Чтобы спросить, сколько он стоит, мы вошли и узнали, что это тунгусская работа (а не «эскимосский костюм», как предполагала Ася). Оказалось, что он стоит двести пятьдесят рублей. Ася хотела его заполучить. Я сказал: «Если я его куплю, мне придется тотчас же уехать».



Илья Ильф. Уголок старой Москвы. Зима 1929/1930 гг.

Но она заставила меня пообещать, что я сделаю ей потом большой подарок, который она сохранила бы на всю жизнь. К *Госбанку* с Петровки нужно идти через пассаж, в котором находится большой комиссионный антикварный магазин. В витрине стоял редкий по великолепию шкаф в стиле ампир с инкрустацией. Дальше, ближе к концу, у деревянных стеллажей

запаковывали и разбирали фарфор. Было несколько очень хороших минут, пока мы шли обратно к автобусной остановке. Потом моя аудиенция у Каменевой. После обеда я блуждаю по городу: к Асе я не могу, у нее Кнорин[38], очень важный латышский коммунист, член верховного цензурного совета. (То же самое и сегодня; пока я пишу это, у нее Райх, один.)

К вечеру я оказываюсь во французском кафе в Столешниковом, за чашкой кофе. – О городе: похоже, что византийские церкви не выработали собственной формы окна. Завораживающее впечатление, малопривычное: мирские, невзрачные окна колоколен и главного придела церквей византийского стиля выходят на улицу, словно это жилые дома. Здесь живет православный священник, словно бонза в своей пагоде. Нижняя часть храма Василия Блаженного могла бы быть первым этажом великолепного боярского дома. А кресты на куполах часто выглядят как огромные серьги, вознесенные к небу. – Роскошь, осевшая в обедневшем, страдающем городе словно зубной камень в больном рту: магазин шоколадных изделий Н. Крафта, магазин изысканной моды на Петровке, в котором большие фарфоровые вазы холодно, отвратительно торчат среди мехов. – Нищенство не агрессивно, как на юге, где назойливость оборванцев все еще выдает остатки жизненной силы. Здесь оно – корпорация умирающих. Углы улиц, по крайней мере в тех кварталах, где бывают по делам иностранцы, обложены грудами тряпья, словно койки в огромном лазарете по имени Москва, раскинувшемся под открытым небом. По-другому организовано нищенство в трамваях. На определенных линиях случаются более долгие остановки. Тогда в вагон просачиваются нищие или в угол вагона встает ребенок и начинает петь. После он собирает копейки. Очень редко можно увидеть подающего. Нищенство потеряло свое наиболее мощное основание – дурную социальную совесть, открывающую кошельки гораздо шире, чем сочувствие. – Пассажи. В них есть, как нигде в другом месте, разные этажи, галереи, на которых так же пустынно, как и на хорах в соборах. – В сравнении с огромной войлочной обувью, в которой расхаживают крестьяне и зажиточные дамы, тесно облегающие сапожки кажутся интимной частью туалета, наделенной всеми мучительными свойствами корсета. *Валенки* – роскошество для ног. Еще о церквах: по большей части они стоят неухоженными, такими же пустыми и холодными, как собор Василия Блаженного, когда я побывал внутри него. Но жар, отсвет которого алтари еще кое-где отбрасывают на снег, вполне сохранился в деревянных городках рыночных ларьков. В их заваленных снегом узких проходах тихо, слышно только, как тихо

переговариваются на идише еврейские торговцы одеждой, чей прилавок находится рядом с развалом торговки бумажными изделиями, восседающей за серебряным занавесом, закрыв лицо мишурой и ватными Дедами Морозами, словно восточная женщина – чадрой. Самые красивые ларьки я видел на Арбатской площади. – Несколько дней назад я разговаривал в своем номере с Райхом о журналистике. Киш[39] открыл ему некоторые золотые правила, к которым я добавил еще кое-что. 1) В статье должно быть как можно больше имен, 2) Первая и последняя фраза должны быть хорошими; то, что в середине, не имеет значения. 3) Картины, которые вызывает в воображении имя, использовать как фон для изображения действительной вещи, называемой этим именем. Я хотел бы написать здесь с Райхом программу материалистической энциклопедии, для которой у него есть отличные идеи. – После семи пришла Ася. (Но Райх пошел с нами в театр.) У Станиславского шли «Дни Турбиных». Выполненные в натуралистическом духе декорации необычайно хороши, игра без особых изъянов или достоинств, пьеса Булгакова – совершеннейшая подрывная провокация. В особенности последний акт, в котором происходит «обращение» белогвардейцев в большевиков, столь же безвкусен с точки зрения драматического действия, сколь и лжив по идее. Сопротивление, оказанное постановке коммунистами, обоснованно и понятно. Был ли этот последний акт добавлен по требованию цензуры, как предполагает Райх, или существовал с самого начала, не имеет значения для оценки пьесы. (Публика совершенно отчетливо отличается от публики, которую я видел в двух других театрах. Там практически не было коммунистов, совершенно не видно было черных или синих блуз.) Места не были рядом, и я сидел вместе с Асей только во время первой сцены. Потом ко мне подсел Райх; он посчитал, что перевод слишком утомляет ее.

15 декабря.

Встав утром, Райх вышел, и я понадеялся, что встречусь с Асей наедине. Но она вообще не пришла. Позднее Райх выяснил, что утром ей было плохо. Но и после обеда он не пустил меня к ней. До обеда мы какое-то время пробыли вместе; он переводил мне речь, с которой Каменев выступил на Коминтерне. – Место по-настоящему знаешь только тогда, когда пройдешь его в как можно большем количестве направлений. На какую-нибудь площадь нужно вступить со всех четырех сторон света, чтобы она стала твоей, да и покинуть ее во все стороны тоже. Иначе она три, четыре раза перебежит вам дорогу, когда вы совсем не ожидаете встречи с ней. На следующей стадии вы уже отыскиваете ее,

используете как ориентир. То же и с домами. Что в них скрывается, узнаешь только тогда, когда разыщешь среди других какой-либо определенный. Из подворотен, у дверных косяков на тебя выскакивает полная молчаливого ожесточения и борьбы жизнь, то разными по величине черными, синими, желтыми и красными буквами, то стрелкой-указателем, то изображением сапог или свежевыглаженного белья, то вытоптанной ступенькой или солидным крыльцом. Нужно также проехать по улицам на трамвае, чтобы увидеть, как эта борьба карабкается вверх по этажам, чтобы в конце концов достичь решающей стадии на крышах. Туда выбиваются лишь мощнейшие старые лозунги или названия фирм, и увидеть индустриальную элиту города (несколько имен) можно лишь с самолета. – В первой половине дня в соборе Василия Блаженного. Его наружные стены лучатся теплыми домашними красками над снегом. На соразмерном основании вознеслось здание, симметрию которого не увидишь ни с какой стороны. Он все время что-то скрывает, и застать врасплох это строение можно было бы только взглядом с самолета, против которого его строители не подумали обезопаситься. Помещения не просто освободили, но выпотрошили, словно охотничью добычу, предложив народному образованию как «музей». После удаления внутреннего убранства, с художественной точки зрения – если судить по оставшимся барочным алтарям – по большей части, вероятно, ценности не представляющего, пестрый растительный орнамент, буйно покрывающий стены всех галерей и залов, оказался безнадежно обнаженным; к сожалению, он исказил, превратив в игру в стиле рококо, явно более раннюю роспись, которая сдержанно хранила во внутренних помещениях память о разноцветных спиралях куполов. Сводчатые галереи узки, неожиданно расширяясь алтарными нишами или круглыми часовнями, в которые сверху через высоко расположенные окна проникает так мало света, что отдельные предметы церковной утвари, оставленные здесь, с трудом можно разглядеть. Однако есть одна светлая комнатка, пол которой покрывает красная ковровая дорожка. В ней выставлены иконы московской и новгородской школы, а также несколько, должно быть бесценных, евангелий, настенные ковры, на которых Адам и Христос изображены обнаженными, однако без половых органов, почти белые на зеленом фоне.

Здесь дежурит толстая женщина, по виду крестьянка: хотел бы я слышать те пояснения, которые она давала нескольким пришедшим пролетариям. – До того короткий проход через пассажи, называющиеся «верхние торговые ряды». Я безуспешно пытался купить из витрины одного магазина игрушек очень

интересные фигурки, глиняных, ярко раскрашенных всадников. На обед – на трамвае вдоль реки Москвы, мимо храма Христа Спасителя, через Арбатскую площадь. После обеда еще раз, в темноте, обратно на площадь, гулял среди рядов деревянных рыночных ларьков, потом по улице Фрунзе мимо Министерства обороны, имеющего элегантный вид, пока не заблудился. Домой на трамвае. (К Асе Райх хотел пойти один.) Вечером по совсем свежему гололеду к Панскому[40]. В дверях его дома он сталкивается с нами, направляясь со своей женой в театр. По недоразумению, выяснившемуся только на следующий день, он просит зайти к нему на днях на работу. После этого в большой дом на Страстной площади, чтобы увидеть одного знакомого Райха.

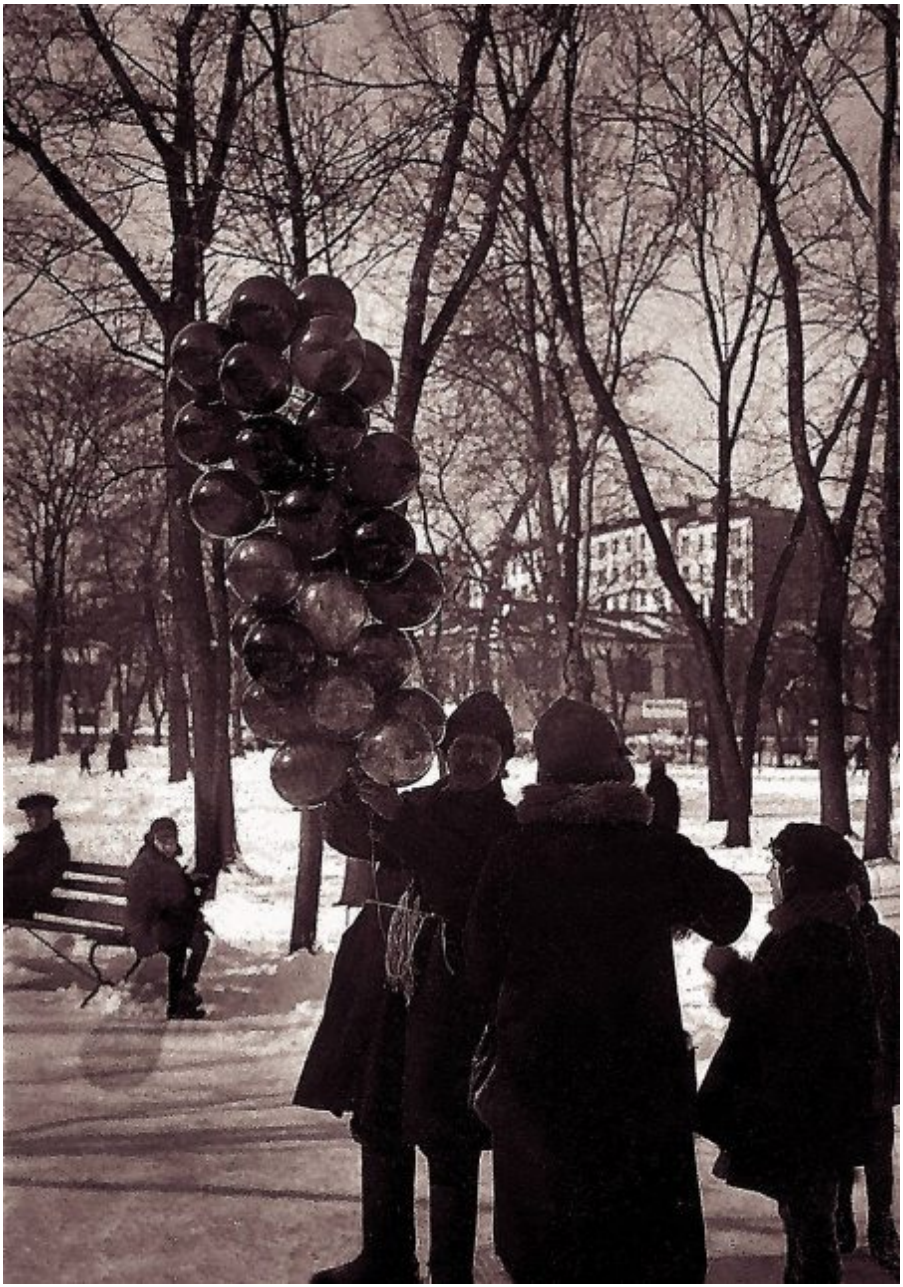
В лифте мы встречаем его жену, которая говорит нам, что ее муж на собрании. Но так как в том же доме, своего рода огромном boarding house[41], живет мать Софии, мы решаем зайти туда. Как все комнаты, которые я видел до сих пор (у Грановского, у Иллеша), в ней мало мебели. Безрадостная мещанская обстановка оказывается еще более удручающей, поскольку комната убого обставлена. Но мещанскую обстановку отличает завершенность: стены должны покрывать картины, подушки – софу, покрывала – подушки, безделушки – полочки, цветные стекла – окна. Из всего этого случайно сохранилось только одно или другое. В этих помещениях, выглядящих словно лазарет после недавней инспекции, люди могут вынести жизнь, потому что помещения отчуждены от них их образом жизни. Они проводят время на работе, в клубе, на улице. Первый шаг в этой комнате позволяет опознать удивительную ограниченность в решительной натуре Софии как приданое этой семьи, от которой она если и не отреклась, то отделилась. На обратном пути Райх рассказывает историю ее жизни. Брат Софии – тот самый генерал Крыленко[42], который в последний момент встал на сторону большевиков и оказал революции совершенно неоценимые услуги. Поскольку его политический талант был невелик, позднее ему доверили пост генерального прокурора. (Он был также обвинителем на процессе Киндермана[43].) Мать, по-видимому, тоже занимается какой-то деятельностью. Ей что-то около семидесяти, а она хранит следы большой энергичности. Под ее опекой теперь страдают дети Софии, которых перебрасывают от бабушки к тете и обратно и которые уже несколько лет не видели матери. Оба они еще от ее первого брака с дворянином, который в гражданскую войну был на стороне большевиков и умер. Младшая дочь была там, когда мы пришли. Она удивительно хороша, необычайно уверенна и грациозна в своих движениях.

Она кажется очень замкнутой. Как раз пришло письмо от ее матери, и из-за того, что она его открыла, возникла ссора с бабушкой. Но письмо было адресовано ей. София пишет, что ей больше не дают вида на жительство. Семья подозревает о ее нелегальной работе; дело серьезно, и мать явно очень встревожена. Из комнаты замечательный вид на Тверской бульвар и ряд огней за ним.

16 декабря.

Я писал дневник и уже не надеялся, что Ася придет. Тут она постучала. Когда она вошла, я хотел ее поцеловать. Как обычно, мне это не удалось. Я вынул открытку Блоху[44], начатую мной, и дал ее ей, чтобы она что-нибудь дописала. Еще одна тщетная попытка поцеловать ее. Я прочитал, что она написала. В ответ на ее вопрос я сказал: «Лучше, чем то, как ты пишешь мне».

И за эту «наглость» она меня все же поцеловала, даже обняв при этом. Мы поехали на санях в город и пошли по магазинам на Петровке, чтобы купить ткань ей на платье, ее униформу.

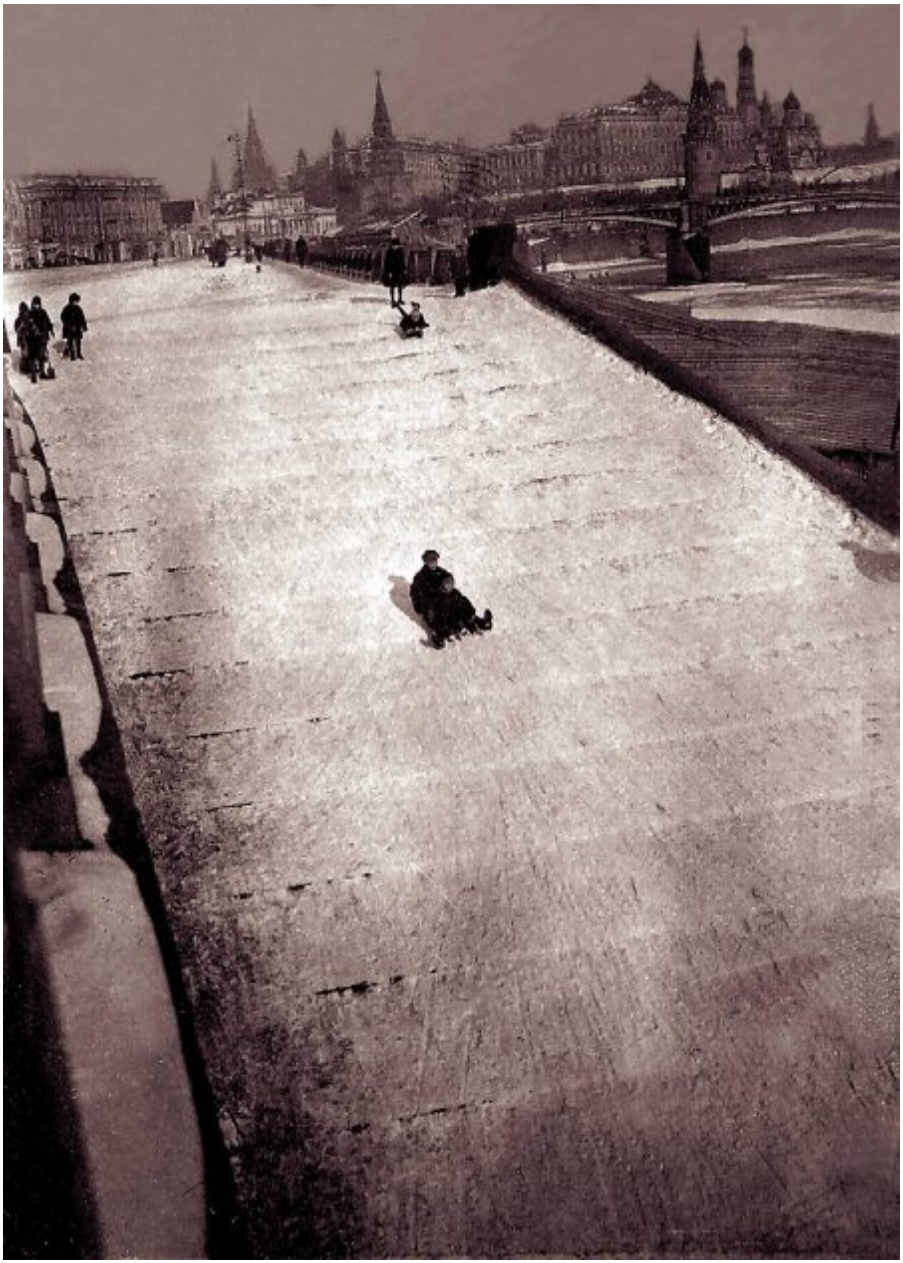


Илья Ильф. Продавец воздушных шаров. Зима 1930 г.

Я называю его так, потому что у нового должен быть точно такой же покрой, как и у старого, привезенного из Парижа. Сначала в государственном магазине, там наверху, на длинных стенах вдоль всего помещения, картины, составленные из картонных фигур и призывающие к единению рабочих и крестьян. Изображение в распространенном здесь слащавом вкусе: серп и

молот, шестерня и прочие механические приспособления сделаны, невероятно нелепо, из обтянутого плюшем картона. В этом магазине товар был только для крестьян и пролетариев. В последнее время, в связи с «режимом экономии», на государственных предприятиях не производят ничего другого. У прилавков толпа. В других магазинах, где пусто, ткани продаются только по талонам или – в открытой продаже – по непомерным ценам. С помощью Аси я покупаю у уличного торговца куклу для Даги, *станька-ванька*, главным образом для того, чтобы, пользуясь случаем, приобрести такую же и для себя. Потом у другого торговца – стеклянного голубя для рождественской елки. Говорили мы, насколько я помню, не много. – Позднее с Райхом в бюро к Панскому. Но, как выяснилось, он пригласил нас, полагая, что мы будем вести какие-то переговоры. Разужя пришел, он сплавил меня в кинозал, где двум американским журналистам показывали фильмы. К сожалению, когда я наконец, после всех предварительных процедур, туда попал, демонстрация «Потемкина» уже заканчивалась, я видел только последнюю часть. Затем был фильм «По закону», поставленный по рассказу Лондона. Премьера, которая несколько дней назад прошла в Москве, обернулась провалом. Технически фильм хорош – его режиссер Кулешов пользуется очень хорошей репутацией. Однако основной мотив сюжета доведен через нагромождение ужасов до абсурда. Говорят, что фильм должен выражать анархистскую тенденцию против всякого права вообще. К концу сеанса Панский сам поднялся в зал и в конце концов взял меня с собой в свой кабинет. Разговор там мог бы продолжаться долго, если бы я не боялся упустить Асю. Обедать все равно было уже поздно. Когда я пришел в санаторий, Аси уже не было. Я пошел домой, и очень скоро появился Райх, вскоре после него и Ася. Они купили для Даги *валенки* и прочее. Мы разговаривали в моем номере, и разговор зашел в том числе и о пианино как детали обстановки, образующей в мелкобуржуазной квартире основной динамический центр господствующей там меланхолии и центр всех житейских катастроф. Эта мысль наэлектризовала Асю; она захотела написать со мной об этом статью, Райх – воплотить эту тему в скетче. На несколько минут Ася и я остались одни. Я помню только, что произнес слова: «больше всего я хотел бы навечно», а она в ответ засмеялась так, что было ясно: она поняла. Вечером я был с Райхом в вегетарианском ресторане, в котором стены были покрыты пропагандистскими надписями. «Бога нет – религия это выдумка – мир никто не сотворил» и т. д. Многое из того, что имело отношение к капиталу, Райх не смог мне перевести. Потом, дома, мне наконец удалось поговорить с

помощью Райха по телефону с Ротом[45]. Он заявил, что уезжает на следующий день, и после некоторого размышления не оставалось ничего другого, как принять приглашение на ужин в половине двенадцатого в его отеле. В противном случае я вряд ли мог рассчитывать на разговор с ним. Очень усталый, я уселся около четверти двенадцатого в сани: Райх весь вечер читал мне из своих работ. Его эссе о гуманизме, правда существующее пока в предварительном виде, опирается на плодотворную постановку вопроса: как случилось, что французская интеллигенция, авангард великой революции, уже вскоре после 1792 года не смогла отстоять своих позиций и стала инструментом буржуазии? В разговоре об этому меня появилась мысль, что история «образованных» людей должна быть материалистически представлена как функция и в строгом соответствии с «историей необразованности». Ее истоки – в Новом времени, когда средневековые формы господства перестают быть формами того или иного (церковного) образования подданных. Принцип cuius regio, eius religio[46] разбивает духовный авторитет светских форм господства. Подобная история необразованности могла бы показать, как в необразованных слоях общества осуществляется многовековой процесс освобождения революционной энергии из ее религиозной оболочки, и интеллигенция предстала бы в этом свете не только вечной армией отделяющихся от буржуазии перебежчиков, но и передовым редутом «необразованности». Поездка в санях меня очень освежила. Рот уже сидел в просторном зале ресторана. Зал встречает посетителя громким оркестром, двумя огромными пальмами, достигающими разве что половины высоты помещения, пестрыми барами и буфетами и неброскими, изысканно сервированными столами, словно перенесенный далеко на восток роскошный европейский отель. Первый раз в России я пил водку, мы ели икру, холодное мясо и пили компот. Вспоминая весь вечер, вижу, что Рот произвел на меня не столь хорошее впечатление, как в Париже. Или – и это более вероятно – я заметил в Париже те же, тогда еще скрытые вещи, которые поразили меня в этот раз своим открытым проявлением.



Илья Ильф. Зимние детские радости на лестнице, ведущей к храму Христа Спасителя. Зима 1929/1930 гг.

Мы более активно продолжили начатый за столом разговор в его комнате. Вначале он принялся читать мне большую статью о русской системе образования. Я осмотрелся в комнате, стол хранил следы явно роскошного чаепития не менее чем на три персоны. Рот производит впечатление человека, живущего на широкую ногу, гостиничный номер – столь же европейский по

обстановке, как и ресторан, – наверняка стоит дорого, так же как и его ознакомительная поездка, включавшая посещение Сибири, Кавказа и Крыма. В разговоре, последовавшем за чтением, я довольно быстро вынудил его проявить свою позицию. Если выразить это одним словом: он приехал в Россию (почти) убежденным большевиком, а уезжает из нее роялистом. Как обычно, страна расплачивается за смену политической окраски тех, кто приезжает сюда с красновато-розовым политическим отливом (под знаком «левой» оппозиции и глупого оптимизма). Его лицо изборождено множеством морщин и производит неприятное впечатление, словно он настороженно принюхивается. Это снова бросилось мне в глаза два дня спустя, когда я встретил его в институте Каменевой (ему пришлось на два дня отложить свой отъезд). Я принял его приглашение воспользоваться санями и около двух часов поехал обратно в свою гостиницу. Местами, перед большими отелями и перед кафе на Тверской, на улице есть признаки ночной жизни. Из-за холода люди сбиваются в этих местах в кучу.

17 декабря.

Посещение Даги. Она выглядит лучше, чем когда-либо раньше. Дисциплина в интернате сильно действует на нее. Ее взгляд спокоен и сдержан, лицо округлилось и менее нервозно. Сходство с Асей уже не такое поразительное. Мне устроили экскурсию по интернату. Очень интересны классные комнаты со стенами, порой сплошь покрытыми рисунками и картонными фигурами. Что-то вроде храмовой стены, на которой выставлены работы детей как приношения коллективу. Красный цвет преобладает на этих поверхностях. Они испещрены советскими звездами и портретами Ленина. Дети сидят в классах не за партами, а за столами на длинных скамьях. Они говорят *«здравствуйте»,* когда в класс кто-нибудь входит. Поскольку интернат не выдает детям форму, многие одеты очень бедно. Поблизости от санатория играют другие дети, из крестьянских домов, расположенных неподалеку. Поездка в Мытищи и обратно на санях против ветра. После обеда в санатории у Аси настроение очень плохое. Партия в домино вшестером, в комнате отдыха.

На ужин, с Райхом, чашка кофе и пирожное в кондитерской.

Лег рано.

18 декабря.

Утром пришла Ася. Райх уже ушел. Мы пошли покупать ткань, до того в *Госбанк* менять деньги. Уже в номере я сказал Асе о плохом настроении в предыдущий день. В это утро все шло

хорошо, как нельзя лучше. Материал был очень дорогой. На обратном пути мы попали на киносъемку. Ася рассказала мне, как это происходит. Как люди при этом тут же теряют голову, забыв все, часами следят за происходящим, потом сконфуженные приходят на работу и не могут объяснить, где они были. Это представляется очень вероятным, когда видишь, сколько раз здесь приходится назначать совещание, чтобы оно наконец состоялось. Ничто не происходит так, как было назначено и как того ожидают, – это банальное выражение сложности жизни с такой неотвратимостью и так мощно подтверждается здесь на каждом шагу, что русский фатализм очень скоро становится понятным. Когда цивилизаторская расчетливость лишь постепенно пробивает себе дорогу в коллективе, то жизнь отдельного человека поначалу становится от этого только сложнее. В доме, где есть только свечи, жить проще, чем в доме, где есть электрическое освещение, но электростанция то и дело прекращает подачу тока. Есть здесь и люди, не заботящиеся о словах и спокойно принимающие вещи такими, каковы они в действительности, например дети, надевающие на улице коньки. Азарт, которым сопровождается здесь поездка в трамвае. Через заиндевевшие окна никогда не разобрать, где находишься. А когда узнаешь, то путь к выходу преграждает масса втиснувшихся в трамвай людей. Поскольку вход в вагон сзади, а выход – спереди, приходится пробираться сквозь толпу, и получится ли это, зависит от удачи и от бесцеремонного использования физической силы. В то же время есть кое-какой вид комфорта, неизвестный в Западной Европе. Государственные продовольственные магазины открыты до одиннадцати часов вечера, а дома – до полуночи и даже позже. Слишком много жильцов и квартирантов: дать каждому ключ от дома невозможно. – Замечено, что люди ходят по улице лавируя. Это естественное следствие перенаселенности узких тротуаров, такие же узкие тротуары можно встретить разве что иногда в Неаполе. Эти тротуары придают Москве нечто от провинциального города или, вернее, характер импровизированной метрополии, роль которой не нее свалилась совершенно внезапно. – Мы купили хорошую коричневую материю. После этого я пошел в «институт», получил там пропуск на Мейерхольда, а также встретил Рота. В *доме Герцена* я играл после еды с Райхом в шахматы. Тут подошел Коган с репортером. Я сочинил, будто собираюсь написать книгу об искусстве в условиях диктатуры: итальянском при фашизме и русском при пролетарской диктатуре. Еще я говорил о книгах Шеербарта[47] и Эмиля Людвига[48]. Райх был чрезвычайно недоволен этим интервью и объяснил, что я чрезмерным

теоретизированием серьезно поставил себя под удар. Пока еще интервью не опубликовано (я пишу это 21-го), посмотрим, какова будет реакция. – Асе не повезло. Одну больную, сошедшую с ума после менингита, – она знала ее еще по больнице – поместили в соседнюю палату. Ночью Ася устроила среди женщин мятеж, и в результате больную убрали. Райх доставил меня в театр Мейерхольда, где я встретился с Фанни Еловой[49]. Но у института плохие отношения с Мейерхольдом: поэтому они ему не позвонили и нам не дали билетов. Побыв немного в моей гостинице, мы поехали в район *Красных ворот,* чтобы посмотреть фильм, о котором Панский сказал мне, что он побьет успех «Потемкина». Сначала не было свободных мест. Мы купили билеты на следующий сеанс и пошли в комнату Еловой неподалеку выпить чаю. Обстановка и здесь была скудной, как и во всех комнатах, которые я уже видел. На серой стене большая фотография Ленина, читающего «Правду». На узкой этажерке несколько книг, в простенке у двери две дорожные корзины, у одной стены кровать, у другой – стол и два стула. Время в этой комнате за чашкой чая с куском хлеба было самым лучшим за этот вечер. Потому что фильм оказался невыносимой халтурой, и к тому же его крутили так быстро, что его нельзя было ни смотреть, ни понимать. Мы ушли, прежде чем он закончился. Обратная дорога в трамвае была словно эпизод из периода инфляции. И еще я застал в своем номере Райха, который снова ночевал у меня.

19 декабря.

Я уже не помню точно, что было с утра. Кажется, я видел Асю, а потом, уже после того как доставил ее обратно в санаторий, собрался в Третьяковскую галерею. Но я не нашел ее и блуждал на пронзительном холоде по левому берегу Москвы-реки среди строек, гарнизонов и церквей. Я видел, как маршировали красноармейцы, а дети тут же играли в футбол. Девочки шли из школы. Напротив остановки, на которой я потом наконец сел в трамвай, чтобы вернуться домой, была сияющая красная церковь с колокольней и куполами, отгороженная от улицы длинной красной стеной. Мое блуждание утомило меня еще сильнее оттого, что я носил с собой неудобный пакет с тремя домиками из цветной бумаги, которые я с превеликим трудом добыл за гигантскую цену по 30 копеек за штуку в лавочке на одной из больших улиц левого берега. После обеда у Аси. Я вышел, чтобы принести ей пирожное. Когда я выходил из дверей, я обратил внимание на странное поведение Райха, он не ответил на мое «пока». Я списал это на плохое настроение. Потому что, когда он

на несколько минут выходил из комнаты, я сказал Асе, что он наверное принесет пирожное, и когда он вернулся, она была разочарована. Когда я через несколько минут вернулся с пирожным, Райх лежал на постели. У него случился сердечный приступ. Ася была очень взволнована. Я заметил, что ее поведение при недомогании Райха было очень похоже на то, как я раньше вел себя, если Дора болела. Она ругалась, вела себя неумно и больше провоцировала, чем пыталась помочь, и поступала как человек, который хочет довести до сознания другого, какую несправедливость тот совершил, заболев. Райху понемногу становилось лучше. Но в театр Мейерхольда я из-за этого происшествия должен был идти один. Потом Ася доставила Райха в мой номер. Он ночевал в моей постели, а я спал на софе, приготовленной для меня Асей. – «Ревизор», хотя он и был сокращен по сравнению с премьерой на час, все же закончился за полночь, начавшись без четверти восемь. Спектакль был поделен на три действия и состоял всего (если я не ошибаюсь) из 16 картин. Многочисленными высказываниями Райха я был в целом подготовлен к тому, что мне предстояло увидеть. И все же меня поразили невероятные расходы на постановку. При этом более всего на меня подействовали не дорогие костюмы, а декорации. За немногими исключениями действие происходило на крохотной наклонной площадке, в каждой картине на ней размещалась новая конструкция из красного дерева в стиле ампир и новая мебель. Тем самым создавалось множество прелестных жанровых картин, в соответствии не с драматической, а социологически-аналитической основной направленностью этой постановки. Ей придают здесь большое значение как адаптации классической театральной пьесы для революционного театра, однако в то же время попытка считается неудачной. Партия также высказалась против инсценировки, и умеренная рецензия театрального критика «Правды» была отвергнута редакцией. Аплодисменты в театре были жидкими, и возможно, что это также объясняется не столько самим впечатлением, сколько официальным приговором. Потому что постановка безусловно была великолепным зрелищем. Но такие вещи, по-видимому, связаны с господствующей здесь общей осторожностью при открытом выражении мнения. Если спросить малознакомого человека о его впечатлении от какого угодно спектакля или фильма, то в ответ получаешь только: «у нас говорят так-то и так-то» или «большинство высказывается об этом так-то». Режиссерский принцип постановки, концентрация сценического действия на очень маленьком пространстве, приводит к чрезвычайно большим роскошествам, нагромождению материала, не в последнюю

очередь это касается занятого состава актеров. В сцене празднества, представлявшей собой шедевр режиссерского мастерства, это достигло своего максимума.

На маленькой площадке, среди бумажных, лишь намеком обозначенных пилястр, актеры были сбиты в тесную группу человек в пятнадцать. (Райх говорил о преодолении линейного расположения.) В общем это производит впечатление роскошного торта (очень московское сравнение – только здесь есть торты, которые делают его понятным) или, пожалуй, движения танцующих фигурок на курантах, музыкой для которых является текст Гоголя. К тому же в спектакле много настоящей музыки, а маленькая кадриль, исполненная в конце, была бы несомненной удачей для любого буржуазного театра; в пролетарском театре такого не ожидаешь. Формы пролетарского театра наиболее ясно проявляются в эпизоде, где балюстрада делит сцену вдоль; перед ней стоит ревизор, за ней – толпа, следующая за всеми его движениями и ведущая очень выразительную игру с его шинелью – то держит ее шестью или восемью руками, то накидывает ее на опирающегося на парапет ревизора. – Ночь на жесткой постели прошла очень хорошо.

20 декабря.

Пишу 23-го и уже ничего не помню о том, что было с утра. Вместо этого кое-что об Асе и наших с ней отношениях, несмотря на то, что Райх сидит рядом со мной. Я оказался перед почти неприступной крепостью. Все же я полагаю, что уже одно только мое появление перед этой крепостью, Москвой, означает первый успех. Но всякий следующий, решающий успех кажется связанным с почти неодолимыми препятствиями. Позиция Райха сильна, из-за явных успехов, которые он один за другим одерживает после чрезвычайно трудного полугодия, которое он провел здесь без языка, в холоде, а может быть, и голоде. Сегодня утром он сказал мне, что надеется через полгода получить должность. К условиям работы в Москве он относится с меньшей страстностью, чем Ася, но дается это ему не легче. В первое время, приехав из Риги, Ася даже хотела сразу вернуться обратно в Европу, настолько безнадежной показалась ей затея получить здесь какую-нибудь должность. Когда ей все же это удалось, после нескольких недель работы на детской площадке ее подкосила болезнь. Если бы она за день или два до того не была принята в профсоюз, она осталась бы без ухода и, наверное, умерла бы.

Александр Родченко. Фабрика-кухня. 1931 г.

Ее наверняка и сейчас тянет в Западную Европу. Это не только стремление к поездкам, встречам с чужими городами и приятными сторонами богемной жизни, но и то освобождающее влияние совершенной формы, которую ее собственные мысли обретали в Западной Европе, главным образом в общении с Райхом и мной. Каким образом получилось, что Ася обрела столь твердые убеждения здесь, в России, судя потому, что она принесла их с собой в Западную Европу, действительно остается, как недавно заметил Райх, почти загадкой. Для меня Москва теперь – крепость; суровый климат, пусть и здоровый, но очень для меня тяжелый, незнание языка, присутствие Райха, серьезные ограничения в образе жизни Аси – все это такое количество бастионов, и только полная невозможность продвинуться вперед, болезнь Аси, по крайней мере ее слабость, отодвигающая все личное, имеющее к ней отношение, несколько на второй план, не дает мне совсем пасть от этого духом. Насколько мне удалось достичь побочной цели своей поездки – избежать смертельной меланхолии рождественских дней – еще неизвестно. Я держусь достаточно твердо еще и потому, что несмотря ни на что ощущаю привязанность Аси ко мне. Похоже, мы переходим на «ты», и ее взгляд, когда она смотрит на меня долго – я не помню, чтобы какая-нибудь женщина была способна на такой долгий взгляд и такие долгие поцелуи, – не потерял ничуть от своей власти надо мной. Сегодня я сказал ей, что хотел бы теперь, чтобы у нее был от меня ребенок. Редкие, но спонтанные движения, достаточно

значимые при том контроле, которому она подвергает себя сейчас в эротических делах, говорят о том, что она испытывает ко мне расположение. Ведь она вчера силой задержала меня, когда я хотел выйти из ее комнаты, чтобы избежать ссоры, и стала ерошить мои волосы. Еще она часто называет меня по имени. Как-то она сказала мне в один из этих дней, что если бы не я, то мы с ней сейчас могли бы жить на каком-нибудь «пустынном острове» и у нас было бы уже двое детей.

Это в какой-то степени верно. Три или четыре раза я увильнул от возможности совместного будущего: когда не «бежал» с ней на Капри, но как? – когда отказался сопровождать ее из Рима в Ассизи и Орвието, летом 1925 года не захотел ехать с ней в Латвию, а зимой – ждать ее в Берлине. Дело было не только в экономической ситуации, и даже не только в моей фанатичной страсти к путешествиям, которая за последние два года поутихла, но и в страхе перед враждебными чертами в ней, способность противостоять которым я ощущаю только сейчас. И я сказал ей в эти дни, что если бы мы тогда начали совместную жизнь, то я боюсь, что мы давно бы уже расстались. Все происходящее сейчас вокруг и во мне работает на то, чтобы сделать мысль о расставании с ней менее переносимой, чем это мне раньше казалось. Конечно же это прежде всего связано со страхом, что если Ася наконец выздоровеет и будет жить здесь с Райхом в определенных отношениях, то прояснить нашу ситуацию можно будет лишь ценой больших страданий. Смогу ли я избежать этого, еще не знаю. Ведь сейчас у меня нет прямого повода совсем с ней расстаться, даже если и предположить, что я был бы способен на это. Мне больше всего хочется, чтобы нас связал ребенок. Но я не знаю, способен ли я даже сегодня на жизнь с ней, жизнь суровую, при ее – несмотря на все очарование – бессердечии. – Жизнь зимой становится здесь на одно измерение богаче: пространство буквально изменяется в зависимости от того, теплое оно или холодное. Жизнь на улице – словно в студеном зеркальном зале, где всякая остановка и осмысление ситуации даются с невероятным трудом: нужно полдня готовиться к тому, чтобы опустить письмо в почтовый ящик, и, несмотря на суровый холод, требуется усилие воли, чтобы войти в какой-нибудь магазин. Впрочем, магазины, за исключением огромного гастронома на Тверской, где готовые блюда выставлены в таком великолепии, которое знакомо мне лишь по иллюстрациям в поваренной книге моей матери и которое вряд ли уступает великолепию царского времени, не слишком располагают к их посещению.

К тому же они провинциальны. Вывески, на которых ясно

видно название фирмы, как это принято на главных улицах западных городов, здесь редкость; по большей части на ней указывается лишь вид товара, порой на них нарисованы часы, чемоданы, сапоги, меха и т. д. Магазины кожаных изделий и здесь сопровождает традиционная вывеска с изображением распластанной шкуры. Рубашки часто рисуют на вывесках, на которых написано *«Китайская прачечная».* Встречается много нищих.

Они обращаются к прохожим с длинными мольбами. Один из них, как только появляется прохожий, на которого он может рассчитывать, начинает тихо выть. Еще я видел нищего точно в той позе, как у несчастного, которому святой Мартин распарывает мечом плащ, на коленях с вытянутыми вперед руками. Незадолго до Рождества на одном и том же месте на Тверской, у стены Музея революции, сидели в снегу двое детей, накрытых лохмотьями, и скулили. Вообще же, похоже, что из-за неизменной убогости просящих милостыню, но, может, и из-за их хитрой организации, но они – единственная надежная структура московской жизни, всегда сохраняющая свое место. Потому что все прочее здесь пребывает под знаком *ремонта.* В холодных комнатах еженедельно переставляют мебель – это единственная роскошь, которую можно себе с ними позволить, и в то же время радикальное средство избавления от «уюта» и меланхолии, которой приходится его оплачивать. Учреждения, музеи и институты постоянно меняют свое местопребывание, и даже уличные торговцы, которые в других краях держатся за определенное место, каждый день оказываются на новом месте. Все – крем для обуви, иллюстрированные книги, канцелярские принадлежности, выпечка, даже полотенца – продаются прямо на улице, словно это происходит не в зимней Москве с ее 25 градусами мороза, а неаполитанским летом. – После обеда я сказал Асе, что хочу написать о театре в «Literarische Welt»[50]. Вспыхнула короткая ссора, но потом я попросил ее сыграть со мной в домино. И она в конце концов согласилась: «Раз уж ты просишь. Я слаба. Я не могу отказать, если меня просят». Но потом, когда пришел Райх, Ася снова завела разговор на эту тему, и началась чрезвычайно тяжелая перебранка. Лишь перед прощанием, когда я встал из эркера и собирался пойти за Райхом на улицу, она все же взяла меня за руку и сказала: «Все не так плохо». Вечером еще короткий разговор об этом в моем номере. Потом он ушел домой.

21 декабря.

Я прошел по всему Арбату и вышел крынку на Смоленском

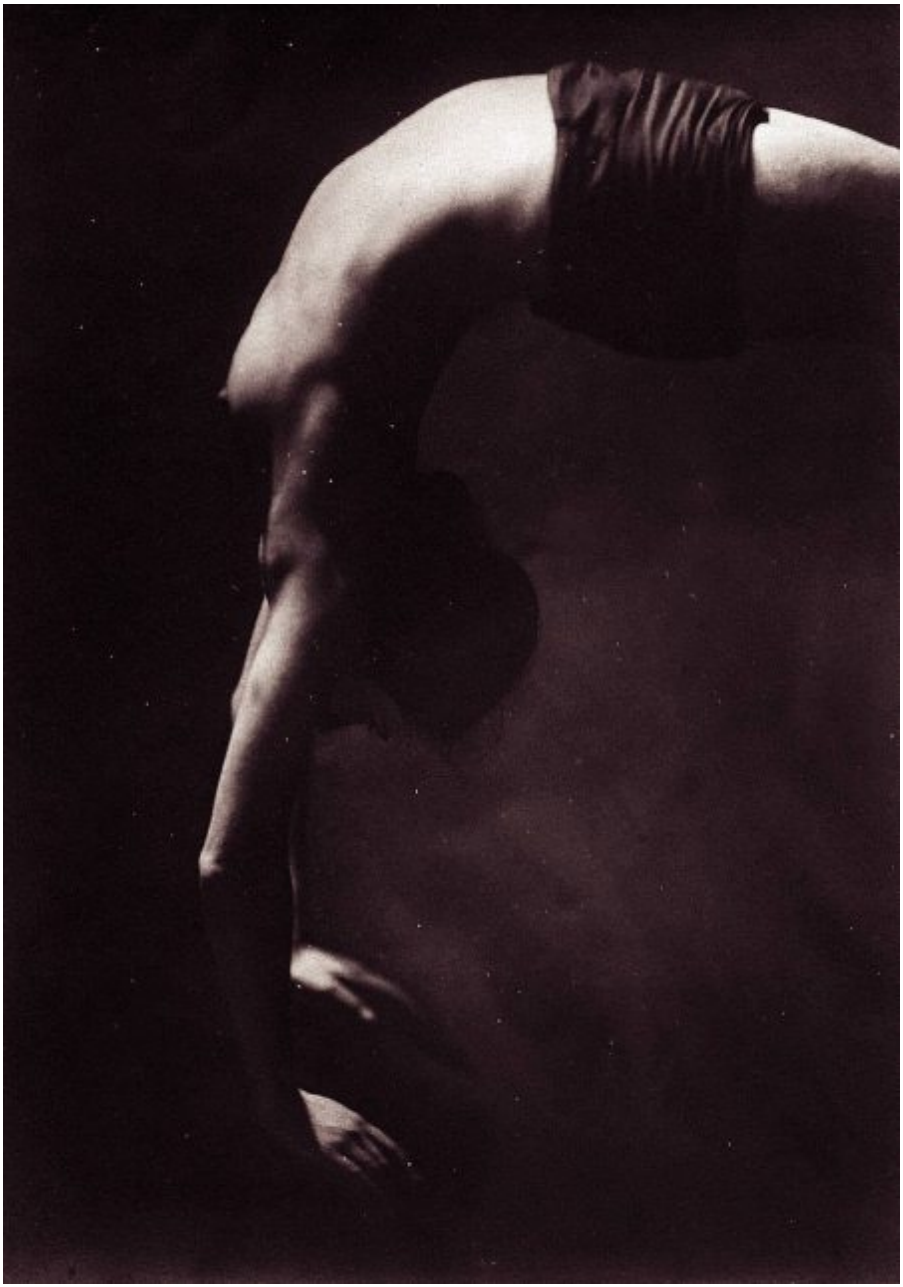
бульваре. В этот день было очень холодно. Я ел на ходу шоколад, купленный по дороге. Первый рыночный ряд, шедший вдоль улицы, был заставлен рождественскими ларьками, прилавками с игрушками и бумажными поделками. За ним торговали скобяными изделиями, хозяйственными товарами, обувью и прочим. Он напоминал рынок на Арбатской площади, только здесь не было продовольствия. Но прежде чем дойдешь до ларьков, проходишь ряды корзин с едой, елочными украшениями и игрушками, расположенные вдоль дороги так плотно, что почти не попасть с дороги на тротуар.

Илья Ильф. Храм Христа Спасителя. Зима 1929/30 гг.

В одном ларьке я купил пошлую открытку, в другом – балалайку и бумажный домик. Здесь я тоже встречал ряды с рождественскими розами, отрядами героических цветов, резко выделяющихся среди снега и льда. Разыскать Музей игрушки с моими покупками было непросто. Со Смоленского бульвара его перенесли на улицу Кропоткина[51], и когда я до него наконец добрался, я был так вымотан, что едва не повернул назад на пороге: я решил, что дверь, которая не сразу подалась, заперта. После обеда у Аси. Вечером на плохой пьесе (Александр I и Иван Кузьмич) в театре Корша[52]. Автор поймал Райха в антракте – он охарактеризовал героя своей пьесы как существо, духовно родственное Гамлету, – и мы с трудом, обманув его бдительность, ускользнули с последних актов. После театра, насколько я помню, мы купили поесть. Райх спал у меня.

22 декабря.

В разговорах с Райхом я наталкиваюсь на некоторые важные вещи. По вечерам мы часто беседуем о России, театре и материализме. Райх очень разочарован Плехановым. Я попытался показать ему, в чем заключается различие между материалистическим и универсалистским подходом. Универсалистский подход всегда идеалистичен, поскольку он недиалектичен. Ведь диалектика с необходимостью двигается в том направлении, которое предполагает объединение тезиса и антитезиса, с которыми она имеет дело, в синтезе триады, на этом пути она все глубже проникает в сущность предмета и изображает универсум только исходя из него самого. Всякое иное понятие универсума беспредметно, идеалистично. Далее, я попытался показать нематериалистичность мышления Плеханова на той роли, которую у него играет теория, и сослался при этом на противоположность теории и метода. Теория в своем стремлении представить всеобщее парит над наукой, в то время как для метода характерно, что всякое фундаментальное универсальное исследование тут же находит свой собственный предмет. (Пример исследования связи понятий времени и пространства в теории относительности.) В другой раз разговор об успехе как решающем критерии «средних» писателей и о своеобразной структуре «величия» у великих писателей – они «великие» потому, что их влияние имеет исторический характер, но нельзя утверждать обратное, будто их историческое влияние обусловлено их писательской мощью. Мы говорили о том, как этих «великих» писателей видят только через линзу столетий, которая увеличивает и окрашивает их. И еще о том, как это порождает абсолютно консервативное отношение к авторитетам и как, опять-таки, это консервативное отношение может быть обосновано исключительно материалистически. Еще раз беседовали о Прусте (я прочитал ему кое-что из перевода[53]), потом о русской культурной политике: «программа образования» для рабочих, с помощью которой их пытаются приобщить ко всей мировой литературе, потеря пролетарскими писателями, которые в годы героического коммунизма были ведущими, своих позиций, предпочтение отдается реакционному крестьянскому искусству (выставка АХРР[54]). Все это показалось мне снова очень актуальным, когда я с Райхом сутра был в редакции «Энциклопедии»[55]. Этот проект рассчитан, как мне сообщили, на тридцать-сорок томов, отдельный том будет посвящен Ленину.



Николай Власьевский. Без названия (Пластический этюд). 1926–1927 гг.

Там сидел (когда мы появились второй раз, наш первый поход был безрезультатным) за письменным столом очень доброжелательный молодой сотрудник, которому Райх меня представил и порекомендовал как знающего человека. Когда я изложил ему схему своей статьи о Гёте, тут же обнаружилась его

интеллектуальная неуверенность. Кое-что в этом проекте испугало его, и он закончил тем, что потребовал биографический очерк с социологической подкладкой. В сущности же, материалистическому изображению поддается не жизнь писателя, а его историческое влияние на последующие поколения. Поскольку ни собственное бытие, ни даже только творения в момент их возникновения вообще не являются, если абстрагироваться от их последующего влияния, предметом материалистического анализа. Возможно, что и здесь присутствует та же лишенная какого-либо метода универсальность и прямолинейность, что во «Введении в исторический материализм» Бухарина[56], для которого характерна совершенно идеалистическая, метафизическая постановка вопроса. После обедау Аси. В ее комнату недавно положили еврейку-коммунистку, которая ей очень нравится и с которой она много разговаривает. Для меня ее присутствие менее приятно, потому что теперь я, даже в отсутствие Райха, почти не могу поговорить с Асей наедине.

23 декабря.

С утра я был в Кустарном музее[57]. Опять были показаны очень красивые игрушки; и эта выставка была организована руководителем музея игрушки. Самые красивые, пожалуй, фигуры из папье-маше. Часто они укреплены на маленькой подставке, это или крошечная шарманка, которую надо крутить, или клинообразная подставка, которая при сжимании издает звук.

Есть и очень большие фигуры из этого материала, изображения несколько карикатурных типажей, свидетельствующие об упадке искусства. В музее была бедно одетая симпатичная девушка, гувернантка двух маленьких мальчиков, с которыми она разговаривала по-французски об игрушках. Все трое были русскими. У музея два зала. Больший, в котором расположены и игрушки, предназначен для образцов лакированных изделий из дерева и текстиля, в меньшем находятся маленькие старинные фигурки, вырезанные из дерева, шкатулки в форме уток и других животных, ремесленные инструменты и проч. и кованые изделия. Моя попытка обнаружить нечто подобное старым игрушкам в хранилище, располагающемся под большим залом и относящемся к музею, ничего не дала. Зато я увидел там такое большое собрание елочных украшений, какого не встречал нигде. Потом я был в институте Каменевой, чтобы забрать билеты на *«Лес»*[58], и встретился с Бассехесом[59]. Часть пути мы шли вместе, и когда я

наконец дошел до *дома Герцена*, была уже половина четвертого. Райх пришел еще позже, когда я уже поел. Я снова заказал кофе, какуже было однажды, и поклялся больше к нему не притрагиваться. К вечеру мы играли в домино вчетвером, и я первый раз играл с Асей. Мы блестяще обыграли Райха и ее соседку по палате. С ней я встретился потом в театре Мейерхольда, у Райха же было заседание *ВАППа.* Чтобы как-то понять друг друга, она говорила со мной на идише.

Со временем из этого что-нибудь могло бы получиться, но пока что это не слишком много мне давало. Этот вечер меня очень утомил, потому что мы пришли, то ли по недоразумению, то ли из-за ее неаккуратности, слишком поздно, пришлось смотреть первый акт стоя в амфитеатре. К тому же русский язык. Ася не могла заснуть, пока ее соседка не вернулась. Однако потом, сказала она на следующий день, ее равномерное дыхание усыпило ее. Знаменитая сцена с гармошкой в *«Лесе»* действительно очень хороша, но из-за рассказа Аси я представлял ее себе такой замечательно сентиментальной и романтической, что не сразу включился в сценическую реальность этого эпизода. И помимо того эта постановка полна замечательных находок: игра эксцентрического комедианта на рыбалке, когда он изображает бьющуюся рыбу движениями вздрагивающей руки, любовная сцена, представлявшая собой круговое движение, вся игра на мостках, спускающихся на сцену с высокой конструкции. Я впервые более ясно понял функцию конструктивистской сценографии, которая далеко не так отчетливо была мне видна у Таирова в Берлине, не говоря уже о впечатлении от фотоснимков.

24 декабря.

Кое-что о моем номере. Вся мебель в нем снабжена жестяной биркой: «Московские гостиницы», далее следует инвентарный номер. Все гостиницы управляются государством (или городскими властями?). Двойные рамы моего номера залеплены на зиму замазкой. Можно только открыть вверху маленькую форточку. Маленький умывальник жестяной, снизу покрашеный, сверху начищенный до блеска, на нем укреплено зеркало.

В раковине сделаны сливные отверстия, которые не закрываются. Из крана льется тонкая струйка воды. Печки в комнате нет, тепло подается из другого помещения, но из-за особого расположения номера пол тоже теплый, и при умеренном холоде и закрытом окне в нем царит удушающая жара. По утрам, когда нет еще и девяти, если топят, в дверь всегда стучат и спрашивают, закрыта ли заслонка. Это единственное, в чем здесь можно быть уверенным. В гостинице нет кухни, так что нельзя

получить даже чашки чая. А когда однажды, накануне того дня, когда мы должны были ехать к Даге, мы попросили разбудить нас утром, между *швейцаром* (так называют здесь гостиничную прислугу) и Райхом состоялся шекспировский диалог о том, что такое «разбудить». Этот человек в ответ на вопрос, нельзя ли разбудить нас утром, сказал: «Если мы об этом будем помнить, то разбудим. Если же не будем помнить, то не разбудим. Чаще всего мы помним и, стало быть, будим.

Но и бывает, конечно, иногда, что мы забываем. Тогда мы не будим. Вообще-то мы не обязаны, но если вовремя спохватимся, то тогда конечно. И когда же вас разбудить?» – «В семь». – «Ну что ж, так и запишем. Вот видите, кладу записку сюда, он ведь ее заметит? Конечно, если не заметит, то и не разбудит. Но чаще всего мы все же будим». В конце концов нас, конечно, не разбудили и объяснили это так: «Вы ведь и так уже проснулись, чего ж было будить». Похоже, таких швейцаров в гостинице полно. Они сидят в каморке на первом этаже. Недавно Райх спросил, есть ли для меня почта. Человек ответил «нет», хотя письма лежали у него под носом. Когда в другой раз кто-то позвонил мне в гостиницу по телефону, ему ответили: «А он уже выехал». Телефон находится в коридоре, и я часто, лежа в постели, слышу громкие разговоры даже после часа ночи.

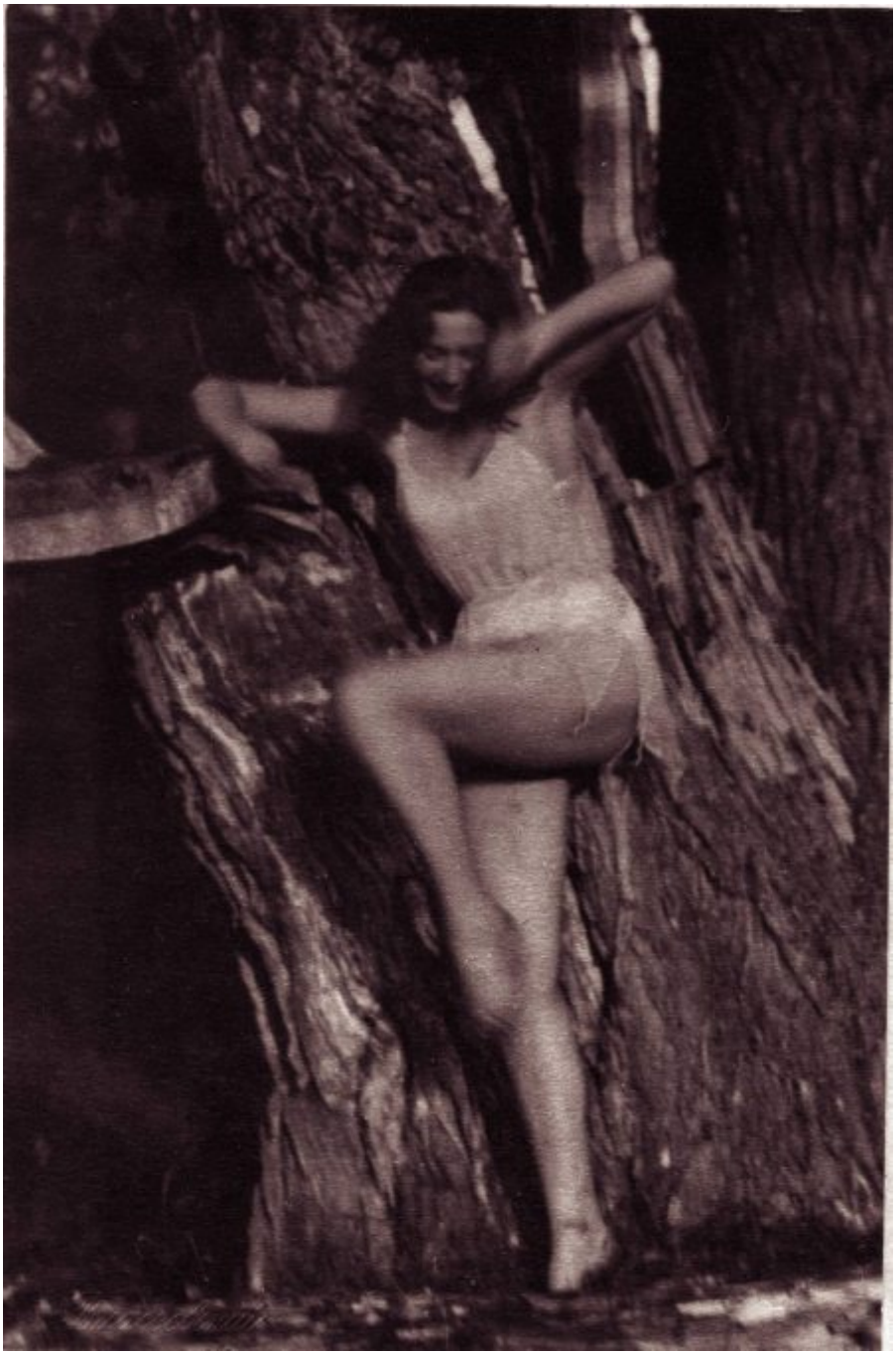
Алексей Сидоров. Без названия (Мультипликационная запись танцевального движения). 1926–1927 гг.

У кровати посередине большая яма, и при малейшем движении она начинает скрипеть. Поскольку Райх очень часто храпит так громко, что я просыпаюсь, спать было бы трудно, если бы я не валился на кровать мертвый от усталости. После обеда здесь меня одолевает сон. Счет приходится оплачивать ежедневно, поскольку любая сумма, превышающая 5 рублей,

облагается налогом в 10 %. Какая это затрата времени и сил, ясно само собой. – Райх и Ася встретились на улице и пришли вместе. Ася чувствовала себя плохо и отказалась от визита к Бирзе. Решили, что будем у меня. Она принесла с собой материал, и мы пошли.

Я проводил ее, прежде чем идти в Музей игрушки, к портнихе. По пути мы зашли к часовщику. Ася дала ему мои часы. Это был еврей, говорящий по-немецки. Попрощавшись потом с Асей, я поехал в музей на санях. Я боялся опоздать, потому что никак не могу привыкнуть к русскому обращению со временем. Экскурсия по музею игрушки. Директор *тов.* Бартрам[60] подарил мне свое сочинение «От игрушки к детскому театру», которое я преподнес потом Асе на Рождество. После этого в академию, но Когана там не оказалось. Возвращаясь, стою на остановке автобуса. И вижу на открытой двери надпись «музей». Оказалось, что это «второе собрание нового западного искусства»[61]. Этот музей не значился в моих планах. Но раз уж я тут оказался, я вошел. Перед необычайно красивой картиной Сезанна[62] я подумал, насколько неуместны разговоры о «вчуствовании» уже с языковой точки зрения. Мне показалось, что, созерцая картину, вовсе не погружаешься в ее пространство, скорее напротив, это пространство атакует тебя в определенных, различных местах. Оно открывается нам в уголках, где, как нам кажется, находятся очень важные воспоминания; в этих местах появляется нечто необъяснимо знакомое. Эта картина висела на центральной стене первого из двух залов Сезанна, как раз напротив окна, в ярком свете. На ней изображена дорога в лесу. На одной стороне дороги – группа домов. Не так примечательна, как собрание Сезанна, коллекция Ренуара в этом музее. Однако и в ней есть прекрасные картины, особенно ранние. А в первых залах меня больше всего тронули изображения парижских бульваров, висящие, словно пара, одно напротив другого. Первое написал Писсарро, второе Моне[63]. Обе картины изображают широкую улицу сверху, одна по центру, другая дает взгляд сбоку. Причем под таким углом, что силуэты двух мужчин, перегнувшихся через перила балкона, вторгаются в поле зрения сбоку, словно они совсем рядом с окном, из которого смотрит художник. И если у Писсарро большую часть картины занимает серый асфальт, по которому едут бесчисленные экипажи, то у Моне половина картины занята светлой стеной дома, просвечивающей сквозь желтизну осенней листвы. Внизу у дома угадываются почти полностью покрытые листьями стулья и столы кафе, словно деревенская мебель в солнечном лесу. Писсарро отражает славу Парижа, линию усеянных каминными трубами крыш. Я ощутил его томление по

этому городу. – В одном из последних кабинетов рядом с рисунками Луи Леграна и Дега картина Одилона Редона[64]. – После поездки на автобусе началось долгое блуждание, и с опозданием на час я наконец добрался до маленького подвального ресторана, в котором мы должны были встретиться с Райхом. Нам пришлось, поскольку было уже около четырех, тут же разойтись, и мы назначили свидание в большом гастрономе на Тверской. Было всего несколько часов до сочельника, и магазин был переполнен. Пока мы покупали икру, лососину, фрукты, мы встретили Бассехеса, с пакетами. Вполне довольного. У Райха же настроение было скверное. Он был очень раздражен моим опозданием, а большая бумажная китайская рыба, которую я сторговал сутра на улице и был вынужден таскать ее вместе с другими вещами, не добавляла, как свидетельство коллекционерского безумия, к его состоянию ничего утешительного. Наконец, мы взяли еще пирог и сладости, а также украшенную ленточками елку, и я отправился со всем этим на санях домой. Уже давно стемнело. Толпы людей, через которые я должен был проталкиваться с елкой и покупками, утомили меня. В номере я лег на постель, стал читать Пруста и есть засахаренные орехи, которые мы купили, потому что их любит Ася. После семи пришел Райх, несколько позднее и Ася. Весь вечер она пролежала, а рядом с ней на стуле сидел Райх.



Василий Живаго. Сцена из хореографической композиции «Пан». 1928 г.

Потом после долгого ожидания все же появился самовар – сперва, сколько мы ни просили дать нам его, нам отвечали, будто все самовары в одной комнате, а хозяин ушел – когда его пение

впервые наполнило для меня русскую комнату и я мог видеть вблизи лицо Аси, лежавшей напротив, впервые за многие годы у елки в горшке, в сочельник ко мне пришло ощущение защищенности и покоя. Мы говорили о месте, которое должна была получить Ася, потом речь зашла о моей книге о трагедии, и я прочитал предисловие, направленное против Франкфуртского университета[65]. Может быть, следует обдумать сказанное Асей: по ее мнению, мне все же следовало бы совсем просто написать: отклонено университетом Франкфурта-на-Майне. В этот вечер мы были очень близки. Ася очень смеялась над некоторыми вещами, которые я ей говорил. Другие, как, например, идея одной статьи: немецкая философия как инструмент немецкой внутренней политики, вызывали ее горячее одобрение. Она никак не могла решиться уйти, ей было покойно, и она была усталой. В конце концов не было и одиннадцати, когда она ушла. Я сразу же лег в постель, потому что вечер для меня закончился, хоть и был коротким. Я понял, что нам не дано одиночество, если человек, которого мы любим, одинок в другом месте, где он для нас недостижим. Так что чувство одиночества, похоже, явление рефлексивное, поражающее нас только тогда, когда до нас доходит отражение знакомых нам людей, более же всего тех, кого мы любим, когда они развлекаются без нас в обществе.

И вообще, одинокий сам по себе, в жизни, ощущает свое одиночество лишь в мысли о – пусть неизвестной – женщине или каком-либо человеке, которые не одиноки и в чьем обществе он тоже не был бы одинок.

25 декабря.

Я смирился и решил обходиться теми крохами русского языка, которые я могу пролепетать, и язык пока больше не учить, потому что время здесь мне гораздо нужнее для другого: для перевода и для статьи. Если я еще приеду в Россию, то, разумеется, необходимо будет заранее овладеть в какой-то степени языком. Но поскольку у меня на будущее нет никакого плана активных действий, мне это не кажется совершенно необходимым: другие условия, еще более неблагоприятные, чем те, в которых я нахожусь, могут оказаться для меня слишком тяжелыми. По крайней мере, вторая поездка в Россию должна быть основательно подкреплена в финансовом и литературном отношении. Незнание русского языка не было для меня до сих пор столь большой помехой и мучением, как в первый день Рождества. Мы были за столом у соседки Аси – я дал деньги, чтобы купить гуся, и из-за этого несколько дней назад между Асей и мной произошла ссора. И вот этот гусь, разложенный по

порциям на тарелки, на столе. Он был жестким, плохо проваренным. Ели за письменным столом, за которым собралось человек шесть-восемь. Говорили только по-русски. Хороша была холодная закуска, рыба по-еврейски, и суп тоже. После еды я пошел в соседнюю комнату и заснул. После того я какое-то время еще лежал, проснувшись, в большой печали, на софе, и мне вспомнилось, уже не в первый раз, как я, будучи студентом, отправился из Мюнхена в Зеесхаупт[66]. Потом, конечно, Райх или Ася пытались перевести мне что-нибудь из разговора, но из-за этого ситуация становилась вдвойне напряженной. Какое-то время говорили о том, что в военной академии профессором стал генерал, который в прошлом был белогвардейцем и приказывал повесить каждого попавшего в плен красноармейца. Спорили о том, как к этому относиться. Наиболее ортодоксально и очень фанатично вела себя при этом молодая болгарка. Наконец мы ушли, Райх с болгаркой впереди, Ася со мной сзади. Я был совершенно изможден. В этот день трамваи не ходили. И поскольку мы, Райх и я, не могли поехать на автобусе, нам не оставалось ничего другого, как пройти дальний путь до второго МХАТа пешком. Райх хотел посмотреть там «Орестею», чтобы пополнить свои материалы для «Контрреволюции на сцене». Нам дали места в середине второго ряда. Запах духов охватил меня уже при входе в зал. Я не видел ни единого коммуниста в синей блузе, зато там было несколько типов, вполне подходящих для альбома Георга Гроса. Постановка была вполне в стиле замшелого придворного театра. Режиссер был лишен не только всяких профессиональных навыков, но и запаса самых примитивных сведений, без которых нечего браться за трагедию Эсхила. Похоже, его фантазия исчерпывается запыленными салонными атрибутами греческой культуры. Почти беспрерывно звучала музыка, в том числе много Вагнера: «Тристан», «Заклинание огня».

26 декабря.

Похоже, пребывание Аси в санатории приближается к концу.

В последние дни отдых на свежем воздухе улучшил ее состояние. У нее хорошее настроение, когда она лежит в спальном мешке и слышит, как в небе кричат вороны. Ей кажется, что птицы по-настоящему организованы, и вожак дает им точные указания относительно того, что им следует делать; определенные крики, следующие после паузы, – это, как она полагает, приказы, которые выполняются всеми. В последние дни я почти не говорил с Асей наедине, но в тех нескольких словах, которыми мы обменялись, я так ясно ощущаю ее близость ко мне,

что я очень спокоен и чувствую себя хорошо. Едва ли что-нибудь действует на меня целительнее и с такой силой, как те касающиеся мелочей вопросы, которые она задает мне относительно моих дел. Конечно же, она делает это не часто. Но в этот день, например, она осведомилась за столом, посреди еды, когда обычно говорили по-русски, какую почту я получил накануне. До еды играли в домино на три команды. Но после еды было гораздо лучше, чем накануне. Пели переделанные на коммунистический лад еврейские песни (как я предполагаю, речь не шла о пародиях). За исключением Аси, все в комнате были, судя по всему, евреями. Среди нас был и профсоюзный секретарь из Владивостока, приехавший в Москву на седьмую профсоюзную конференцию. Так что за столом собралась целая коллекция евреев от Берлина до Владивостока. Асю мы доставили домой пораньше. После этого я пригласил Райха, перед тем как отправиться домой, на чашку кофе. И тот начал: чем больше он наблюдает, тем больше видит, что дети – тяжелая обуза.

В гостях был маленький мальчик, впрочем чрезвычайно воспитанный, который, однако, в конце концов, когда все играли в домино и ожидание еды длилось более двух часов, начал плакать. В действительности же Райх, конечно, имел в виду Дагу. Он говорил о хронических приступах страха у Аси, чаще всего связанных с Дагой, и снова прошелся по всей истории, как она оказалась в Москве. Я уже не раз восхищался его большим терпением в отношении нее. И в этот раз не было раздражения, ожесточения, лишь напряжение, разрядившееся в разговоре со мной. Он жаловался, что у Аси пропал «эгоизм» как раз в тот момент, когда ей только и нужно предоставить все естественному ходу вещей. Беспокойство о том, где она окажется дальше, мысль о возможном переезде мучила ее чрезвычайно. Что ей нужно, так это пара недель спокойной и уютной буржуазной жизни, какой в Москве ей не может обеспечить и Райх.

Я же ее беспокойства еще не заметил. Моя очередь была лишь на следующий день.

27 декабря.

Асина палата в санатории. Мы там почти ежедневно с четырех до семи. Обычно около пяти в соседней палате какая-то пациентка принимается играть на цитре, это продолжается час или полчаса. Она ни разу не продвинулась дальше печальных аккордов. Музыка звучит в этих голых стенах очень плохо. Но Асю, похоже, монотонное бренчание не слишком раздражает. Когда мы приходим, она обычно лежит на постели. Напротив на столике молоко, хлеб и тарелка с сахаром и яйцами, которые она

обычно отдает Райху. В этот день она дала ему одно и для меня и написала на нем «Беньямин». Поверх платья на Асе серый шерстяной санаторный халат. В предоставленной ей более комфортабельной части палаты есть два стула и глубокое кресло, в котором я обычно сижу, а также ночной столик с журналами, книгами, рекламой, маленькой разноцветной вазочкой, которая очевидно принадлежит ей, Cold Cream, который я привез ей из Берлина, зеркалом, которое я ей как-то подарил, и долго там же лежала обложка «Улицы с односторонним движением», которую Саша Стоун сделал для меня. Ася часто занимается блузкой, которую хочет пошить, вытягивает нитки из материи. – Источники света на московских улицах. Это: снег, отражающий освещение так сильно, что почти все улицы светлы, сильные карбидные лампы торговых палаток и фары автомобилей, выбрасывающие сноп света на сотни метров вперед по улицам. В других метрополиях эти фары запрещены: здесь же трудно представить себе что-либо более вызывающее, чем это нахальное выделение тех немногих машин, что находятся в распоряжении нескольких *нэпманов* (конечно же и представителей власти) для преодоления всеобщих трудностей передвижения. – В этот день было мало достойного описания. С утра работал дома. После обеда играл в шахматы с Райхом, потерпел поражение в двух партиях. Ася была в этот день в сквернейшем настроении, яснее, чем когда-либо, проявилась злобная едкость, благодаря которой ее игра в роли Гедды Габлер[67] должна быть убедительной. Она не терпела ни малейшего вопроса о ее состоянии. В конце концов единственным выходом было оставить ее одну. Но наша – моя и Райха – надежда, что она присоединится к нашей игре в домино, не оправдалась. Напрасно мы оборачивались всякий раз, когда кто-нибудь входил в комнату отдыха. После партии мы пошли обратно в ее комнату, но я вскоре опять удалился с книгой в комнату отдыха, чтобы вновь появиться лишь без малого в семь. Ася распрощалась со мной очень недружелюбно, но потом она передала мне через Райха яйцо, на котором она написала «Беньямин». Прошло немного времени, как мы оказались в моем номере, когда вошла она.

Неизвестный фотограф. Без названия (Женщина с зеркалом). Конец 1920-х – начало 1930-х гг.

Ее настроение переменилось, она снова видела все не в таком мрачном свете и явно сожалела о своем поведении после обеда. Но когда я осмысляю последнее время в целом, то нахожу, что улучшений, по крайней мере ее нервного состояния, со времени моего приезда не наблюдается. – Вечером Райх и я вели долгий разговор о моей писательской деятельности и пути, которым она пойдет в будущем. Он высказал мнение, что я довожу работу над своими вещами до слишком поздней стадии. В связи с этим же он очень точно сказал, что в большой писательской работе соотношение общего числа предложений к числу ударных, ярких, четко сформулированных составляет 1 к 30, у меня же – 1 к 2. Все это верно. (А в последнем, возможно, кроются остатки того большого влияния, которое оказал на меня в свое время Филипп Келлер[68].) Однако я противопоставил ему мысль, которая ни разу не вызывала у меня сомнения со времени написания моей давней работы о «Языке вообще и языке человека»: я указал ему на то, что всякая языковая сущность биполярна, так как является одновременно выражением и сообщением. Здесь вновь вспомнилось то, что уже часто затрагивалось нами, когда мы говорили о «разрушении языка» как одной из тенденций современной русской литературы[69]. Ведь ничем не ограниченное расширение функции сообщения ведет к разрушению языка. И, с другой стороны, возведение его выразительной стороны в абсолют заканчивается мистическим молчанием. Актуальной

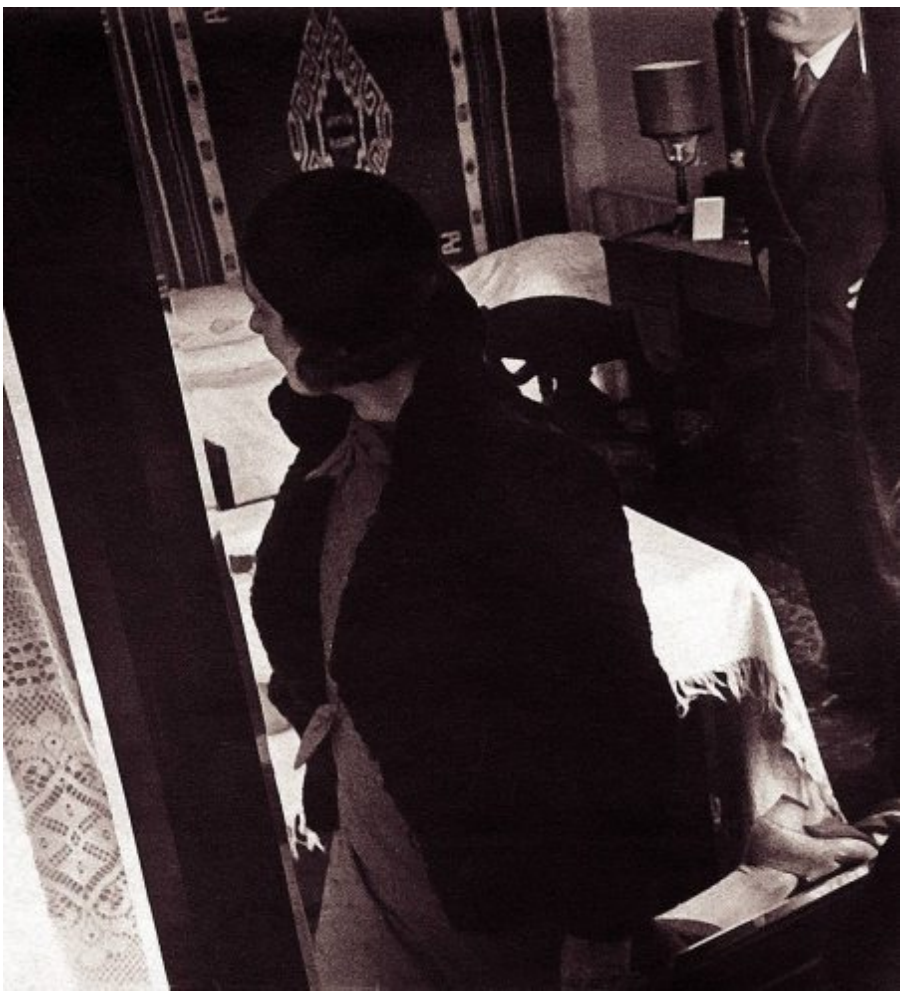
тенденцией в настоящий момент мне представляется тенденция, направленная на расширение сообщения.

Но в какой-либо форме компромисс всегда возможен. Я все же должен был признать, что как автор переживаю кризис. Я сказал ему, что поскольку мне могут действительно помочь лишь конкретные задачи и проблемы, а не общие убеждения или абстрактные решения, то я не вижу в данный момент какого-либо выхода. Он, однако, указал мне на мои заметки о городах. Это меня очень ободрило. Я начал с большей уверенностью думать о своем очерке о Москве. В завершение я прочел ему свой портрет Карла Крауса[70], поскольку о нем тоже шла речь.

28 декабря.

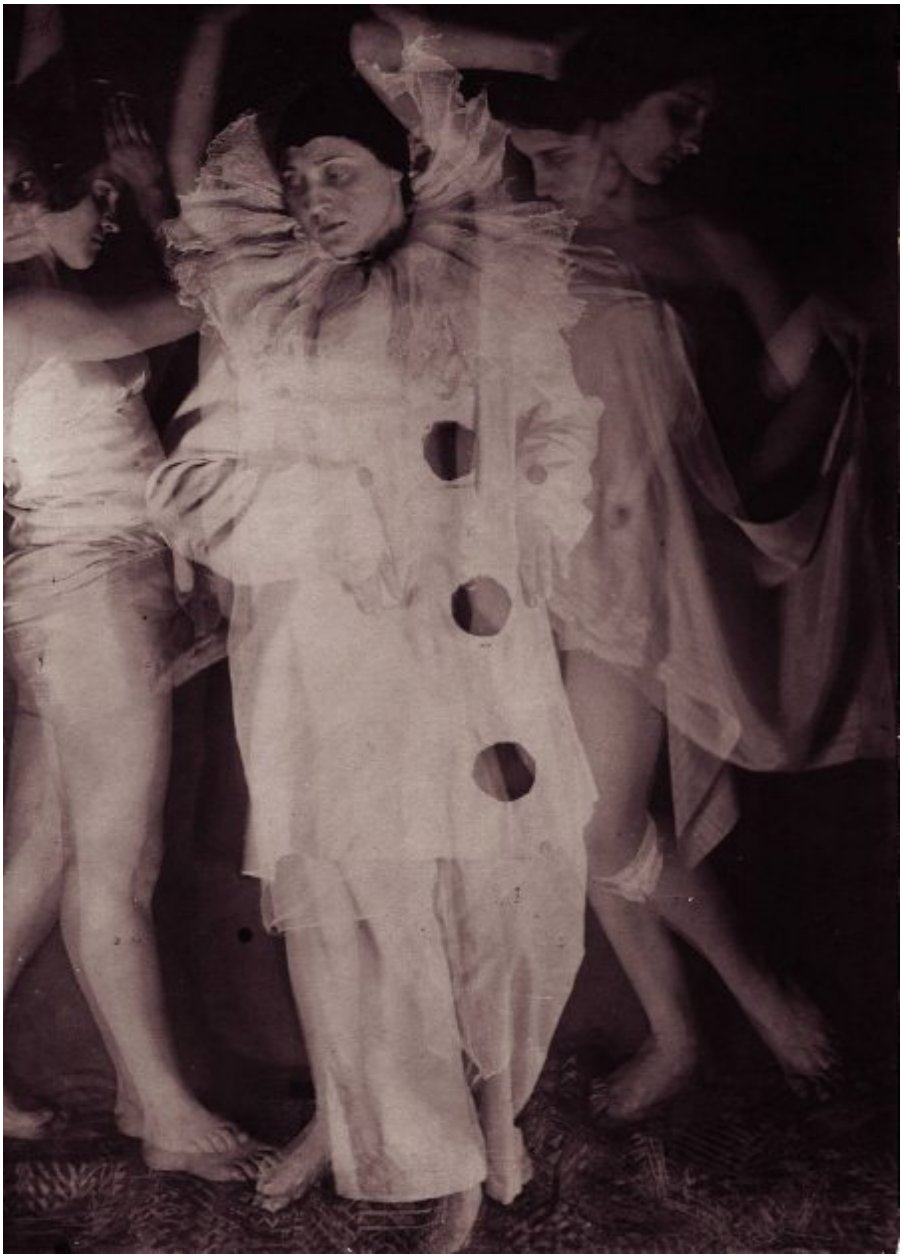
Мне кажется, что такого количества часовщиков, как в Москве, нет ни в одном городе. Это тем более странно, что люди здесь не слишком ценят время. Но тому есть, видимо, исторические причины. Если обратить внимание на то, как они движутся по улицам, то очень редко можно увидеть спешащего прохожего, разве что когда очень холодно. Из-за полной несобранности люди ходят какими-то зигзагами. (Чрезвычайно показательно, что, как рассказал мне Райх, в каком-то клубе висит транспарант, на котором написано: Ленин сказал, что время – деньги. Чтобы высказать эту банальную истину, здесь требуется ссылка на высший авторитет.) В этот день я забрал из ремонта починенные часы. – Утром шел снег, снег часто шел и в течение всего дня. Позднее началась небольшая оттепель. Я понимаю, что Асе не хватало в Берлине снега и ее ранил голый асфальт. Здесь зима проходит, как крестьянин в белой овчине, под густым снежным мехом. – Утром мы проснулись поздно и пошли в комнату Райха. Это осколок мелкобуржуазной квартиры, кошмарнее не придумаешь. При виде сотен покрывал, консолей, мягких обивок, гардин перехватывает дыхание; воздух, должно быть, пропитан пылью. В углу у окна стояла высокая елка. Даже она была ужасна своими тощими ветками и бесформенным снеговиком на верхушке. Утомительный путь от трамвайной остановки и кошмар этого помещения сбили меня с толку, и я несколько поспешно согласился разделить с Райхом в январе эту комнату. Такие мелкобуржуазные комнаты – поля сражений, по которым победно прошло сокрушительное наступление товарного капитала, ничто человеческое в них существовать не может. Но свою работу я, при моей склонности к похожим на пещеры помещениям, может быть, закончил бы в этой комнате достаточно успешно. Следует только подумать, есть ли смысл отказываться от отличной стратегической позиции моего сегодняшнего жилья

или же следует сохранить его даже ценой того, что из-за этого сократится ежедневный контакт с Райхом, который мне очень важен для получения информации. После этого мы долго шли по пригороду: мне должны были показать фабрику, занятую главным образом производством елочных украшений. «Архитектурная прерия», как назвал Москву Райх, носит на этих улицах еще более дикий характер, чем в центре. По обе стороны широкой аллеи деревянные крестьянские дома сменяются виллами в стиле модерн или строгими фасадами семиэтажных домов. Снег был глубоким, и вдруг наступила тишина, так что можно было представить, будто находишься в глубине России, в заснеженной деревне. За рядом деревьев стояла церковь с синими и золотыми куполами и, как обычно, зарешеченными со стороны улицы окнами.



Виктор Иваницкий. Без названия. (Квартира Ильфов в Соймоновском проезде). 1933 г.

Между прочим, на фасадах церквей здесь еще часто встречаются изображения святых, в то время как в Италии это бывает только у самых старых церквей (например, Св. Фреджиниано в Лукке). Так случилось, что работницы как раз не было на месте, и фабрики мы не увидели. Вскоре мы разошлись. Я пошел вниз по Кузнецкому мосту и смотрел книжные магазины. На этой улице находится (судя по виду) самый большой книжный магазин Москвы. Я видел в витринах и иностранные издания, правда по неслыханным ценам. Русские книги практически без исключения продаются не переплетенными. Бумага здесь в три раза дороже, чем в Германии, она главным образом импортная, и на оформлении книг явно экономят как могут. По пути я купил – поменяв деньги в банке – горячий пирог с мясной начинкой, которые здесь повсюду продают на улицах. Через несколько шагов на меня налетел мальчишка, которому я дал кусок пирога, когда наконец понял, что он хочет не денег, а хлеба. – Днем я обыграл Райха в шахматы. Потому Аси, где было совершенно скучно, как вообще в последние дни, потому что Ася подавлена преследующими ее страхами; я совершил большую ошибку, попытавшись защитить Райха от совершенно глупых обвинений. После этого на следующий день он сказал мне, что пойдет к Асе один. Вечером же было похоже, что он стремится быть очень дружелюбным. Идти на репетицию пьесы Иллеша, как мы запланировали, было уже поздно, а поскольку Ася не пришла, мы отправились в *крестьянский клуб*[71], чтобы присутствовать на «судебном процессе». Когда мы добрались, была уже половина девятого, и мы узнали, что начали час назад. Зал был переполнен, и никого уже не допускали. Но одна сообразительная женщина воспользовалась моим присутствием. Она заметила, что я из-за границы, представила меня и Райха иностранцами, которых она сопровождает, и получила возможность попасть внутрь сама и провела меня. Мы вошли в обитый красным зал, в котором собралось около трехсот человек. Зал был набит битком, многие стояли.



Алексей Сидоров. Без названия (Мультипликационная запись танцевального движения). 1926–1927 гг.

В нише – бюст Ленина. Процесс проходил на сцене, по обе стороны от которой были нарисованы фигуры пролетариев, крестьянина и фабричного рабочего. Над сценой советская эмблема. Когда мы вошли, доказательства были уже представлены, слово получил эксперт. Он сидел рядом с коллегой за небольшим столиком, напротив – стол прокурора, оба стола

торцом к залу. Стол коллегии судей стоял лицом к публике, перед ним сидела на стуле в черной одежде, с толстой палкой в руках обвиняемая, крестьянка. Все участники были хорошо одеты. Обвинение гласило: знахарство, приведшее к смерти пациентки. Крестьянка помогала при родах (или аборте) и ошибочными действиями вызвала трагический исход. Аргументация кружила довольно примитивными ходами вокруг этого происшествия. Эксперт дал свою оценку: к смерти привело исключительно вмешательство знахарки. Адвокат защищает обвиняемую: злого умысла не было, в деревне отсутствует медицинская помощь и санитарное просвещение. Прокурор требует смертной казни. Крестьянка в своем заключительном слове: люди всегда умирают. После этого председательствующий обращается к публике: есть ли вопросы? На сцене появляется *комсомолец* и требует предельно сурового наказания. Дальше суд удаляется для совещания – возникает пауза. Оглашение приговора все заслушивают стоя. Два года тюрьмы с учетом смягчающих обстоятельств. Поэтому одиночное заключение не предусмотрено. Председательствующий со своей стороны указывает на необходимость создания на селе центров санитарии. Люди разошлись. До этого я не видел в Москве такой простой публики. В ней было, по-видимому, много крестьян, поскольку этот клуб предназначен как раз для них. Меня провели по помещениям. В читальном зале мне бросилось в глаза, как и в детском санатории, что стены полностью увешаны наглядными материалами, особенно много было статистических данных, составленных частью – с цветными иллюстрациями – самими крестьянами (деревенская хроника, развитие сельского хозяйства, производственные отношения и культурные учреждения), но, кроме того, на стенах повсюду можно видеть и инструменты, детали машин, реторты с химикалиями, и т. д. С любопытством я подошел к консоли, с которой ухмылялись две негритянские маски. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это противогазы. Наконец меня привели и в спальные помещения клуба. Они предназначены для крестьян и крестьянок, поодиночке и группами приезжающих в город в *командировку*. В больших комнатах расположено по большей части по шесть кроватей; одежду каждый кладет на ночь поверх постели. Умывальные должны быть где-то в другом месте. В самих комнатах умывальников нет. На стенах изображения Ленина, Калинина, Рыкова и др. Особенно культ изображений Ленина принял здесь необъятные размеры.

На Кузнецком мосту есть магазин, специализирующийся на таких изображениях, там они есть во всех размерах, позах и материалах. В комнате отдыха в клубе, где можно было в этот

момент услышать радиоконцерт, есть очень выразительный рельеф, изображающий его в натуральную величину, по грудь, во время произнесения речи. Более скромные изображения висят также в кухнях, бытовках и т. д. большинства официальных учреждений. В клубе могут разместиться до четырехсот гостей. В становящемся все более назойливым сопровождении женщины, которая помогла нам попасть в клуб, мы вышли из него и решили, когда наконец остались одни, пойти в *пивную*, где как раз должно было быть вечернее представление. Когда мы входили, у двери несколько человек суетились, вынося пьяного. В зале, не слишком большом, но и не очень заполненном, сидели за пивом отдельные посетители и небольшие группы. Мы сели довольно близко от дощатой эстрады, позади которой красовалось слащаво-размытое изображение зеленой долины, с фрагментом руины, словно растворяющейся в воздухе. Однако этот вид не покрывал всей длины сцены. После двух песенных номеров следовала наиболее эффектная часть вечера, *инсценировка*, т. е. взятый откуда-то, из эпического произведения или лирики, сюжет, обработанный для театра. Все выглядело как драматургическое обрамление нескольких песен о любви и крестьянских песен. Сначала вышла одна женщина и слушала пение птицы. Потом из-за кулис вышел мужчина и так далее, пока вся сцена не заполнилась, и все завершилось хоровым пением с танцами. Все это не слишком отличалось от семейных празднеств, однако с исчезновением этих ритуалов в жизни для мелкого буржуа они стали, по-видимому, еще более притягательными на сцене.

К пиву подают своеобразную закуску: покрытые солью крошечные кусочки высушенного белого и черного хлеба, а также сухой горох в соленой воде.

29 декабря.

В России образ человека из народа начинает принимать различимые очертания. Предстоит премьера пропагандистского фильма «Шестая часть мира»[72]. На улице, в снегу, пачками лежат карты СССР, которые торговцы предлагают прохожим. Мейерхольд использует карту в спектакле «Даешь Европу»[73] – Запад изображен на ней как сложная система маленьких полуостровов, относящихся к России. Географическая карта так же близка к тому, чтобы стать центром нового русского визуального культа, как и портрет Ленина. Тем временем старый культ продолжает существовать в церквах. Я зашел в этот день во время прогулки в церковь Казанской Божьей Матери, о которой Ася сказала, что она ее любит. Она находится на углу Красной площади. Сначала попадаешь в просторную прихожую с

несколькими изображениями святых. Похоже, она предназначена главным образом для женщины, присматривающей за храмом. Там полумрак, это подходит для заговоров. В таких помещениях можно совещаться о чрезвычайно сомнительных делах, при случае даже о погромах. Дальше следует собственно помещение для богослужения. В глубине две лесенки, ведущие на узкий, невысокий подиум, по которому движутся вдоль икон. На небольшом расстоянии за алтарем следует еще один алтарь, мерцающий красный огонек горит у каждого из них. Боковые пространства заняты очень большими иконами. Все части стены, оставшиеся без икон, закрыты сверкающей золотой фольгой. Со слащаво расписанного потолка свисает хрустальная люстра. С одного из стоящих у входа стульев я наблюдал церемониальные действия. Некоторые из них – старинные обычаи почитания изображений святых. Перед большими иконами крестятся, затем падают на колени, наклоняясь так, что лоб касается земли, и дальше молящийся или кающийся, снова перекрестившись, обращается к следующей иконе. Маленьким иконам, находящимся по одной или по нескольку на небольших пюпитрах под стеклом, не кланяются; над ними наклоняются и целуют стекло. Я подошел поближе и заметил, что рядом с ценными старинными вещами под стеклом на том же пюпитре лежат и не представляющие никакой ценности олеографии массовой печати. В Москве гораздо больше церквей, чем поначалу кажется. Приехавший из Западной Европы ищет их по высоким колокольням, глядя вверх. Нужно сначала привыкнуть распознавать в длинных стенах и нагромождениях низких куполов широкие комплексы монастырских церквей и часовен. Тогда становится ясно, почему Москва во многих местах производит впечатление крепости: низкие башни на Западе характерны для светской архитектуры. Я пришел с почтамта, где отправил телеграмму, и, наконец, долго бродил по залам Политехнического музея в тщетных поисках выставки рисунков душевнобольных. В качестве компенсации я прошелся вдоль палаток, стоящих у стены *Китай-города.* Здесь центр букинистической торговли. Искать что-нибудь интересное из нерусской литературы здесь было бы безнадежно. Но и русских изданий прошлого времени здесь (судя по переплетам) нет. Все же в течение последних лет должны были быть растащены огромные библиотеки. Но, может быть, только в Ленинграде?

А не в Москве, где их, возможно, было не так много? В одной из палаток в *Китайском проезде* я купил Штефану гармонику. – Еще об уличной торговле. Все рождественские товары (канитель, свечи, подсвечники, елочные украшения и сами елки) продаются

и после 24 декабря. Я думаю, что до второго, церковного, Рождества. – Соотношение цен в палатках и магазинах государственной торговли. Газету Berliner Tagesblatt от *20* ноября я купил 8 декабря. На *Кузнецком мосту* мальчик, продающий глиняную посуду, крошечные тарелки и плошечки, ударяет их друг о друга, чтобы доказать, что они прочные. Примечательное явление в *Охотном ряду,* женщины, держащие на ладони, на соломенной подстилке один-единственный кусок сырого мяса, курицу или что-нибудь в этом роде, предлагают их прохожим. Это торговки без лицензии. У них нет денег, чтобы купить лицензию на лоток, и нет времени, чтобы оформить ее надень или неделю. Когда появляется милиционер, они просто разбегаются вместе со своим товаром. – О времени после обеда ничего не помню. Вечером с Райхом – на плохом фильме (с Ильинским), неподалеку от моей гостиницы.

30 декабря.

Елка все еще стоит в моей комнате. Постепенно я начинаю понимать звуки, которые меня здесь окружают. Увертюра начинается рано утром и включает все лейтмотивы: сначала тяжелые шаги по лестнице, которая напротив моего номера спускается в полуподвал. Возможно, по ней поднимается на работу персонал. Потом начинает звонить телефон в коридоре и, почти не прерываясь, продолжает звонить до часа или двух ночи. Московский телефон функционирует превосходно, лучше, чем в Берлине или Париже. Любое соединение происходит за три-четыре секунды. Особенно часто по телефону говорит громкий детский голос. Благодаря множеству повторяемых номеров мое ухо привыкает к русским числам. Потом, около десяти, проходит мужчина, он стучит по очереди в двери и спрашивает, закрыта ли заслонка. В это время топят. Райх полагает, что какое-то количество угарного газа проникает в мою комнату, даже когда заслонка закрыта.

Василий Живаго. Без названия (Этюд «Ноги» для выставки «Искусство движения»). 1926–1927 гг.

По ночам в комнате такая духота, что, может быть, это и так. Между прочим, тепло идет и от пола, на нем есть, как в вулканической местности, совсем горячие участки. Если к этому времени не встать, то сон нарушает ритмический стук, будто кто-то отбивает гигантские бифштексы; это колют дрова во дворе. И при всем этом моя комната дышит спокойствием. Мне редко приходилось жить в помещении, где работа шла бы так легко. – Заметки о ситуации в России. В разговорах с Райхом я обрисовал, насколько противоречиво положение России в настоящее время. Во внешних отношениях правительство стремится к миру, чтобы заключать с империалистическими государствами торговые договоры; но прежде всего оно стремится внутри страны к ограничению влияния воинствующего коммунизма, оно пытается на время установить классовый мир, деполитизировать повседневную жизнь, насколько это возможно. С другой стороны, в пионерских отрядах, в комсомоле молодые люди воспитываются «по-революционному». Это значит, революционность приходит к ним не как непосредственная реальность, а как лозунг. Предпринята попытка приостановить в государственной жизни динамику революционного процесса – желают того или нет, но начался процесс реставрации, однако, несмотря на это, революционную энергию стараются сохранить в молодежи,

словно электроэнергию в батарее. Это невозможно. От этого в молодых людях, часто первого поколения, получивших более чем скромное образование, пробуждается коммунистическое высокомерие, для которого в России уже есть особое название[74]. Чрезвычайно серьезные трудности реставрации ощутимо проступают и в области образования. Чтобы противостоять катастрофической необразованности, выдвинут лозунг, согласно которому необходимо распространять знание русской и западноевропейской классики. (Кстати сказать, именно поэтому мейерхольдовской постановке «Ревизора» и ее провалу придается такое значение.) Насколько этот лозунг отражает необходимость, становится ясно, когда слышишь, как недавно в одной из дискуссий Либединский[75] заявил Райху относительно Шекспира, будто тот жил еще до изобретения книгопечатания. С другой стороны, сами эти буржуазные культурные ценности переживают в период распада буржуазного общества чрезвычайно критическую стадию. Они не могут быть экспроприированы в том виде, в каком они сейчас находятся, – после того как столетие находились в руках буржуазии, – не потеряв при этом своей последней, пусть даже вполне сомнительной, значимости. Этим ценностям предстоит, так сказать, проделать дальнюю дорогу, словно драгоценному кубку, который не переживет такую транспортировку без соответствующей упаковки. Упаковать, однако, значит сделать невидимым, и это прямо противоположно популяризации культурных ценностей, как того официально требует партия. Теперь оказывается, что в Советской России эти ценности популяризируются как раз в том искаженном, убогом виде, которым они в конечном итоге обязаны империализму. Такой человек, как Вальцель[76], избран членом академии, а в «Вечерней Москве» Коган, ее председатель, публикует статью о западной литературе, в которой без всякого понимания слеплено вместе что попало (Пруст и Броннен![77]) и которая с помощью нескольких имен пытается сообщить некую «информацию» о заграница. Возможно, единственная культурная часть Запада, по отношению к которой Россия в состоянии проявить столь живое понимание, что ее освоением действительно стоит заниматься, это американская культура. Культурные контакты как таковые, т. е. без основания конкретных экономических отношений, отвечают интересам пацифистской разновидности империализма, а для России это – реставрационное явление. Между прочим, из-за отрезанности России от заграницы получение информации сильно затруднено. Точнее говоря: общение с заграницей идет главным образом через партию и касается прежде всего политических вопросов. Крупная буржуазия уничтожена,

возникающая мелкая буржуазия не обладает ни материальными, ни духовными возможностями налаживать контакты с заграницей. Сейчас виза для поездки за границу, если эта поездка не является государственной или партийной командировкой, стоит 200 рублей. Несомненно, что в России знают о заграница гораздо меньше, чем за границей (пожалуй, за исключением романских стран) знают о России. Однако здесь люди заняты в первую очередь тем, чтобы наладить контакты на самой этой необъятной территории, между отдельными национальностями, а прежде всего между рабочими и крестьянами. Можно сказать, что то немногое, что знают в России о заграница, находится в том же положении, что *червонец:* в России это очень большая денежная ценность, а за границей его даже не включают в курсы валют. Чрезвычайно характерно, что очень посредственный русский киноактер, Ильинский, беззастенчивый, мало элегантный подражатель Чаплина, пользуется здесь славой великого комика просто-напросто потому, что фильмы Чаплина так дороги, что их здесь не показывают. Дело в том, что русское правительство вообще выделяет на зарубежные фильмы очень мало средств. Оно рассчитывает на интерес зарубежных конкурентов в кинопромышленности, стремящихся завладеть русским рынком, и закупает то, что можно взять по дешевке, старается взять фильмы как своего рода рекламные образцы почти что даром. Само же русское кино, если оставить в стороне наиболее значительные картины, в общей массе не слишком-то замечательно. У него беда с сюжетами. Дело в том, что цензура в кино жесткая, в отличие от театральной цензуры она урезает возможности кино – быть может, с оглядкой на заграницу – в выборе материала. Серьезная критика советского человека здесь невозможна, не то что в театре. Но и буржуазную жизнь тоже нельзя изображать. Для гротескной комедии в американском духе также нет возможности. Она основана на неограниченной игре с техникой. Однако все, что касется техники, здесь сакрально, ничто не воспринимается так серьезно, как техника. Но прежде всего – русскому кино совершенно ничего не известно об эротике. Как известно, пренебрежение любовью и сексуальной жизнью входит в коммунистическое кредо. Изображение в кино или театре трагической любовной интриги было бы расценено как контрреволюционная пропаганда. Остается возможность социальной сатиры, мишенью которой является главным образом новая буржуазия. Осуществима ли на такой основе экспроприация кино, этого наиболее развитого империалистического средства контроля над массами, – большой вопрос. – С утра работал, потом с Райхом – в *Госфильм.* Но Панского не было. Мы все поехали в

Политехнический музей.

Николай Кулешов. Сушка деталей куклы. Кустарная артель «Все для ребенка». До 1929 г.

Вход на выставку рисунков душевнобольных оказался с боковой улицы. Сама выставка была не слишком интересной; с художественной точки зрения материал был не интересен, но хорошо организован и наверняка может быть использован в науке. Когда мы там были, проходила небольшая экскурсия, однако узнать из пояснений можно было лишь то же самое, что уже было написано на небольших табличках у картин. Райх оттуда поехал в *дом Герцена*, я приехал позднее, заехав до того в институт, чтобы получить на вечер билеты на спектакль Таирова. Время после обеда у Аси опять было скучным. Райх раздобыл в санатории (у украинца) шубу на следующий день. В театр мы успели вовремя[78]. Играли «Любовь под вязами» О'Нила. Постановка была очень плоха, особенно разочаровала Коонен[79], она была совершенно неинтересной. Интересной (правда, как доказал Райх, по ошибке) была разбивка на отдельные сцены (кинофикация) с помощью занавеса и смены освещения.

Темп был гораздо выше, чем это здесь принято, а динамика декораций дополнительно ускоряла его. Декорации показывали сразу три комнаты в разрезе: на первом этаже большая комната с окном, через которое открывается даль, и входом.

В некоторых местах ее стены поднимались, разворачиваясь на

180 градусов, и тогда со всех сторон открывалось свободное пространство. Два других помещения находились на первом этаже, лестница к ним была закрыта от публики сколоченной из реек коробкой. Было занимательно следить за движением фигур вверх и вниз через эту решетчатую конструкцию.

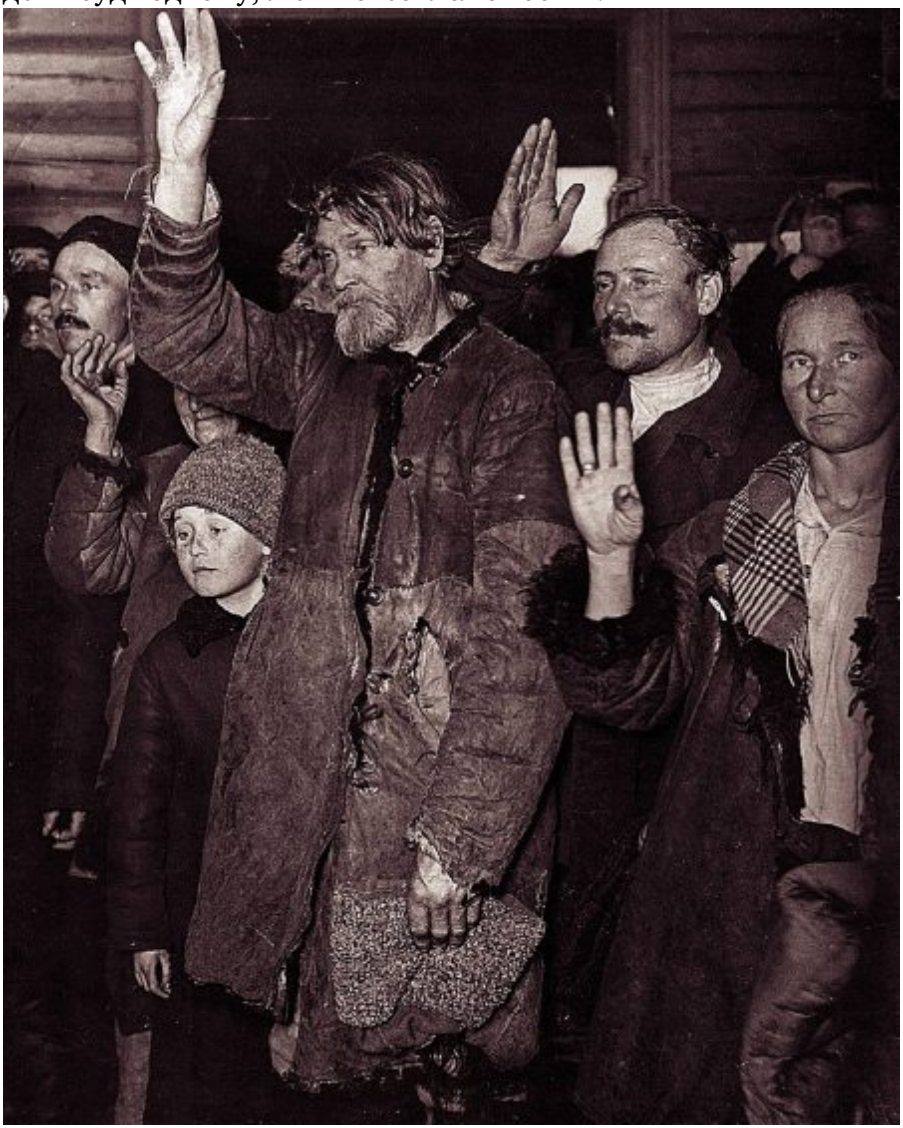
На асбестовом занавесе – шесть граф, показывающих репертуар следующих дней. (В понедельник здесь спектаклей нет.)

По просьбе Райха я спал ночью на софе и пообещал разбудить его на следующее утро.

31 декабря.

В этот день Райх поехал к Даге. Около десяти пришла Ася (я был еще не готов), и мы пошли к ее портнихе. Весь этот поход был туп и бесцветен. Начался он с упреков: что я таскаю с собой Райха и он от этого устает. Потом она призналась мне, что целые дни злится на меня из-за блузки, которую я ей привез. Дело в том, что она порвалась, как только она ее надела. Сдуру я еще сказал, что купил ее у Вертхайма[80] (наполовину – ложь, что всегда глупо). И вообще я был не слишком разговорчив, потому что одно только постоянное и изматывающее ожидание ответа из Берлина уже оказало на меня не лучшее действие. Под конец мы на несколько минут сели в кафе. Но лучше бы мы этого не делали. Ася думала только об одном: вовремя вернуться в санаторий. В чем дело, почему все живое в последние дни исчезло из наших встреч и других наших отношений, я не знаю. Но из-за беспокойства, в котором я нахожусь, у меня не получается скрыть это. А Ася требует такого безраздельного, проникновенного внимания, на которое я без какой-либо поддержки и расположения с ее стороны не способен. У нее самой состояние плохое, это из-за Даги, о которой Райх принес вести, которые ее по крайней мере не удовлетворили. Я думаю, что мои послеобеденные посещения следует сделать более редкими. Потому что уже сама комнатка, в которой сейчас редко бывает трое, чаще всего четверо, а если к соседке Аси приходят гости, то и больше людей, действует на меня удручающе: я слушаю много русских разговоров, ничего не понимаю, засыпаю или читаю. После обеда я принес Асе торт. В ответ она только ругалась, настроение у нее было прескверное. Райх пошел к ней на полчаса раньше (я собирался дописать письмо Хесселю[81]), и то, что он сообщил о Даге, очень ее взволновало. Все время настроение было печальным. Я рано ушел, чтобы отправиться в театр Мейерхольда за билетами для нее и меня на «Даешь Европу», которую играли в этот вечер. До того еще на минутку в

гостиницу, чтобы передать, что начало без четверти 9. *Я* воспользовался случаем, чтобы проверить почту: ничего не было. Днем Райх соединил меня с Мейерхольдом, и тот обещал мне билеты. С большим трудом я пробился теперь, чтобы их получить, ко второму директору. К моему изумлению, Ася пришла вовремя. Она снова была в своем желтом платке. Ее лицо в эти дни стало неприятно-гладким. Когда мы перед началом спектакля стояли перед афишей, я сказал: «Вообще-то Райх замечательный парень». – «?» – «Если бы мне сегодня вечером пришлось сидеть где-нибудь одному, я бы повесился с тоски».



Аркадий Шайхет. Перевыборы. Голосуют. 1927 г.

Но и эти слова не оживили нашего разговора. Представление было очень интересным, и один раз – не помню уж, в каком месте это было, – мы ощутили себя более близкими людьми.

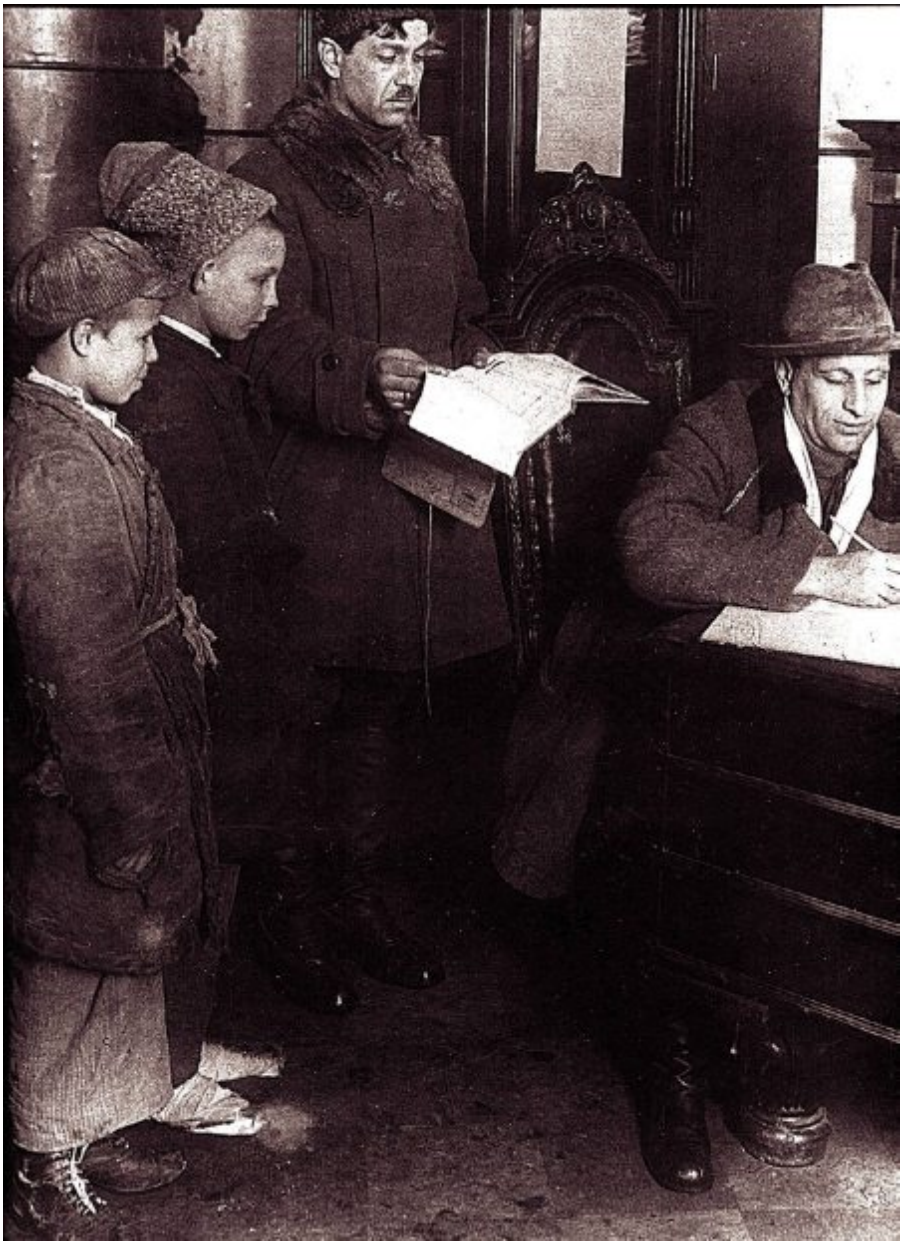
Все же вспомнил – это была сцена «Кафе Рич» с музыкой и танцами апачей. «Уже пятнадцать лет, – сказал я Асе, – как эта романтика индейцев странствует по Европе, и куда бы она ни пришла, люди ей поддаются». В антрактах мы беседовали с Мейерхольдом. Во втором антракте он дал нам спутницу и отправил в «музей», где хранят макеты его декораций. Там я увидел замечательные конструкции для «Великодушного рогоносца»[82], знаменитые декорации к «Бубусу»[83] с бамбуковым ограждением (бамбуковые стволы сопровождают появление или уход актеров, а также все важные моменты пьесы своим треском, который может быть то громче, то тише), носовую часть корабля из пьесы *«Рычи Китай»*[84] с водой на авансцене и другое. Я записался в книгу почетных гостей. В последнем акте Асю раздражала стрельба. На лестнице, когда мы во время первого антракта искали Мейерхольда (мы нашли его только в самом конце антракта), я на мгновение оказался впереди. И тут я почувствовал на шее Асину руку. Воротник моего пиджака завернулся, и она поправила его. В этот момент я осознал, как давно я не ощущал дружеского прикосновения. В половине двенадцатого мы снова были на улице. Ася ругалась, что я ничего не приготовил на ужин, а то она могла бы, чтобы отметить Новый год, еще зайти ко мне. Напрасно я уговаривал ее зайти в кафе. Предположение, что Райх, возможно, заготовил какую-нибудь еду, на нее тоже не действовало. В печальном молчании я провожал ее домой. Снег в эту ночь искрился. (В другой раз я видел на ее пальто снежинки, каких в Германии, наверное, не бывает.) Почти из упрямства и больше для того, чтобы испытать ее, чем под влиянием истинного чувства, я попросил ее, когда мы уже пришли к санаторию, поцеловать меня, еще в старом году. Но она отказалась. Я отправился, так и оставшись в Новый год одиноким, но не печальным. Потому что я знал, что Ася тоже одна. Где-то тихо зазвонил колокол, как раз когда я был у гостиницы. Я стоял какое-то время и слушал. Открыв дверь, Райх огорчился. Он накупил всего: портвейна, халвы, лосося, колбасы. Тут я снова расстроился, что Ася ко мне не пришла.

Но скоро мы разговорились и отвлеклись. И, лежа на постели, я много съел и выпил портвейна, так что под конец говорил не без труда и больше механически.

1 января.

На улицах продают украшенные по-новогоднему ветки.

Проходя по Страстной площади, я видел продавца, который держал длинные прутья, покрытые до самого кончика зелеными, белыми, голубыми, красными бумажными цветами, на каждой ветке – свой цвет. Я бы хотел написать о «цветах» в Москве, и при этом не только о героических рождественских розах, но и об огромных розах-абажурах, которые торговцы гордо носят по всему городу. Потом о слащавых сахарных клумбах на тортах. Но есть и торты в форме рога изобилия, из которого сыплются хлопушки или шоколадные конфеты в пестрой обертке. Булки в форме лиры. Похоже, что «кондитер» из старых детских книг остался только в Москве. Только здесь есть еще сахарная вата, витые леденцы, которые так приятно тают на языке, что забываешь о жестоком морозе. Надо бы поговорить и обо всем, что рождено здесь морозом, в том числе и о крестьянских платках, голубой узор на которых срисован с узоров, нарисованных морозом на стекле. Уличные достопримечательности неисчерпаемы. Я заметил очки оптических магазинов, через которые вечернее небо смотрится как южная синева. Потом широкие санки с тремя отделениями для арахиса, лесных орехов и *семечек* (семена подсолнечника, которые теперь, по предписанию властей, нельзя щелкать в общественных местах). Потом я видел торговца с маленькими кукольными санками. Наконец, оловянные урны – на улице нельзя ничего выбрасывать. Еще о вывесках: отдельные латинские надписи – cafe, tailleur. Надпись *«Пивная»* пишется на фоне, который переходит от глухого зеленого цвета наверху к грязно-желтому внизу.



Яков Штейнберг (?). Без названия (Детоприемник). До 1928 г.

Очень многие магазинные вывески выдаются на улицу под прямым углом. – Утром после Нового года я долго оставался в постели. Райх встал не поздно. Мы проговорили, наверное, больше двух часов. О чем, я уже и не помню. Около полудня мы пошли прогуляться. Поскольку подвальный ресторан, в котором мы обычно едим по выходным, был закрыт, мы пошли в гостиницу «Ливерпуль». В этот день было чрезвычайно холодно,

мне было трудно передвигаться. За столом мне досталось хорошее место, справа от меня было окно с видом на заснеженный двор. На этот раз я не отказался выпить за обедом. Мы заказали немного закусить. Жаль только, что нас быстро обслужили, я бы с удовольствием посидел еще в этом облицованном деревом зале, где было не много столов. В ресторане не было женщин. Мне это очень понравилось. Я заметил, как сильная потребность в покое, одолевшая меня с избавлением от мучительной зависимости от Аси, везде находит источники для удовлетворения. Естественно, это прежде всего, как известно, еда и питье. Даже мысль о моей долгой обратной поездке приобрела для меня какие-то приятные черты (пока, как в последние дни, не вмешалось беспокойство по поводу домашних дел), мысль о том, чтобы почитать детектив (я этого почти не делаю, но тешусь мыслью об этом) и ежедневные партии домино, в которых порой разряжается мое напряженное отношение к Асе. Но в этот день мы, насколько я помню, не играли. Я попросил Райха купить мандаринов, которые я собирался потом подарить Асе. Я сделал это не столько потому, что накануне она просила меня принести ей их на следующий день, – я тогда даже отказался выполнить ее просьбу – сколько затем, чтобы получить передышку во время нашего марш-броска по морозу. Но Ася приняла кулек (на котором я написал, не произнося ей этого, «С Новым годом!») очень мрачно (а надпись она не заметила). Вечером дома, писал и разговаривал. Райх начал читать книгу о барокко.

2 января.

Я позавтракал очень плотно. Дело в том, что мы не знали, что будет с обедом, и Райх накупил еды. На час был назначен прогон пьесы Иллеша «Покушение» для прессы в Театре революции. Из ложного стремления угодить склонности публики к сенсациям в качестве первого заглавия прибавили «Купите револьвер» и тем самым лишили всякой неожиданности заключительную сцену, в которой белогвардейский террорист, когда коммунисты разоблачают его, пытается по крайней мере сбыть им оружие. В пьесе есть сильная сцена в духе Гран-Гиньоля[85], вообще же она полна политико-теоретических амбиций. Дело в том, что ее задача – показать безнадежную ситуацию мелкой буржуазии. Беспринципная, неуверенная и использующая с оглядкой на публику множество мелких эффектов постановка этого не раскрыла. Она даже не использовала те большие козыри, которые ей давала захватывающая ситуация концентрационного лагеря, кафе, казармы в деградировавшей, грязной, тоскливой Австрии

1919 года. Организация сценического пространства была настолько беспомощной, что я ничего подобного, пожалуй, не видел: появления и уходы со сцены не производили никакого впечатления. Было ясно видно, что происходит со сценической концепцией Мейерхольда, когда некомпетентный режиссер пытается ее заимствовать. Зал был полон. Даже и в этом случае можно было видеть некоторые туалеты. Иллеша вызывали. На мне было пальто Райха, потому что он по соображениям престижа хотел выглядеть в театре прилично. В антракте мы познакомились с Городецким[86] и его дочерью. После обеда, у Аси, я ввязался в бесконечную политическую дискуссию, в которой и Райх принял некоторое участие. Украинец и соседка Аси представляли одну позицию, она сама и Райх – другую. Речь снова шла об оппозиции в партии. Но в этом споре нельзя было достичь даже взаимопонимания, не говоря уже о согласии; оппоненты никак не могли взять в толк, о какой потере идеологического престижа в связи с выходом оппозиционеров из партии говорят Ася и Райх. О чем, собственно, был весь этот спор, я узнал только тогда, когда курил внизу с Райхом сигарету. Русская беседа пяти участников (поскольку там была еще и подруга Асиной соседки), которую я вынужден был наблюдать со стороны, снова удручила и утомила меня. Я решил, что если это будет продолжаться, то я уйду. Но когда мы снова поднялись, решили играть в домино. Райх и я играли против Аси и украинца. Было воскресенье после Нового года. Дежурила «хорошая» сестра, и поэтому мы оставались там и после ужина, и сыграли несколько ожесточенных партий. Я чувствовал себя в этой ситуации очень хорошо, украинец сказал, что я ему нравлюсь. Когда мы наконец ушли, мы зашли еще в кондитерскую, чтобы выпить по чашке чая. Дома последовал долгий разговор о моем положении свободного литератора, вне партии и должностей. То, что Райх говорил мне, было правильно, я бы сам ответил то же самое любому, кто заявил бы мне то, что сказал я.

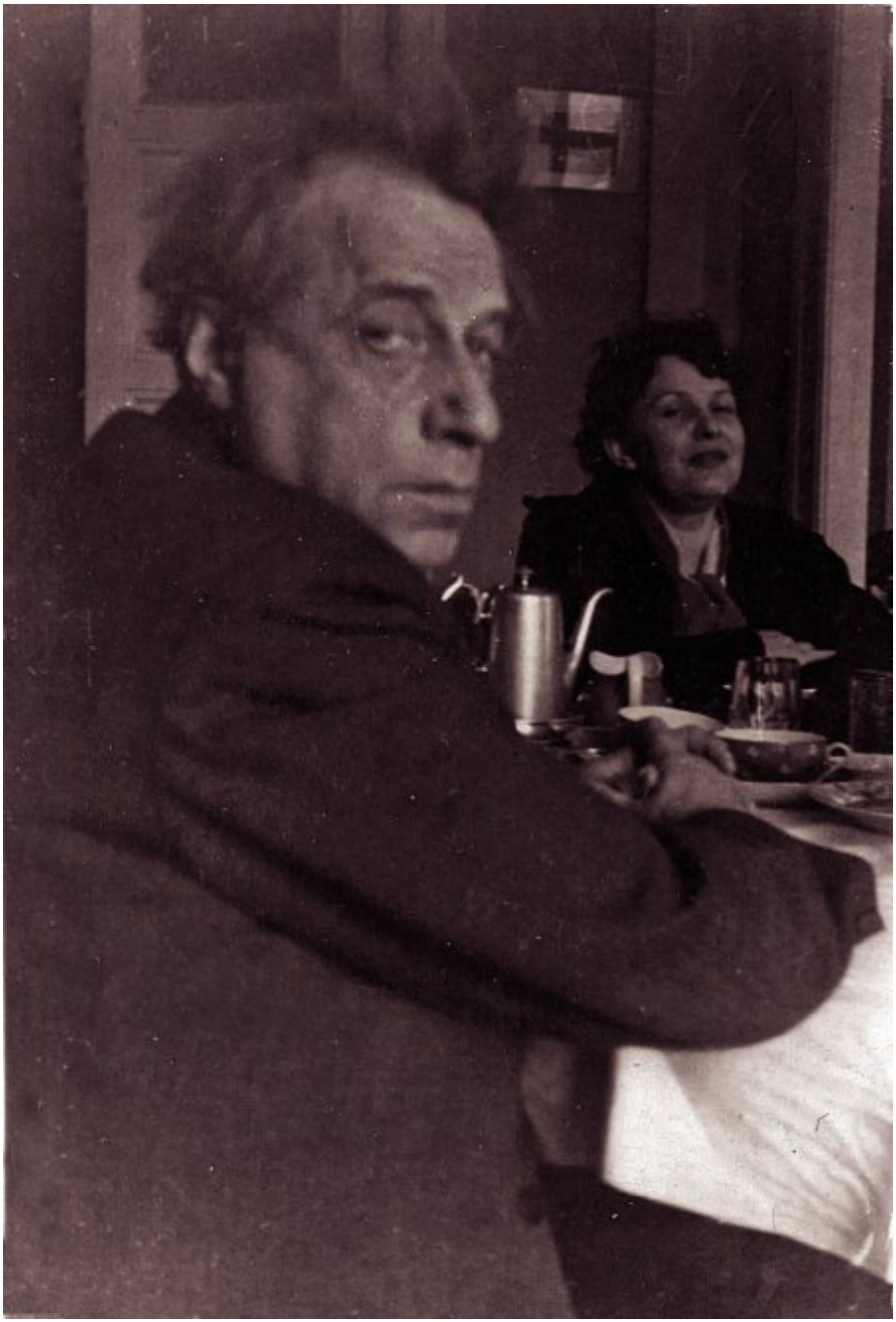
И я прямо ему это высказал.

3 января.

Рано утром мы отправились на фабрику, на которой работает хозяйка Райха. Было что посмотреть, мы пробыли там около двух часов. Начну с ленинского уголка. Задняя стена белой комнаты обита красным, с потолка свисает красный бордюр с золотой бахромой. Слева на этом красном фоне расположен гипсовый бюст Ленина – он такой же белый, как беленые стены. Из соседнего помещения, в котором производят канитель, в комнату вдается трансмиссия. Вращается колесо, и через отверстие в стене

скользят кожаные приводные ремни. На стенах развешаны пропагандистские плакаты и портреты знаменитых революционеров или картины, в стенографической форме изображающие историю российского пролетариата. События 1905–1907 годов представлены в стиле огромной открытки. На ней, с наложением друг на друга, сражения на баррикадах, тюремные камеры, восстание железнодорожников, «черное воскресенье» перед Зимним дворцом. Многие плакаты направлены против пьянства. Этой же теме посвящена и стенная газета. Предполагается, что стенные газеты появляются каждый месяц, на самом деле несколько реже. Ее стиль в целом похож на детские юмористические издания: картинки чередуются с прозаическими или поэтическими текстами. В первую же очередь газета содержит хронику коллектива, работающего на этой фабрике. Поэтому она сатирически отражает некоторые негативные события, но есть и статистические данные по работе в области образования, проведенной в последнее время. Другие плакаты посвящены гигиеническому просвещению: рекомендуются марлевые занавески как средство от мух, объясняются преимущества молочной диеты. На фабрике работают (в три смены) 150 человек. Основная продукция: резиновые ленты, нитки, шпагат, серебряная тесьма и елочные украшения. Это единственная фабрика такого рода в Москве. Но ее производственная структура не столько результат «вертикальной» организации, сколько свидетельство низкой степени дифференциации промышленности. Здесь можно наблюдать, как в одном и том же помещении один и тот же производственный процесс выполняется машиной и вручную. Справа машина наматывает нить на катушку, слева рука работницы вращает колесо: в обоих случаях один и тот же процесс. Большая часть рабочих – крестьянки, и среди них не много членов партии.

У них нет единой рабочей одежды, нет даже рабочих фартуков, и они сидят на своих местах, словно занимаются домашней работой. Уютно и неторопливо склоняют они свои замотанные шерстяными платками головы над работой. А вокруг них плакаты, заклинающие все ужасы машинного производства.



Неизвестный фотограф. Без названия (Вс. Мейерхольд и З. Райх). После 1930 г.

Вот рабочий, рука которого попала между спицами машинного колеса, вот другой, колено которого зажало между шатунами, вот третий, который спьяну перепутал выключатели и устроил короткое замыкание. Изготовление более тонких елочных

украшений – полностью ручная работа. В светлой мастерской сидят три работницы, одна нарезает посеребренные нити на короткие кусочки, собирает в пучок и связывает проволочкой, сматывающейся с катушки. Она пропускает эту проволоку сквозь свои зубы как через прорезь. Потом она распушивает блестящие связки в звездочки и отдает их в таком виде напарнице, которая приклеивает к ним бумажных бабочек, птичек или дедов-морозов. В другом углу этого помещения сидит еще одна женщина, делающая кресты из канители, по одному в минуту, подобным же образом. Когда я склоняюсь над колесом, которое она вращает, чтобы понаблюдать за ее работой, она не может удержаться от смеха. В другом помещении делают серебряную тесьму. Это продукция для экзотической части России, поскольку тесьма идет на изготовление персидских тюрбанов. (Внизу рабочий делает канитель: он обрабатывает нить наждаком. Проволока утоньшается до предела и после этого серебрится или покрывается другими металлическими красками. После этого она попадает на чердак, где ее сушат при высокой температуре.) – Потом я прошел мимо биржи труда. В середине дня у входа в нее развертываются закусочные, которые предлагают горячие пироги и жареные ломтики колбасы. С фабрики мы поехали к Гнедину[87]. Он выглядит уже не так молодо, как два года назад на вечере в российском посольстве, когда я с ним познакомился. Но он все так же умен и симпатичен. Я очень осторожно отвечал на его вопросы. Не только потому, что люди здесь вообще достаточно обидчивы, а Гнедин особо привержен коммунистическим идеям, но и потому, что здесь осторожность в выражениях – способ убедить партнера в своей серьезности. Гнедин – референт по Центральной Европе в Министерстве иностранных дел. Его достаточно впечатляющая карьера (он уже отказывался от более заманчивых предложений) связана с тем, что он сын П. Прежде всего он одобрительно отметил, что я подчеркнул невозможность сравнения в частностях условий жизни в России и в Европе. Я зашел на Петровку, чтобы продлить разрешение на пребывание на шесть недель. После обеда Райх решил один пойти к Асе. И вот я остался один, ел и писал. Около семи пришел Райх. Мы вместе пошли в театр Мейерхольда и встретили там Асю. Вечер для нее и Райха прошел под знаком дискуссионного выступления, которое Райх должен был сделать в ответ на ее пожелание. Но до этого не дошло. Тем не менее ему пришлось провести два часа в кругу участников дискуссии на подиуме. За длинным зеленым столом сидели Луначарский, Пельше, начальник художественного отделения Главполитпросвета, который вел дискуссию, Маяковский, Андрей Белый, Левидов и многие другие. В первом

ряду партера сам Мейерхольд. В перерыве Ася ушла, и я проводил ее немного, так как один я все равно не мог следить за обсуждением. Когда я вернулся, то с энергией демагога выступал представитель оппозиции. И хотя в зале большинство составляли противники Мейерхольда, ему все же не удавалось завоевать симпатии публики. И когда наконец взял слово Мейерхольд, его встретили бурные аплодисменты. Однако, к своему несчастью, он полностью положился на свой ораторский темперамент.

При этом он проявил такую озлобленность, которая всех от него оттолкнула. Когда же он под конец обвинил одного из критиков в том, что он, как бывший его сотрудник, выступил против него только потому, что сводит с ним старые счеты, контакт с публикой был совершенно потерян. Обращение к заготовленным материалам и конкретные оправдания в ответ на ряд критических замечаний по поводу постановки спасти его уже не могли. Уже во время его речи многие ушли, и Райх тоже понял невозможность вступления в дискуссию и перебрался ко мне еще до того, как Мейерхольд закончил. Когда же он наконец завершил свое выступление, были совсем жидкие аплодисменты. Дальнейшие выступления не могли дать ничего значительного и ничего нового, и мы ушли.

4 января.

Назначен визит к Когану. Но утром позвонила Нимен[88] и сообщила, что в половине второго я должен явиться в институт, будет экскурсия в Кремль. До обеда я оставался дома. В институте собралось пять или шесть человек, кроме меня все, похоже, англичане. Под предводительством малосимпатичного господина мы отправились пешком в Кремль. Шли быстро, мне было трудно поспевать; в конце концов компании пришлось ждать меня у входа в Кремль. Первое, что поражает за его стенами, это преувеличенная забота о внешнем состоянии правительственных зданий. Я могу сравнить это лишь с впечатлением, производимым всеми постройками образцового города Монако, привилегированного поселения в непосредственной близости от власть имущих. Даже светлая бело-кремовая окраска фасадов сходна. Но в то время как там, в резкой игре света и тени, господствуют контрасты, здесь властвует размеренное сияние снежного поля, на котором краски воспринимаются спокойнее. Когда позднее постепенно начало темнеть, возникло впечатление, что это поле все больше расширяется. Рядом со сверкающими окнами правительственных зданий в потемневшее небо поднимаются башни и купола: побежденные памятники стоят на посту у врат победителей. Снопы света чрезмерно ярких

автомобильных фар и здесь рассекают темноту. От их света шарахаются лошади кавалеристов, занимающихся в Кремле выездкой. Пешеходы с трудом пробираются между автомобилями и строптивыми жеребцами. Длинные вереницы саней, на которых вывозят снег, отдельные наездники. Тихие стаи воронов опустились на снег. Перед кремлевскими воротами в круге слепящего света стоит караул в кричащих охристо-желтых тулупах. Над ними моргает красный фонарь, регулирующий въезд в Кремль. Все краски Москвы сходятся здесь, в центре российской власти, словно собранные призмой.

Леонид Шокин. Без названия (Пионеры). Конец 1920-х гг.

Клуб красноармейцев выходит фасадом на поле. Мы зашли в него, прежде чем закончить экскурсию. Помещения светлые и чистые, они производят более простое и строгое впечатление, чем другие клубы. В читальном зале много шахматных столов. Благодаря Ленину, который сам играл в шахматы, в России эта игра оказалась санкционированной. На стене – деревянный рельеф: схематизированная карта Европы. Если покрутить ручку, укрепленную рядом, одно за другим освещаются в хронологическом порядке места в России и в остальной Европе, в которых бывал Ленин. Но устройство работает плохо, то и дело

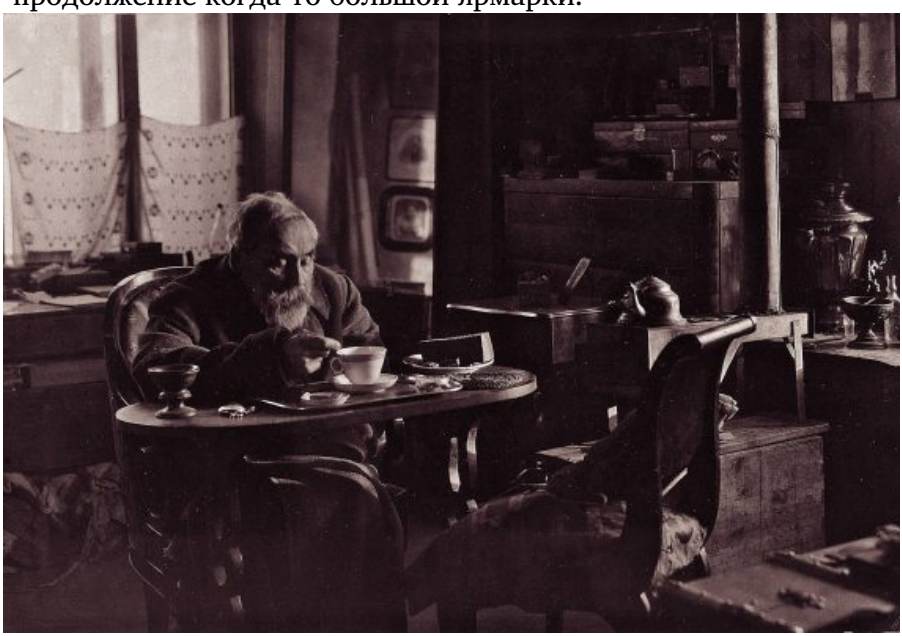
загоралось сразу несколько лампочек. В клубе есть библиотека, выдающая книги. Мне доставил удовольствие плакат, объясняющий с помощью текста и прелестных цветных картинок, каких только способов не существует, чтобы портить книги. Вообще же экскурсия была плохо организована. Было около половины третьего, когда мы вошли в Кремль, а когда после посещения *Оружейной палаты* мы наконец пошли в церкви, было так темно, что внутри уже ничего нельзя было разобрать. Из-за крошечных окон вверху они полностью зависят от внутреннего освещения. Мы побывали в двух соборах: Архангельском и Успенском. Второй из них был местом коронации царей. В его многочисленных, но очень маленьких помещениях власть должна была достигать своего представительного апогея. Напряжение, сопровождавшее благодаря этому церемонию, сейчас трудно себе представить. В церквах назойливый экскурсовод отошел в сторону, и симпатичные старые служители медленно освещали свечами стены. К тому же непосвященному пестрота внешне однообразных икон ничего не говорит. Правда, было еще достаточно светло, чтобы осмотреть великолепные церкви снаружи. Особенно запомнилась мне галерея у большого кремлевского дворца, украшенная множеством маленьких разноцветных куполов; мне кажется, что там были покои царевен. Кремль когда-то был лесом – старейшая из его часовен называется церковью Спаса на Бору. Со временем он стал лесом церквей, и как последние цари ни корчевали его, чтобы расчистить место для новых малозначимых построек, их осталось все еще достаточно, чтобы образовать лабиринт церквей. Здесь тоже много икон, расположенных на фасадах, и изображенные на них святые смотрят, словно птицы, сверху, из-под жестяных козырьков. Их наклоненные головы с выпуклыми лбами навевают печаль. К сожалению, основная часть времени была отдана посещению *Оружейной палаты.* Ее великолепие ошеломляет, но оно только отвлекает в ситуации, когда хочется обратить все силы на великолепную топографию и архитектуру самого Кремля. Легко проглядеть основное условие их прелести: ни на одной из больших площадей нет памятника. В Европе же почти нет площади, чья потаенная структура не была бы в течение XIX века профанирована и нарушена памятником. В музее на меня особое впечатление произвела коляска, подаренная князем Разумовским одной из дочерей Петра Великого. Украшающий ее пышный, бушующий орнамент может вызвать морскую болезнь даже на твердой земле, еще до того, как представишь себе ее колыхание на проселочной дороге; когда же узнаешь, что она прибыла из Франции по морю, становится уже совершенно дурно. Все это

богатство собиралось таким образом, что у него не может быть будущего. Не только его стиль, но и форма приобретения мертвы. Оно, должно быть, тяготило последних владельцев, и можно себе представить, что чувство обладания им вполне могло сводить их с ума. Теперь же при входе в эту сокровищницу висит портрет Ленина, как обращенные в христианство язычники устанавливают крест там, где раньше приносили жертвы старым богам. – Остаток дня был довольно неудачным. Я остался без обеда, выйдя из Кремля около четырех. Тем не менее, когда я пришел к Асе, она еще не вернулась от портнихи. Я застал только Райха и непременную соседку. Однако Райх уже не мог больше ждать, а вскоре после этого появилась Ася. К сожалению, потом речь зашла о моей книге о барокко, она снова повторила уже известное. Потом я прочел кое-что из «Улицы с односторонним движением». Вечером нас пригласил Городинский[89]. Но и тут, как тогда у Грановского, мы остались без ужина. Дело в том, что, когда нам нужно было идти, появилась Ася, чтобы поговорить с Райхом, и когда мы явились, опоздав на час, мы застали только его дочь. Райх в этот вечер был не в духе. Мы долго блуждали в поисках ресторана, где я мог бы еще немного поесть, попали в примитивный отдельный кабинет с грубыми деревянными перегородками и получили в конце концов невкусную еду в неприятной пивной на Лубянке. После – полчаса у Иллеша, его самого не было, а его жена угостила нас отличным чаем, а потом домой. Я с удовольствием сходил бы еще с Райхом в кино, чтобы посмотреть «Шестую часть мира», но он слишком устал.

5 января.

Москва – самый тихий из городов-гигантов, а в снегу она тиха вдвойне. Главный инструмент уличного оркестра, автомобильный гудок, представлен здесь слабо, машин мало. Также, в сравнении с другими столицами, очень мало газет, в сущности лишь одно бульварное издание, единственная вечерняя газета, выходящая из печати около трех часов. Наконец, и выкрики торговцев здесь очень тихие. Уличная торговля в значительной степени нелегальна и не любит привлекать к себе внимание. К тому же торговцы обращаются к прохожим не столько с восклицаниями, сколько с речами, степенными, порой почти шепотом, в которых слышится что-то от просительной интонации нищих. Лишь одна каста движется здесь по улицам с громкими криками: это старьевщики со своими заплечными мешками; их меланхоличный призыв оглашает не реже раза в неделю каждую московскую улицу. У этих улиц есть одна странность: в них прячется русская деревня. Если пройти в одну из подворотен – часто у них есть

кованые ворота, но я ни разу еще не видел, чтобы они были закрыты, – то оказываешься на околице обширного поселка, раскинувшегося часто так широко и привольно, словно место в этом городе не стоит ничего. Так приближаешься к поместью или деревне. Почва неровная, дети катаются на санках, роют лопатками снег, сарайчики для дров, инвентаря или угля заполняют углы, кругом деревья, примитивные деревянные крылечки или пристройки придают дворовой части домов, которые с фасада выглядят очень городскими, внешность русского крестьянского дома. Так у улицы появляется еще одно, сельское измерение. – Москва вообще повсюду производит впечатление, будто это еще не сам город, а его предместье. В самом центре города можно встретить немощеную дорогу, дощатые ларьки, длинные транспортные колонны с материалами, скотину, которую гонят на бойню, убогие трактиры. Я ясно увидел это, когда в этот день ходил по Сухаревской. Я хотел увидеть знаменитый Сухаревский рынок. Более сотни его ларьков – продолжение когда-то большой ярмарки.



Василий Улитин. В прошлом. 1920 г.

Я вошел на рынок с той стороны, где были торговцы скобяными изделиями. Это ближе всего к церкви (Николаевский собор), голубые купола которой поднимаются над рынком. Товар просто раскладывают на снегу. Здесь можно найти старые замки, метры, инструменты, кухонную утварь, электротехнические материалы и проч. Тут же производится ремонт; я видел, как паяли с помощью паяльной лампы. Мест для сидения нет, все

стоят, болтают или торгуют. Рынок тянется до Сухаревской. Двигаясь по многочисленным площадям и аллеям из ларьков, я понял, насколько эта господствующая здесь структура рынка и ярмарки определяет также значительные пространства московских улиц. Есть районы часовщиков и кварталы торговли готовой одеждой, центры электротехники и других технических средств, но есть и улицы, на которых нет ни одного магазина. Здесь, на рынке, выявляется архитектоническая функция товаров: рулоны ткани образуют пилястры и колонны, ботинки и валенки, подвешенные на шнурках рядком над прилавком, образуют крышу киоска, большие гармошки образуют стены, так сказать, мемноновы стены. Здесь, среди киосков, в которых торгуют игрушками, я наконец-то нашел себе елочную игрушку в виде самовара. В первый раз в Москве я увидел на прилавках иконы. Большинство из них покрыто, на старый манер, серебряной пластинкой, на которой выдавлены складки одеяния Богородицы. Только голова и руки видны в живописном варианте. Есть в продаже также стеклянные ящички, в которых находится голова святого Иосифа, украшенная яркими бумажными цветами. Потом бумажные цветы, большими связками, на улице. На фоне снега они смотрятся еще ярче, чем пестрые покрывала или сырое мясо. Поскольку все это является частью торговли бумажными изделиями и картинами, ларьки с иконами расположены рядом с рядами бумажных товаров, так что они со всех сторон окружены портретами Ленина, словно арестованный жандармами. И здесь рождественские розы. Только у них нет определенного места, и они появляются то между продуктов, то среди текстильных изделий или посудных лавок. Но они своей яркостью перебивают все, сырое мясо, пестрые покрывала и сверкающие миски. Ближе к Сухаревской рынок сужается, превращаясь в узкий проход между стенами. Здесь стоят дети, они продают хозяйственные товары, столовые приборы, полотенца и т. п., я видел двоих, которые стояли на стене и пели. Впервые после Неаполя я встретил здесь торговца курьезами: он предлагал маленькие бутылки, в которых сидели большие тряпичные обезьяны. На самом деле в бутылку засовывают маленького зверька, но он разбухает от воды. Я видел неаполитанца, торговавшего букетами цветов в этом же роде.

Я прошелся еще немного по Садовой и поехал потом около половины первого к Бассехесу. Он много говорит, кое-что из этого полезно, но постоянно повторяется и рассказывает неинтересные вещи, отражающие лишь его стремление к признанию. Однако он любезен и полезен мне, поскольку дает мне немецкие журналы и помог найти секретаршу. – После обеда я не сразу пошел к Асе: Райх хотел поговорить с ней наедине и просил прийти в половине

шестого. В последнее время я почти не могу поговорить с Асей. Во-первых, ее здоровье снова серьезно ухудшилось. У нее поднимается температура, но это, пожалуй, только способствовало бы спокойному разговору, если бы не мучительное присутствие ее соседки, которая, в отличие от гораздо более тактичного Райха, говорит громко и настойчиво, вмешивается в любой разговор и к тому же настолько понимает по-немецки, что убивает во мне остатки энергии. В одну из редких минут, когда мы оказались одни, Ася спросила меня, готов ли я еще раз приехать в Россию. Я ответил, что только в том случае, если буду немного говорить по-русски. Но и в этом случае решение будет зависеть от некоторых других вещей, от денег, моего самочувствия, ее писем. Они, в свою очередь, сказала она уклончиво, зависят от состояния ее здоровья – но я-то знаю, что она почти все время уклоняется от прямого ответа. Я ушел и принес по ее просьбе еще мандаринов и халвы, которые я отдал сестре внизу. На вечер Райх попросил мою комнату, чтобы поработать со своей переводчицей. Я не смог решиться пойти один к Таирову на «День и ночь». Я посмотрел «Шестую часть мира» (в кинотеатре на Арбате). Но многого я не понял.

6 января.

К дню рождения Доры[90] я послал накануне телеграмму. После этого я прошел всю Мясницкую до Красных ворот и потом свернул в одну из широких боковых улиц, которые там начинаются. При этом я открыл, уже в темноте, пространство московских дворов. Я в Москве уже месяц. Этот день был совершенно серым, так что почти нечего писать. Утром за кофе в симпатичной маленькой кондитерской, которую я, наверное, еще часто буду вспоминать, Райх объяснил мне содержание кинопрограммы, которую я приобрел прошлым вечером. Потом я пошел диктовать к Бассехесу. Он предоставил мне хорошенькую милую машинистку, которая работает замечательно.

Александр Родченко. Бульвар к Сухаревке. 1929 г.

Но это стоит три рубля в час. Смогу ли я это выдержать, не знаю. После диктовки он пошел со мной в *дом Герцена.* Мы ели втроем. Сразу после обеда Райх пошел к Асе. Мне пришлось еще задержаться с Бассехесом, и мне удалось договориться на следующий вечер о встрече с ним на «Шторме»[91]. Он даже проводил меня до санатория. Наверху все было безнадежно. Все набросились на немецкие журналы, которые я опрометчиво принес с собой.

В довершение всего Ася заявила, что пойдет к портнихе, а Райх взялся ее проводить. Я сказал Асе через дверь «до свидания» и поплелся домой. Моя надежда, что вечером она еще зайдет ко мне, не осуществилась.

7 января.

В России государственный капитализм сохранил многие черты инфляционной поры. Прежде всего, правовую неопределенность внутреннего положения. *НЭП*, с одной стороны, разрешен, с другой – допущен лишь постольку, поскольку это в государственных интересах. Каждый *нэпман* может стать бессрочной жертвой поворота в финансовой политике, даже просто временной демонстративной меры властей. Тем не менее в

руках некоторых людей скапливается невероятное – по русским масштабам – состояние. Я слышал о людях, которые платят больше 3 миллионов рублей налогов. Они являются антиподами героев военного коммунизма, героическими *нэпманами*.

В большинстве случаев они попадают на эту стезю совершенно независимо от собственных намерений. Ведь характерной чертой времени *НЭПа* является ограничение государственного вмешательства во внутреннюю торговлю только действительно предметами первой необходимости. Это создает очень выгодную конъюнктуру для действий *нэпманов*. К числу характерных черт инфляции принадлежат и талоны – только по ним можно приобрести некоторые виды товаров в государственных магазинах, отсюда очереди. Валюта стабильна, но, судя по облику этих купюр, по табличкам цен во многих витринах, бумага занимает все еще большое место в экономической жизни. Даже небрежность в одежде появилась в Западной Европе лишь под знаком инфляции. Правда, похоже, что безразличие к одежде начинает отступать. Из униформы господствующего класса оно начинает превращаться в признак слабого в борьбе за существование. В театрах робко появляются – словно голубь Ноя после многих недель потопа – первые туалеты. Однако все еще много стандартного, пролетарского во внешнем виде: похоже, что западноевропейская форма головного убора, мягкая или твердая шляпа, совершенно исчезла. Носят или русские меховые шапки, или спортивные шапочки, которые девушки часто носят в изящном, но провоцирующем варианте (с длинным козырьком). Обычно их не снимают в общественных местах, да и вообще формы приветствия стали проще. Прочая одежда отличается восточным разнообразием. Меховые накидки, плюшевые жакеты, кожаные куртки, городское изящество и деревенская простота перемешаны у мужчин и женщин. Время от времени, как и в других больших городах, можно встретить женщин в национальных костюмах. – В этот день я долго оставался дома. Потом к Когану, президенту академии. Я не был поражен его бесцветностью, меня со всех сторон к этому подготовили. В бюро Каменевой я получил билеты в театр. Во время бесконечного ожидания я перелистывал книгу о русском революционном плакате со множеством превосходных, частично цветных иллюстраций. При этом я обратил внимание, что – хотя многие из них эффектны – в них нет ничего, что нельзя было бы, и без особого труда, вывести из буржуазного прикладного искусства, отчасти даже не очень развитого. В *доме Герцена я* Райха не застал. У Аси я сначала был один, она была очень слаба, а может просто делала вид, так что мы не разговорились. Потом

появился Райх. Я ушел, чтобы договориться с Бассехесом о походе вечером в театр – поскольку мне не удалось до него дозвониться, пришлось идти к нему самому. Всю вторую половину дня головные боли. Потом мы пошли с его подругой, опереточной певицей, на «Шторм». Подруга вела себя очень застенчиво, к тому же была не совсем здорова и сразу после спектакля поехала домой. В «Шторме» изображены события периода военного коммунизма, все они сюжетно объединены эпидемией тифа в деревне. Бассехес переводил самоотверженно, а актеры играли лучше обычного, так что этот вечер был насыщенным. Пьесе не хватает, как и всем русским пьесам (так считает Райх), действия. По моему впечатлению, она представляет лишь информационный интерес хорошей хроники, но не интересна в драматургическом отношении. Около двенадцати я ужинал с Бассехесом в *«Кружке»* на Тверской. Но поскольку был первый день Рождества (по старому стилю), в клубе было не слишком оживленно. Еда была превосходной; водка, настоянная на травах, от этого желтая и пьется легче. Обсуждали план писать корреспонденции о французском искусстве и культуре для русских газет.

8 января.

С утра поменял деньги, а потом диктовал. Статья о дискуссии у Мейерхольда[92], пожалуй, вышла достаточно удачной, однако московский репортаж для «Дневника» не движется. Утром Райх устроил мне выговор из-за того, что я (несколько неосмотрительно) появился в *доме Герцена* с Бассехесом. Снова наставление, каким осторожным здесь надо быть. Эта осторожность – наиболее очевидное проявление насквозь политизированной жизни. Я был очень рад, что в представительстве, пока диктовал, не столкнулся с Бассехесом, который еще спал. Чтобы не идти в *дом Герцена*, я купил себе икры и ветчины и поел дома. Когда я около половины пятого пришел к Асе, Райха еще не было. Прошло больше часа, прежде чем он появился, и он сказал мне потом, что по дороге к Асе у него снова случился сердечный приступ. Асе было хуже, и она так была занята собой, что не обратила внимания на опоздание Райха. У нее снова температура. Прямо-таки невыносимая соседка почти постоянно была в комнате, а потом к ней самой пришли гости. Вообще-то она все время любезна – если бы только не торчала у Аси. Я прочитал Асе набросок для «Дневника», и она сделала несколько очень точных замечаний. Под конец в разговоре зазвучала некоторая теплота. Потом мы играли в домино, в комнате.

Пришел Райх. Тогда мы играли вчетвером. Вечером у Райха

было заседание. Около семи я выпил с ним в нашей обычной кондитерской кофе, потом пошел домой. Мне все больше становится ясно, что в дальнейшем мне требуется твердая опора для моей работы. Переводческая работа, конечно, в качестве такой опоры совершенно не годится. Необходимым предварительным условием является открытое выражение своей позиции. Что удерживает меня от вступления в КПГ, так это исключительно внешние обстоятельства. Сейчас, пожалуй, тот самый момент, пропустить который было бы опасно. Дело в том, что именно из-за того, что членство в партии для меня будет, возможно, лишь эпизодом, не стоит с этим медлить. Остаются сомнения внешнего характера, под давлением которых я спрашиваю себя, нельзя ли интенсивным трудом скрасить в деловом и экономическом отношении положение левого индивидуалиста таким образом, чтобы оно и дальше обеспечивало мне возможность масштабной работы на моем прежнем поле деятельности. Но можно ли эту работу без разрыва с прежней ситуацией перевести в новую стадию – вот в чем вопрос.

Но и в этом случае «опора» нуждается во внешнем подкреплении, скажем, редакторской должности. Во всяком случае, грядущая эпоха, кажется, отличается для меня от предыдущей тем, что ослабевает влияние эротического начала. Я осознал это не без влияния наблюдений за отношениями Райха и Аси.

Я заметил, что Райх сохраняет твердость при всех колебаниях Аси, и ее выходки, от которых я бы сошел с ума, на него не действуют, или он не подает вида. И если только не подает виду, то это уже очень много. Все дело в «опоре», которую он нашел здесь для своей работы. К реальным отношениям, которые она ему здесь обеспечивает, добавляется, конечно, и то, что он здесь является представителем господствующего класса. Именно этот процесс формирования всей системы господства и делает жизнь здесь такой содержательной. Она настолько же замкнута на себя и полна событий, бедна и в то же время полна перспектив, как жизнь золотоискателей в Клондайке. С утра до вечера идут поиски власти. Вся комбинаторика жизни западноевропейской интеллигенции чрезвычайно бедна в сравнении с бесконечными перипетиями судьбы, которые человек успевает пережить здесь за один месяц. Конечно, из-за этого может возникнуть своего рода опьянение, так что жизнь без заседаний и комиссий, дискуссий, резолюций и голосования (а это все войны или, по крайней мере, маневры на пути к власти) покажется просто невозможной. Но это […][93] связано с выражением позиции, и возникает вопрос, можно

ли оставаться во враждебном и незащищенном, негостеприимном и продуваемом сквозняком зрительном зале или придется так или иначе принять свою роль на гремящей сцене.

9 января.

Дальнейшие размышления: вступать в партию? Решающие преимущества: твердая позиция, наличие – пусть даже только принципиальная возможность – мандата. Организованный, гарантированный контакт с людьми. Против этого решения: быть коммунистом в государстве, где господствует пролетариат, значит полностью отказаться отличной независимости. Задача организации собственной жизни, так сказать, уступается партии. Там же, где пролетариат находится в положении угнетенного, это значит стать на сторону угнетенного класса со всеми последствиями, которые рано или поздно могут наступить. Положение человека, находящегося на передовой, было бы соблазнительно – если бы не наличие коллег, чьи действия при любом случае демонстрируют тебе самому сомнительность этого положения. В партии: огромное преимущество возможности проецировать свои собственные мысли на словно заранее заданное силовое поле.

Александр Родченко. Уличная торговля. 1928 г.

Что же касается независимого положения и его допустимости, то решающим оказывается, в конце концов, вопрос: возможно ли находиться вне партии с явной пользой в личном и деловом плане, не переходя при этом на позиции буржуазии и не

нанося ущерба работе. Могу ли я вообще дать конкретный отчет о моей дальнейшей работе, особенно научной, с ее формальными и метафизическими основаниями. Что «революционного» есть в ее форме, и есть ли вообще. Имеет ли смысл мое нераскрытое инкогнито среди буржуазных авторов. И будет ли полезным для моей работы избегать некоторых крайностей «материализма», или следует попытаться разобраться с ними во внутрипартийной дискуссии. Эта борьба касается всех ограничений, предполагаемых специализированной деятельностью, которой я до сих пор занимался. И со вступлением в партию – по крайней мере экспериментальным – она должна закончиться, если на таком шатком основании эта деятельность не сможет следовать ритму моих убеждений и организовывать мое существование. Правда, пока я путешествую, о вступлении в партию вряд ли может идти речь. – Было воскресенье. Сутра переводил. Обед в маленьком ресторане на Большой Дмитровке. После обеда у Аси, которая очень плохо себя чувствовала. Вечером один у себя, переводил.

10 января.

Утром состоялась чрезвычайно неприятная перепалка с Райхом. Он вернулся к моему предложению прочитать ему мою статью о дискуссии у Мейерхольда. Теперь я уже не испытывал в этом потребности, но все же сделал это с инстинктивным отвращением. После уже состоявшихся бесед о моих корреспонденциях для «Literarische Welt» ничего хорошего из этого выйти не могло. Поэтому я читал быстро. Но я сидел так неудачно, потому что мой стул стоял против света, что результат только по одному этому можно было предугадать. Райх слушал в судорожно равнодушной позе, и когда я закончил, достаточно было всего нескольких слов. Тон, которым он их произнес, тут же привел к спору, который был тем более безнадежен, что его истинная причина не подлежала обсуждению. В самый разгар словесных баталий постучали – пришла Ася. Она скоро снова ушла. В ее присутствии я говорил мало: я переводил.

В сквернейшем расположении духа я ушел, чтобы продиктовать у Бассехеса письма и статью. Секретарша мне очень симпатична, хотя немного дамочка. Когда я услышал, что она собирается обратно в Берлин, я дал ей мою визитную карточку. Мне не очень-то хотелось встречаться с Райхом за обедом. Поэтому я купил кое-что из еды и поел у себя в комнате. По пути к Асе я выпил кофе, а потом, на обратном пути, – еще раз. Ася чувствовала себя плохо, быстро устала, так что я оставил ее одну, чтобы она могла поспать. Но было несколько минут, во время

которых мы были в комнате одни (или она вела себя так, как будто мы одни). И тогда она сказала, что, если я как-нибудь еще приеду в Москву и она будет здорова, она позаботится, чтобы я не блуждал в одиночестве по городу. Но если она не выздоровеет, тогда она приедет в Берлин, и мне надо будет выделить ей угол в моей комнате, за ширмой, и она будет лечиться у немецких врачей. Вечером я был дома один. Райх пришел поздно и кое-что еще рассказал. Однако после утреннего происшествия мне было ясно, что я не могу быть больше зависимым от Райха, и если мое пребывание здесь не может быть нормально организовано без него, то единственным разумным выходом был бы отъезд.

11 января.

Асе снова прописали инъекции. Она собиралась в этот день в клинику, а накануне мы договорились, что она зайдет ко мне, чтобы я отвез ее на санях. Но она пришла только около двенадцати. Инъекцию ей уже сделали в санатории. Она была из-за этого в несколько возбужденном состоянии, и когда мы были в коридоре одни (мне нужно было позвонить, и ей тоже), она подхватила меня под руку в порыве старого озорства. Райх засел в комнате и не думал выходить. И даже когда Ася снова зашла ко мне, в этом не было смысла. Затягивание моего ухода ничего не давало. Она заявила, что не пойдет со мной. Тогда я оставил ее и Райха одних, пошел на Петровку (но мой паспорт еще не был готов), а потом в Музей живописной культуры[94]. Это маленькое происшествие побудило меня не медлить с отъездом, который и так подходил все ближе. В музее смотреть особенно было нечего. Позднее я узнал, что Ларионов, Гончарова – известные художники. В их вещах ничего особенного. Они производят то же впечатление, что и другие, висящие в трех залах: они полностью определяются влиянием парижской и берлинской живописи того же времени и копируют их без особого мастерства. – Днем я провел несколько часов в культурном бюро, чтобы получить билеты в *Малый театр* для Бассехеса, его подруги и себя. Но поскольку не удалось одновременно уведомить об этом театр по телефону, то пропуск отказались признавать. Бассехес пришел без подруги. Я бы с удовольствием пошел с ним в кино, но он хотел поужинать, и я отправился с ним в «Савой». Он гораздо скромнее, чем *«Большая Московская»*. Вообще-то с ним было довольно скучно. Он не в состоянии говорить о других вещах, кроме тех, которые касаются его самым непосредственным образом; если же он делает это, то с видимым сознанием того, насколько он информирован и как хорошо умеет информировать других. Он то и дело листал и читал «Rote Fahne»[95]. Потом еще какое-то время я

ехал с ним на машине, потом поехал прямо домой, где еще занимался переводом. – Накануне я купил первую лаковую шкатулку (на Петровке). Как это со мной частенько бывает, наступило время, когда я, проходя по улицам, обращаю внимание только на одно: в этот раз на лаковые шкатулки. Так продолжается несколько дней. Короткая, страстная влюбленность. Я бы хотел купить три – но не совсем решил, как распорядиться теми двумя, которые у меня уже есть. В этот день я купил шкатулку с двумя девушками, сидящими у самовара.

Александр Родченко. Фабрика-кухня. 1931 г.

Она очень красивая, только нет чистого черного цвета, который в таких работах часто впечатляет более всего.

12 января.

В этот день я купил в *Кустарном* музее довольно большую шкатулку, на крышке которой на черном фоне была изображена продавщица сигарет. Рядом с ней тоненькое деревце, а под ним мальчик. Дело происходит зимой, потому что лежит снег.

О снежной поре можно подумать и глядя на тех двух девушек, потому что окошко в комнате, в которой они сидят, выглядит так, как будто на улице мороз. Но сказать точно нельзя.

Эта новая шкатулка была гораздо дороже. Я выбрал ее среди большого числа других; там было много некрасивых: рабские копии старых мастеров. Похоже, что особенно дороги шкатулки с золотым фоном (наверное, они следуют старым образцам), но мне они не нравятся. Сюжет, изображенный на большой шкатулке, должен быть совсем новым, по крайней мере на фартуке продавщицы написано *«Моссельпром»*. Я помню, что однажды уже видел такие шкатулки в витрине очень дорогого магазина на рю дю Фобур Сент-Оноре[96] и долго стоял перед ними. Однако тогда я поборол искушение купить одну из них, подумав, что ее должна подарить мне Ася, – или, может быть, что следует приобрести ее только в Москве. Моя страсть питалась сильным впечатлением, которое все время производила на меня подобная шкатулка в квартире Блоха, в которой он жил с Эльзой в Интерлакене[97]; тем самым я могу оценить, как сильно такие картинки на черном лакированном фоне должны запечатлеваться в детской памяти. Но что было изображено на шкатулке у Блоха, я забыл. – В тот же день я нашел чудесные почтовые открытки, какие я искал, старые массовые изделия времен царизма, главным образом с цветным тиснением, а еще виды Сибири (с помощью одной из таких открыток я пытался мистифицировать Эрнста[98]) и т. д. Это было в магазине на Тверской, где владелец говорил по-немецки, поэтому пропало напряжение, которым обычно сопровождаются для меня здесь покупки, и я не спешил. Между прочим, в этот день я рано встал и ушел из дому. Потом, около 10 часов, появилась Ася. Она застала Райха еще в постели. Она пробыла у нас полчаса и пародировала актеров и подражала певцу, сочинившему для кабаре песню о Сан-Франциско, эту песню она, должно быть, слышала в его исполнении довольно часто. Я знал эту песню уже по Капри, там она несколько раз пела ее. Поначалу я надеялся, что мне удастся походить с ней, а потом посидеть с ней в кафе. Но было уже поздно. Я вышел с ней, посадил ее на трамвай и отправился дальше один. Этот утренний визит благотворно подействовал на весь день. Правда, сначала, в Третьяковской галерее, я был несколько недоволен. Дело в том, что два зала, увидеть которые я особенно стремился, оказались закрытыми. Зато в других залах меня ждал приятный сюрприз: я шел по этому

музею, как никогда раньше не ходил через незнакомое собрание искусства, – совершенно легко и отдавшись радости детского восприятия того, о чем повествуют картины. Дело в том, что музей наполовину состоит из картин русской жанровой живописи; основатель начал приобретать картины в 1830 году и приобретал почти исключительно работы своего времени. Позднее его коллекция была расширена и продолжена почти до 1900 года.

Александр Родченко. Типография газеты «Гудок». 1928 г.

И поскольку наиболее ранние вещи – не считая икон –

относятся, похоже, ко второй половине XVIII века, музей дает картину истории русской живописи XIX века. Это была эпоха господства жанровой живописи и пейзажа. То, что я видел, дает мне основания предполагать, что русские из всех европейских народов наиболее интенсивно развивали жанровую живопись. И эти стены, заполненные повествующими картинами, изображениями сцен из жизни самых разных сословий, превращают галерею в огромную детскую книгу с картинками. И еще там было гораздо больше посетителей, чем я встречал во всех других музеях, где я бывал. Достаточно только посмотреть, как они движутся по залам, стоят, группами, иногда вокруг экскурсовода, или в одиночку, увидеть большую непринужденность, полную свободу от тоскливой подавленности редких пролетариев, которых можно обнаружить в западных музеях, чтобы понять: во-первых, что пролетариат здесь действительно начал осваивать буржуазные культурные ценности, во-вторых, что как раз этот музей оказывается ему наиболее близким и привлекательным. Он находит здесь эпизоды своей собственной истории: «Бедная гувернантка приезжает в дом богатого купца», «Революционер-подпольщик, схваченный жандармами»", и тот факт, что подобные сцены изображены совершенно в духе буржуазной живописи, не только не вредит, но делает их для него более доходчивыми. Художественное воспитание (как это очень хорошо дает понять Пруст) осуществляется вовсе не приобщением к «шедеврам». Ребенок или пролетарий, занимающийся самообразованием, с полным правом считает шедевром совсем не то, что коллекционер. Значение таких картин преходяще, но очень основательно, а строгий масштаб применим только к произведениям новейшего искусства, имеющего отношение к нему самому, его классу, его труду. – В одном из первых залов я долго стоял перед двумя картинами Щедрина, гавань Сорренто и другой пейзаж тех же мест; на обеих картинах изображен чудный силуэт Капри, который для меня навсегда будет связан с Асей. Я хотел записать для нее строчку, но я забыл карандаш. И это погружение в изображение в самом начале моего движения по музею определило и настроение моего последующего восприятия. Я увидел хорошие портреты Гоголя, Достоевского, Островского, Толстого. В нижних залах, куда нужно было спускаться по лестнице, было много работ Верещагина. Но они были для меня неинтересны. – Я вышел из музея в очень хорошем настроении. В сущности, я уже входил в него в этом настроении, и это в основном из-за кирпично-красной церкви, стоявшей у трамвайной остановки. Был холодный день, возможно все же не такой холодный, как в тот раз, когда я впервые плутал

здесь в поисках музея и не смог найти его, хотя и был всего в двух шагах. И в конце этого дня была еще хорошая минута у Аси. Райх ушел без малого в семь, она проводила его до низу, ее долго не было, а когда она наконец вернулась, я хотя и был еще один, но у нас было всего несколько минут. Что произошло, уж и не знаю: неожиданно я смог посмотреть на Асю с большой теплотой и ощутил ее тяготение ко мне. Совсем недолго я рассказывал ей, что делал днем. Но я должен был уходить. Я протянул ей руку, и она взяла ее обеими руками.

Она готова была говорить со мной дальше, и я сказал ей, что если мы можем точно договориться встретиться у меня, то я готов отказаться от спектакля у Таирова, на который я собирался идти. Но в последний момент она засомневалась, разрешит ли ей врач уйти. Мы договорились, что Ася придет ко мне в один из следующих вечеров. – У Таирова играли «День и ночь» по оперетте Лекока. Я встретил американца, с которым мы договаривались пойти на спектакль. Но от его переводчицы было мало проку, потому что она сидела повернувшись только к нему. И поскольку действие было довольно сложным, то мне пришлось довольствоваться прелестными балетными номерами.

13 января.

День вплоть до самого вечера был неудачным. Кроме того, начинаются сильные холода: средняя температура *гб°* по Реомюру. Я ужасно замерз. Даже мои перчатки меня не спасают, потому что они дырявые. С утра все еще было ничего: я нашел бюро путешествий на Петровке, когда уже совершенно отчаялся, и узнал цены на билеты. После этого я собирался ехать на автобусе номер 9 в Музей игрушки. Но поскольку на Арбате машина сломалась, а я (что было ошибкой) решил, что стоять она будет долго, я вышел. Как раз перед этим я с тоской проехал мимо рынка на Арбатской площади, где я впервые познакомился с очаровательными рождественскими рядами Москвы.

В этот раз мне повезло здесь в другом. Дело в том, что, когда я накануне вечером вернулся домой усталый и обессилевший, в надежде, что в моей комнате Райха еще нет, он был уже там.

Я расстроился, что и тут не могу побыть один (со времени ссоры по поводу моей статьи о Мейерхольде присутствие Райха меня часто раздражает), и тут же схватился за лампу, чтобы поставить ее на стул рядом с моей кроватью, как я уже не раз делал раньше. Самодельная проводка снова рассоединилась; я нетерпеливо склонился над столом, чтобы восстановить контакт, но в совершенно неудобном положении после нескольких попыток только вызвал замыкание. О ремонте в этой

гостинице нечего было и думать. При свете лампы под потолком работать было невозможно, и вопрос первых дней снова стал актуален. Лежа в постели, я подумал о свечах. Но и это было не просто. Просить Райха достать что-либо становилось все более неудобным; дел у него и так хватало, а его настроение было скверным. Оставалось только, вооружившись соответствующим словом, отправиться на поиски самому. Но даже это слово нужно было сначала узнать у Аси. В этой ситуации настоящим счастьем было то, что я здесь, на прилавке одного из киосков, неожиданно обнаружил свечи, на которые я просто мог показать. Но на этом счастье этого дня закончилось. Я очень замерз. Хотел посмотреть выставку графики в Доме печати: закрыто. То же – музей иконописи. Только тут я понял: был Новый год по старому календарю. Когда я уже вылез из саней, на которых ехал до музея иконописи, расположенного далеко, в неизвестной мне местности, а я почти не мог двигаться от холода, я увидел, что он закрыт.

Александр Родченко. Без названия (Часы). Начало 1930-х гг.

В таких случаях, когда делаешь глупости только из-за незнания языка, осознаешь с особой остротой, с какой невероятной потерей сил и времени связано это состояние. Пойдя в другом направлении, я обнаружил, ближе чем предполагал, трамвайную линию и поехал домой. – В *дом Герцена* я пришел раньше Райха. Когда он появился, то приветствовал меня словами: «Вам не повезло!» Дело в том, что он был в редакции энциклопедии и передал мою статью о Гёте. Случайно как раз в

это время там оказался Радек[100], увидел на столе рукопись и взял ее. Он угрюмо осведомился, кто автор. «Да здесь на каждой странице по десять раз упоминается классовая борьба». Райх доказал ему, что это не так, и заявил, что творчество Гёте, проходившее в эпоху обострения классовой борьбы, невозможно объяснить, не прибегая к этому термину. На это Радек: «Важно только употреблять его к месту». После этого рассчитывать на то, что статья будет принята, почти не приходится, ведь убогие руководители этого учреждения слишком неуверены в себе, чтобы отстаивать возможность собственного мнения даже в противовес самой плоской шутке какого-либо авторитета. Для Райха происшедшее было большей неприятностью, чем для меня. Для меня оно стало неприятным лишь позднее, когда я поговорил об этом с Асей. Она тут же начала: кое-что в том, что сказал Радек, было верно. Конечно, я кое в чем ошибся, ведь я не разбираюсь, как здесь следует подходить к некоторым вещам, и прочее в том же духе. Тогда я напрямую высказал ей, что ее слова говорят только о трусости и потребности любой ценой держать нос по ветру. Когда Райх пришел к ней, я ушел. Ведь я знал, что он будет рассказывать о случившемся, я не хотел, чтобы это происходило в моем присутствии. В этот вечер я рассчитывал, что Ася придет ко мне в гости. Поэтому я еще раз сказал об этом уходя, в дверях, несмотря на присутствие Райха. Я накупил всякой всячины: икры, пирожных, сладостей, в том числе и для Даги, к которой Райх должен был ехать на следующий день. После этого я сел у себя в комнате, ужинал и писал. Незадолго до восьми я уже потерял надежду на то, что Ася придет. Но я давно так ее не ждал (да и не мог, по обстоятельствам, ждать ее). И я уже начал схематически обрисовывать свое ожидание для Аси, когда в дверь постучали. Это была она, и ее первые слова: ее не хотели пускать. Я решил, что речь шла о моей гостинице. Дело в том, что у нас новый *заведующий,* говорят, очень строгий. Но дело было в Иване Петровиче. Вот и этот вечер, вернее, этот час, оказался совсем коротким, и я был вынужден бороться со временем. Правда, в первом туре я победил. Я быстро изобразил схему, которая сложилась у меня в голове, и когда я ее объяснил, она прижалась ко мне лбом. Потом я читал ей статью; и это было удачно, статья понравилась ей, она показалась ей даже чрезвычайно ясной и дельной. Я говорил с ней о том, что, собственно, для меня наиболее интересно в теме «Гёте»: каким образом такой человек, как Гёте, целиком состоявший из компромиссов, тем не менее смог создать такие выдающиеся произведения.

Александр Родченко. Прихожая в столовой Электрозавода. 1931 г.

Я могу к этому добавить, что для пролетарского писателя подобное совершенно немыслимо. Но классовая борьба буржуазии принципиально отличалась от классовой борьбы

пролетариата. «Измену», «компромисс» в этих двух движениях невозможно схематически приравнять друг к другу. Я также упомянул тезис Лукача, согласно которому исторический материализм в принципе применим лишь к самой истории рабочего движения[101].

Но Ася быстро устала. Тогда я снова взял в руки «Московский дневник» и прочел наудачу первое попавшееся место. Но получилось не так удачно. Это были как раз рассуждения о коммунистическом воспитании. «Все это чушь», – сказала Ася. Она была недовольна и сказала, что я совсем не знаю России. Конечно, я с этим не спорил. Тогда она заговорила сама: то, что она говорила, было важно, но она от этого очень возбуждалась. Она говорила о том, как она сама поначалу совершенно не понимала Россию, в первые недели после приезда ей хотелось вернуться назад в Европу, и она думала, что в России все кончено, что оппозиция полностью права. Постепенно стало проясняться, что здесь происходит: переход от революционной работы к технической.

Сейчас каждому коммунисту разъясняют, что революционная работа этого часа не борьба, не гражданская война, а электрификация, ирригация, строительство заводов. И в этот раз я сам упомянул Шеербарта, из-за которого я так много вытерпел здесь и от нее, и от Райха: ни один другой автор не смог так ясно продемонстрировать революционный характер технической деятельности. (Мне только жаль, что я не смог выразить эту хорошую формулу в интервью.) Всем этим мне удалось задержать ее на несколько минут дольше, чем она собиралась. Потом она ушла и, как это иногда бывает, когда она ощущает свою близость со мной, не просила меня провожать ее. Я остался в комнате.

Все это время на столе стояли две свечи, которые все время горят у меня по вечерам после замыкания. Позднее, когда я уже был в постели, пришел Райх.

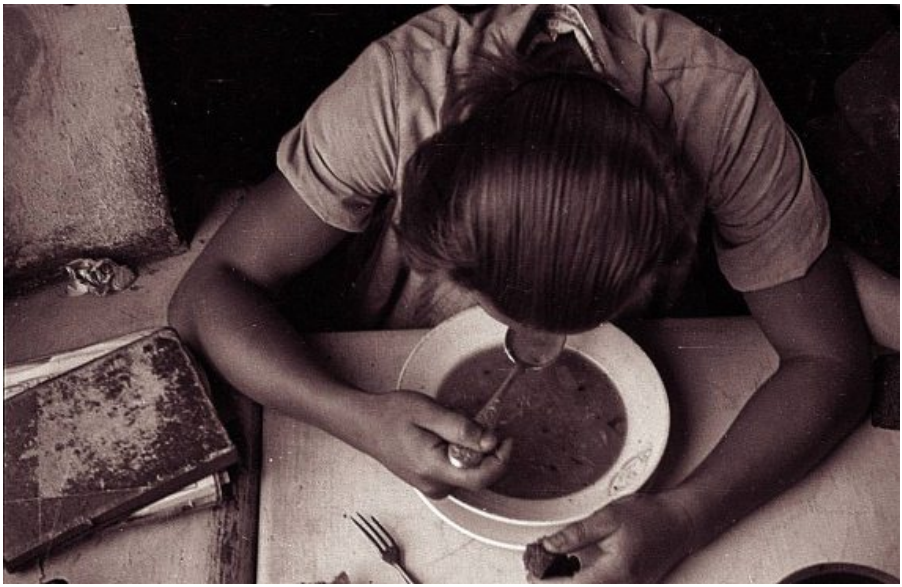
14 января.

Этот день и следующий были неприятными. Дело движется к отъезду. Становится все холоднее (во всяком случае, постоянно больше двадцати градусов), и улаживать оставшиеся дела становится все сложнее. Кроме того, предвестники болезни Райха, которая тем временем уже началась (что с ним, я еще не знаю), становились все более явными, так что он все меньше может заниматься мной. В этот день он, хорошо закутанный, отправился к Даге. Я использовал первую половину дня, чтобы осмотреть три вокзала, расположенные на Каланчевской площади: Курский, Октябрьский, с которого поезда отправляются в Ленинград, и

Ярославский, с него поезда уходят в Сибирь[102]. Вокзальный ресторан заставлен пальмами, и из него открывается вид на зал ожидания с голубыми стенами. Чувствуешь себя, словно в домике антилоп в зоопарке. Я пил там чай и думал об отъезде. Передо мной был красивый красный кисет с превосходным крымским табаком, который я приобрел в одном из привокзальных киосков. Потом я купил новые игрушки.

В *Охотном ряду* был продавец деревянных игрушек. Я заметил, что некоторые товары появляются у уличных торговцев партиями. Так, я увидел здесь впервые детские деревянные топорики с выжженным узором, в один из следующих дней я обнаружил целую корзину таких топориков. Я купил забавную деревянную модель швейной машины, у которой «игла» движется, когда вращаешь ручку, и качающуюся куклу из папье-маше на музыкальной шкатулке, не слишком удачный экземпляр того рода игрушек, который я обнаружил в музеях. После этого я больше не мог переносить холод и завернул в кофейню. Она производила довольно оригинальное впечатление: в маленьком помещении была плетеная мебель, через окошко в стене в зал из кухни подавали еду, и на большом столе были расставлены *закуски*: ветчина, огурцы, рыба. Была и витрина, как во французских и итальянских ресторанах. Я не знал, как назвать привлекшие меня блюда, и согрелся чашкой кофе. Потом я вышел и принялся искать в Верхних торговых рядах витрину магазина, в которой я увидел в один из первых моих дней здесь глиняных кукол. Они были еще там. В проходе, ведущем от Площади революции к Красной площади, я внимательнее смотрел на уличных торговцев, пытаясь обнаружить то, что до сих пор от меня ускользало: торговлю дамским бельем (бюстгальтерами), галстуками, шарфами, плечиками для одежды. – Наконец, совершенно изнеможенный, к двум часам я добрался до *дома Герцена,* но обед там начинается не раньше половины третьего. Чтобы избавиться от пакета с игрушками, я поехал после обеда домой. Около половины пятого я был в санатории. Когда я поднимался по внутренней лестнице, я встретил Асю, собравшуюся уходить. Она шла к портнихе. По дороге я передал ей, что мне стало известно от Райха (который вошел в мою комнату сразу вслед за мной) о состоянии Даги. Новости были хорошие. Так мы шли вдвоем, как вдруг Ася спросила, не могу ли я дать ей денег. Но я как раз накануне договорился с Райхом, что он одолжит мне 150 марок на обратную дорогу, так что я сказал, что у меня нет, не зная, для чего ей деньги. Она ответила, что, когда от меня нужны деньги, у меня их никогда нет, перешла к упрекам, заговорила о комнате, которую я ей не снял в Риге, и т. д. Я в этот день устал, к тому же

был раздражен так неудачно начатым ею разговором. Выяснилось, что деньги ей нужны, чтобы снять квартиру, которая, как ей сказали, как раз освободилась. Я хотел уже уйти, но она остановила меня, прижалась ко мне, как, наверное, еще ни разу не делала, но продолжала говорить в том же духе. Наконец, вне себя от гнева, я сказал, что она меня обманула. Ведь в письме она пообещала мне, что возместит мои берлинские расходы, и до сих пор ни она, ни Райх не упомянули об этом ни словом. Это очень ее смутило. Я стал действовать решительней, продолжил атаку, и вдруг она посреди разговора ушла, быстро двигаясь дальше по улице. Я за ней не пошел, вместо этого свернул на поперечную улицу и отправился домой. – На вечер я договорился с Гнединым. Он должен был заехать за мной и отвезти к себе домой. Он зашел, но мы остались у меня в номере. Он извинился, что не может забрать меня к себе: его жена готовится к экзамену, так что у нее нет времени. Наш разговор продолжался до половины одиннадцатого, примерно три часа. Я начал с того, что пояснил свое огорчение и расстройство по поводу того, что узнал о России даже меньше того, на что рассчитывал. И вскоре мы сошлись на том, что общая картина ситуации может быть получена только после бесед с очень многими людьми. Он также старался объяснить мне кое-что еще до моего отъезда. Так, мы договорились встретиться через день, в воскресенье, чтобы сходить в театр Пролеткульта[103]. Но когда я в назначенное время пришел, его не оказалось, и я отправился обратно домой. Кроме того, он пообещал пригласить меня в клуб на программу, время для которой, однако, еще не было назначено. Запланированная программа заключалась в демонстрации предполагаемых новых церемоний крестин, бракосочетания и т. д.



Александр Родченко. Обед. 1931 г.

Здесь я хочу добавить, что недавно узнал от Райха, как именуются дети в коммунистической иерархии. Они называются с того момента, как могут показать на портрет Ленина, «октябрята». Еще с одним странным словом я познакомился в тот же вечер. Это выражение «бывшие люди», обозначающее тех представителей буржуазных кругов, которые потеряли свое положение в результате революции и не смогли приспособиться к новым условиям. Кроме того, Гнедин говорил о беспрестанных организационных преобразованиях, которые продлятся еще годы. Каждую неделю происходят организационные изменения, и идет поиск лучших методов управления. Говорили и о закате частной жизни. Для нее просто не остается времени. Гнедин рассказал, что на протяжении недели он не видит ни одного человека, кроме тех, с кем он связан по работе, а также жены и ребенка.

А общение, остающееся на воскресенье, очень неустойчиво, потому что если в течение даже трех недель не общаться со знакомыми, можно быть почти уверенным, что долго о них ничего не услышишь, потому что за это время у них вместо старых появляются новые знакомства. Потом я проводил Гнедина до трамвая, и на улице мы говорили о таможенных делах.

15 января.

Напрасный поход в Музей игрушки. Он был закрыт, хотя экскурсовод и сказал, что по воскресеньям он открыт. Утром я наконец-то получил – через Хесселя – номер «Literarische Welt», которого я ждал с таким нетерпением, что каждый день хотел

телеграфировать в Берлин с просьбой выслать его мне.

Ася «Настенный календарь»[104] не поняла, Райху, судя по всему, он не очень понравился. С утра я снова блуждал по городу, тщетно пытался второй раз попасть на выставку графики и добрался наконец, снова полузамерзший, в галерею Щукина[105]. Ее основатель, как и его брат, был текстильный фабрикант и миллионер. Оба были меценатами. Один из них построил здание исторического музея (он же приобрел часть экспонатов), другой собрал эту замечательную коллекцию нового французского искусства. Когда поднимаешься, замерзший, по лестнице, то видишь вверху, на лестничной клетке, знаменитые картины Матисса, танцующие обнаженные фигуры на насыщенном красном фоне, таком теплом и струящемся, какой бывает на русских иконах[106]. Матисс, Гоген и Пикассо были большой любовью этого коллекционера. В один из залов втиснуто 29 картин Гогена. (Между прочим, я снова открыл для себя – насколько такое определение позволительно на основании беглого просмотра этой большой коллекции, – что картины Гогена производят на меня враждебное впечатление; они обрушивают на меня всю неприязнь, какую нееврей может ощущать по отношению к еврею.) – Пожалуй, нигде, кроме как здесь, нет такой возможности проследить творческий путь Пикассо от ранних работ двадцатилетнего художника до 1914 года. Наверное, он месяцами, например во время «желтого периода», работал на Щукина. Его работы заполняют три расположенных подряд помещения. В первом – работы раннего времени, из которых мое внимание привлекли две: мужчина, одетый наподобие Пьеро и держащий в правой руке какой-то кубок[107], и картина «Любительница абсента»[108]. Потом кубистический период около 1911 года, когда формировался Монпарнас, и, наконец, «желтый период», включая «Amitie» и этюды к ней[109]. Рядом целая комната посвящена Дерену. Наряду с очень красивыми картинами в его привычной манере я обнаружил совершенно чуждый «Le samedi»[110]. На большой мрачной картине изображены женщины в национальной фламандской одежде, собравшиеся за столом для домашней работы. Фигуры и настроение очень сильно напоминают Мемлинга. Залы, вплоть до маленькой комнаты с картинами Руссо, очень светлые. Окна с большими, не разделенными переплетом стеклами выходят на улицу и во двор дома. Здесь я впервые получил хоть какое-то представление о таких художниках, как Ван Донген и Ле Фоконье. Изображение на маленькой картине Мари Лорансен – женская голова и рука, превращающаяся в цветок, – напомнило мне в том, что касается

физиологической структуры, о Мюнхгаузене и его недолговечной любви к Мари Лорансен[111]. – Днем я узнал от Нимен, что мое интервью напечатано[112]. Так что я отправился к Асе, вооружившись «Вечерней Москвой» и «Literarische Welt». Но встреча тем не менее оказалась неудачной. Райх появился гораздо позднее. Ася перевела для меня интервью.

Александр Родченко. В рабочем общежитии. 1932 г.

Я понял, что интервью – не то чтобы, как предполагал Райх, могло оказаться «опасным» – в конце было довольно слабым не столько из-за упоминания Шеербарта, сколько из-за того, что сделано это было невнятно и неточно. К сожалению, эта слабость была достаточно видна, хотя начало, контраст с итальянским искусством, вышло хорошо. Я думаю, что его публикация все же полезна. В начале Ася увлеклась, но конец вызвал у нее справедливое раздражение. Самое лучшее, что оно дано под большим заголовком. Из-за вчерашней ссоры я купил по пути для Аси пирожное. Она приняла его. Потом она объяснила, что вчера, после того как мы расстались, она не хотела меня больше знать, в том смысле, что мы больше (или долгое время) не увидимся. Но вечером, к ее собственному удивлению, ее настроение изменилось, и она обнаружила, что вообще на меня больше не сердится. Если что-то происходит, сказала она, то кончается это всегда тем, что в конце концов она спрашивает себя, не она ли оскорбила меня. К сожалению, не знаю уж и как, но потом, несмотря на эти слова, между нами все же произошла ссора.

15 января, (продолжение)

Если говорить коротко: после того, как я показал Асе газету и журнал, разговор, должно быть, снова перешел на мои неудачи здесь, а когда потом речь зашла о привезенных из Берлина подарках и Ася высказала по их поводу недовольство, я потерял самообладание и в отчаянии вылетел из комнаты. Но в коридоре я пришел в себя – вернее сказать, я чувствовал, что у меня нет сил уйти, – и вернулся со словами: «Я хотел бы еще посидеть здесь совершенно спокойно». После этого мы даже постепенно снова завязали разговор, и когда пришел Райх, мы оба были хотя и совершенно изнеможенные, но спокойные. После этого я дал себе зарок ни при каких обстоятельствах не допускать подобных ссор. Райх сказал, что плохо себя чувствует. И правда, его челюсть по-прежнему сводило судорогой, стало даже хуже.

Он не мог больше жевать. Десна раздулась, и вскоре образовался нарыв. Тем не менее он заявлял, что должен пойти в этот вечер в немецкий клуб. Дело в том, что он был назначен посредником между немецкой группой МАППа[113] и московскими культурными представителями поволжских немцев. Когда потом мы оказались в вестибюле одни, он сказал мне, что температура у него тоже есть. Я потрогал его лоб и сказал, что он никак не может идти в клуб. Тогда он послал меня, чтобы я сообщил о его болезни. Находился клуб неподалеку, но меня встретил такой ледяной пронизывающий ветер, что я едва продвигался. А дом этот я так и не нашел. Изнеможенный, я вернулся домой и остался.

16 января.

Для отъезда я выбрал пятницу, 21-е число. Из-за близости этого срока мои дни стали очень напряженными. Нужно было успеть уладить еще много дел. На воскресенье я наметил две вещи.

А именно не только встретиться в час в театре Пролеткульта с Гнединым, но и успеть до этого в музей живописи и иконописи (Остроухова)[114]. Первое из моих намерений в конце концов удалось осуществить, второе – нет. Снова было очень холодно, окна трамвая покрылись толстой коркой льда, так что сквозь них ничего не было видно. Сначала я порядком проехал остановку, на которой должен был выйти. Пришлось ехать обратно.

В музее мне повезло, что хранитель, которого я там застал, говорил по-немецки и провел меня через собрание. На нижний этаж, в котором располагались русские картины конца прошлого и начала этого века, у меня под конец осталось всего несколько

минут. Я сделал правильно, что сначала поднялся в отдел икон. Он находится на втором этаже в красивых светлых помещениях невысокого дома. Владелец этой коллекции еще жив. Революция ничего не изменила в его музее, он был, правда, национализирован, но владельца оставили в нем в качестве директора. Этот Остроухов – художник и первые картины приобрел сорок лет назад. Он был миллионером, много ездил и собирался перейти к коллекционированию ранней русской деревянной скульптуры, когда началась война. Старейшая вещь в его коллекции, византийское изображение святого, сделано восковыми красками на деревянной доске, оно было написано в шестом веке. Большая часть икон относится к пятнадцатому и шестнадцатому векам. С помощью моего гида я познакомился с основными различиями строгановской и новгородской школ и получил кое-какие объяснения по иконографии. Впервые я заметил аллегорию побежденной смерти у подножия креста, так часто встречающуюся на русских иконах. На черном фоне (словно отражение в темной болотной луже) – череп. Другие иконографические достопримечательности я увидел через несколько дней в собрании икон Исторического музея. Такие, как натюрморт из орудий пыток, разложенных у алтаря, а по алтарю по прелестной розовой ткани разгуливает святой дух в виде голубя. Потом две ужасные рожи с сияющими венчиками по обе стороны от Христа: это явно два разбойника, изображенные таким образом как попавшие в рай. Другое изображение – трапеза трех ангелов, встречающееся достаточно часто, с представленным на переднем плане уменьшенным и словно схематическим закланием агнца, – было мне непонятным. Разумеется, совершенно недоступны моему пониманию сюжеты изображенных на иконах легенд. Когда с довольно холодного второго этажа я спустился вниз, в камине уже разожгли огонь, и немногие сотрудники собрались у камина, чтобы провести вместе выходной. Я бы с удовольствием остался, но мне надо было выходить на холод. Последняя часть пути, от телеграфа – там я вышел – и до театра Пролеткульта была ужасна. После чего я час простоял в вестибюле. Но мое ожидание было совершенно напрасным. Через несколько дней я узнал, что в том же помещении был Гнедин и ждал меня. Уж и не знаю, как это могло случиться. То что я, обессиленный и при моей плохой памяти на лица, мог не узнать его в пальто и шапке, можно себе представить, но чтобы то же самое произошло и с ним – невероятно. Тогда я поехал обратно, сначала я хотел пообедать в нашем обычном воскресном погребке, но проехал нужную остановку и почувствовал такую усталость, что решил вместо

того, чтобы идти пешком, просто обойтись без обеда. Но потом, у Триумфальной площади, я собрался с духом и открыл дверь какой-то не известной мне *столовой.* Она выглядела вполне гостеприимной, а еда, которую мне принесли, оказалась неплохой; *борщ*, правда, не шел ни в какое сравнение с тем, что мы привыкли есть по воскресеньям. Так я выиграл время для отдыха перед тем, как прийти к Асе. Когда она сразу сказала мне, что Райх болен, я не удивился. Он еще накануне пошел не ко мне, а в комнату Асиной соседки по санаторию. Теперь он лежал не вставая, и вскоре Ася с Маней пошли его навестить. Я расстался с ними у санатория. Тут Ася спросила меня, что я делаю вечером. «Ничего, – сказал я, – буду дома». Она ничего не ответила. Я пошел к Бассехесу. Его не было, лежала записка, в которой он просил подождать его. Это меня устраивало; я сидел в кресле спиной к теплой печке, попросил чаю и просматривал немецкие журналы. Прошел час, прежде чем он пришел. Но потом он попросил меня остаться на вечер. Я стал нервно соображать. С одной стороны, я хотел знать, каким будет этот вечер, на который был приглашен еще один гость. Бассехес тоже будет, так что я смогу получить от него некоторые пояснения к русскому фильму. Наконец, я рассчитывал на ужин (в этом ожидании я был обманут). Сообщить Асе по телефону, что я остаюсь у Бассехеса, не получалось, в санатории никто не отвечал. Наконец, туда послали нарочного. Я боялся, что он опоздает, хотя я и не знал, собирается ли Ася ко мне. На следующий день она сказала, что собиралась. Но, во всяком случае, письмо застало ее вовремя. Я написал: «Милая Ася, вечером я у Бассехеса. Завтра я приду в 4 часа. Вальтер». *«Я»* и «у» я сначала написал вместе, затем раздел их косой чертой. Поначалу Ася не разобрала, что я написал, ей показалось «жду Бассехеса». – Потом появился д-р Кронекер, сотрудник большой русско-австрийской компании. От Бассехеса я слышал, что он социал-демократ. Но он произвел впечатление умного человека, он много поездил и говорил со знанием дела. Разговор зашел о боевых отравляющих газах. Сказанное мной об этом произвело на них впечатление.

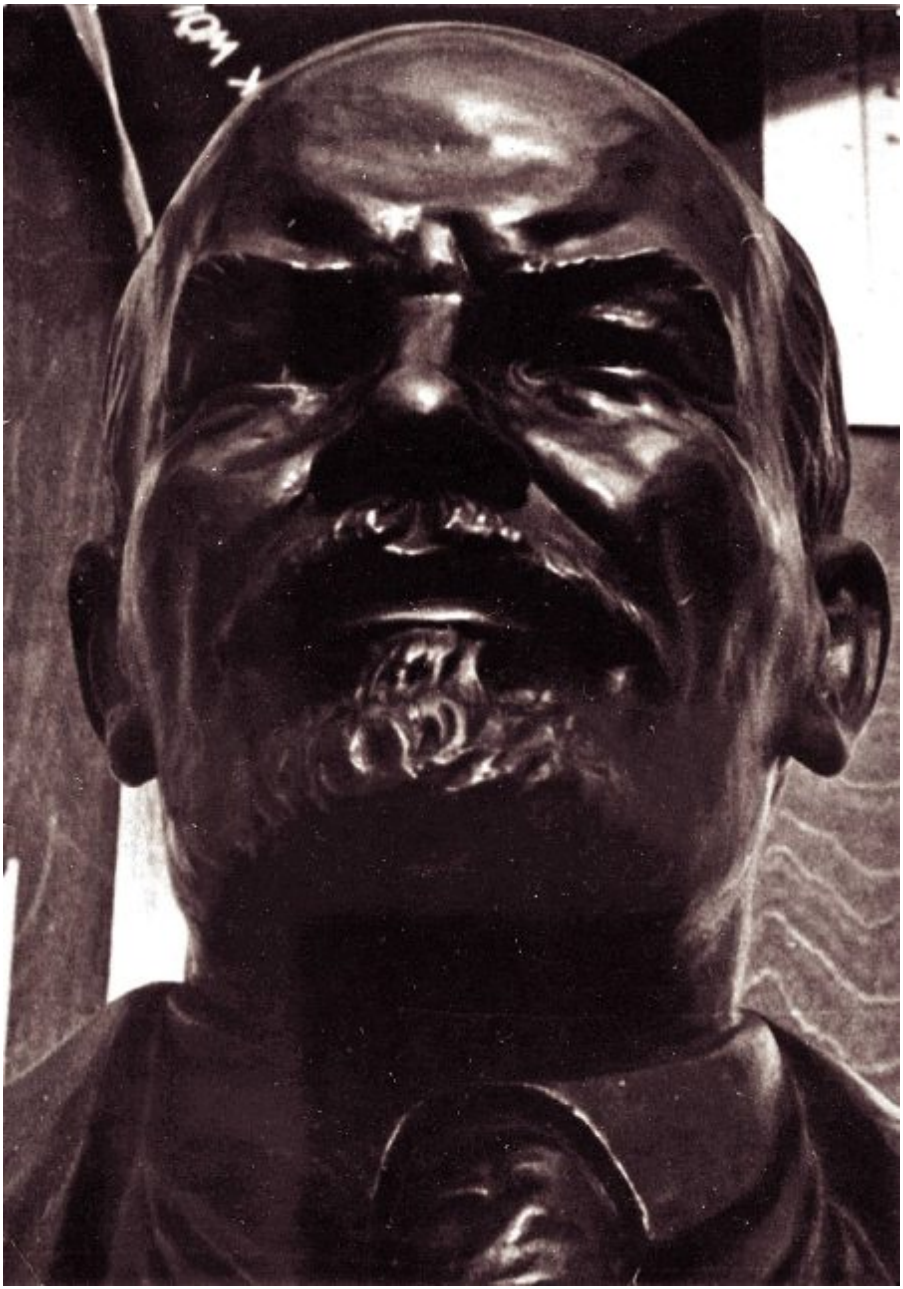
17 января.

Самым важным в моем вчерашнем визите к Бассехесу было то, что мне удалось уговорить его помочь мне с улаживанием формальностей при отъезде. Он попросил меня зайти за ним в понедельник пораньше. Я пришел, а он был еще в постели. Было нелегко его поднять. Когда мы оказались, наконец, на Триумфальной площади, была уже четверть первого; а я пришел к нему в одиннадцать. До того я выпил в привычной маленькой

кондитерской кофе и съел пирожное. Это было хорошо, потому что из-за массы дел я остался в этот день без обеда. Сначала мы пошли в банк на Петровке, потому что Бассехес хотел снять со счета деньги. Сам я поменял деньги и оставил лишь 50 марок. После этого Бассехес потащил меня с собой в какой-то маленький кабинет, чтобы представить меня банковскому начальнику, с которым он был знаком. Это был д-р Шик, заведующий зарубежным отделом[115]. Этот человек очень долго жил в Германии, учился там, без сомнения происходит из очень богатой семьи и наряду с профессиональной деятельностью всегда интересовался искусством. Он читал мое интервью в *«Вечерней Москве»*. Оказалось, что в свои студенческие годы в Германии он был лично знаком с Шеербартом. Так что контакт установился тут же, и короткий разговор закончился приглашением на обед на 20-е. Потом на Петровку, где я получил свой паспорт. После этого на санях к Наркомпросу, чтобы проштамповать мои документы для пересечения границы. Наконец, в этот день удалось важное для меня дело: я еще раз уговорил Бассехеса сесть в сани и поехать со мной в государственный универмаг *ГУМ* в Верхних торговых рядах, где продавали кукол и всадников, о которых я мечтал. Мы скупили все, что еще оставалось, и десять лучших я отобрал себе. Штука стоила всего 10 копеек. Моя наблюдательность меня не обманула: в лавке нам сказали, что эти игрушки, которые делают в Вятке, в Москву больше не поставляют: на них нет спроса. То есть то, что мы купили, было последним. Бассехес купил еще домотканого полотна. Он отправился со своими пакетами обедать в «Савой», в то время как у меня время было только для того, чтобы оставить все покупки дома. Было уже четыре часа, и мне пора было к Асе. Мы недолго оставались у нее в комнате, а потом пошли к Райху. Маня была уже там. Но таким образом у нас опять было несколько минут, чтобы побыть одним. Я попросил Асю прийти вечером ко мне – до половины одиннадцатого я свободен – и она обещала прийти, если получится. Райху было намного лучше. О чем мы говорили у него, не помню. Около семи мы ушли. После ужина я напрасно ждал Асю и в четверть одиннадцатого поехал к Бассехесу. Но и там никого не было. Мне сказали, что он весь день не появлялся. Журналы, которые там лежали, были мне либо уже известны, либо противны.

Неизвестный фотограф. Без названия (Дирижабль над Красной площадью). До 1935 г.

Я уже собирался, прождав полчаса, спускаться вниз, как появилась его подруга и – почему, толком не знаю, может быть, она не хотела идти с ним в клуб одна, – стала настойчиво просить подождать еще. Я остался. Потом пришел и Бассехес; ему пришлось выслушать речь Рыкова на конгрессе *Авиахима*[116]. Я попросил его заполнить мою анкету на получение выездной визы, а потом мы пошли. Уже в трамвае меня представили какому-то драматургу, пишущему комедии, который тоже ехал в клуб. Только мы нашли столик в переполненном зале и сели за ним втроем, как выключили свет, что значило: начинается концерт. Пришлось встать. Я вышел с Бассехесом в холл. Через несколько минут появился – в смокинге, только что с ужина, который давала крупная английская компания в *«Большой Московской»,* – немецкий генеральный консул. Он пришел, потому что назначил здесь свидание двум дамам, которых там встретил. Но поскольку они не пришли, он присоединился к нам. Некая дама – якобы бывшая княжна – пела очень красивым голосом народные песни. Я то стоял в темном обеденном зале, у прохода в освещенный музыкальный зал, то сидел в холле. Кое о чем я поговорил с генеральным консулом, который был очень обходителен.



Александр Родченко. Госэлектротрест. Бюст Ленина в партийном кабинете. Начало 1930-х гг.

Но его лицо было грубым, лишь поверхностно затронутым интеллектуальным влиянием, и он вполне подтверждал впечатление, которое сложилось у меня о немецких представителях за рубежом после морского путешествия и встречи с Франком и Цорном, походившими друг на друга, как

близнецы. Ели мы уже вчетвером, потому что к нам подсел и секретарь посольства, и мне было очень удобно его наблюдать. Еда была хороша, снова водка на травах, *закуска*, два блюда и мороженое. Публика была самого худшего толка. Мало художников – любого рода, – но зато много *«нэповской* буржуазии. Примечательно, насколько эта новая буржуазия не находит ни малейших симпатий даже у иностранных представителей – если судить по словам генерального консула, которые в этом случае показались мне честными. Вся убогая натура этого класса проявила себя в последовавших танцах, которые были похожи на малопривлекательные провинциальные танцульки. Танцевали очень плохо. К сожалению, из-за любви подруги Бассехеса к танцам развлечение затянулось до четырех часов.

От водки я засыпал, кофе меня не взбодрил, и к тому же тело мое болело. Я был рад, когда наконец оказался в санях и поехал в гостиницу; около половины пятого я был в постели.

18 января.

До обеда я навестил Райха в Маниной комнате. Нужно было ему кое-что отнести. Вместе с тем я пришел, чтобы дружеским поведением уладить трения, возникшие между нами перед тем, как он заболел. Внимательно слушая проспект его книги о политике и театре, которую он надеется издать в каком-то русском издательстве, я завоевал его расположение. Попутно мы обсудили план книги о театральных сооружениях, которую он мог бы написать с Пёльцигом[117] и которая теперь, после многочисленных работ о сценографии и театральном костюме, наверняка была бы встречена с большим интересом. Прежде чем уйти, я сходил на улицу и купил ему сигарет, а также взялся сделать кое-что для него в *доме Герцена.* После этого я пошел в Исторический музей. Там я провел больше часа в необычайно богатом собрании икон, где было также множество поздних работ XVII и XVIII веков. Как же много времени требуется Христу-младенцу, чтобы обрести свободу движения на руке матери, достигаемую только в определенное время. И опять-таки столетия требуются, чтобы рука Младенца и рука Богородицы встретились: у византийских художников они только направлены друг к другу. Я быстро прошел после этого археологическое отделение и задержался еще только перед несколькими досками с Афона. Выходя из музея, я несколько приблизился к разгадке тайны поразительного воздействия, которое оказал на меня Благовещенский собор[118], это было мое первое значительное впечатление в Москве. Дело в том, что когда подходишь к Красной площади со стороны площади Революции, то она

немного поднимается вверх, так что купола собора выплывают постепенно, как из-за горы. В этот день была солнечная хорошая погода, и я снова испытал радость при виде собора. В *доме Герцена* я не смог получить деньги для Райха. Когда я в четверть пятого появился перед Асиной дверью, внутри было темно. Я дважды тихо постучал и, не получив ответа, пошел в комнату отдыха, чтобы подождать. Я почитал «Nouvelles Litteraires». Но когда и четверть часа спустя никто не ответил, я открыл и никого не обнаружил. Расстроенный тем, что Ася ушла так рано, не дождавшись меня, я пошел к Райху, чтобы все-таки попытаться договориться с ней на вечер. Я собирался пойти с ней в *Малый театр*, но Райх мне все испортил, высказавшись утром против. (Когда я потом действительно получил билеты на этот вечер, мне нечего было с ними делать.) Наверху я даже не разделся и был молчалив. Маня снова что-то объясняла, необычайно энергично и кошмарно громким голосом. Она показывала Райху статистический справочник. Неожиданно Ася повернулась ко мне и сказала, что в прошлый вечер она не пришла ко мне, потому что у нее очень болела голова. Я лежал на софе в пальто и курил маленькую трубку, которой все время пользовался в Москве.

В конце концов мне как-то удалось уговорить Асю прийти после ужина ко мне, мы пойдем куда-нибудь, или я прочту ей лесбийскую сцену. После этого я задержался еще на несколько минут, чтобы не возникало впечатления, будто я пришел только за этим. И вот я вскоре встал, сказав, что собираюсь уходить. «Куда?» – «Домой». – «Я думала, что ты еще пойдешь со мной в санаторий». – «Разве вы не останетесь здесь до семи?» – спросил я несколько наигранно. Дело в том, что утром я слышал, что в это время должна прийти секретарша Райха. В конце концов я все же остался, но не пошел с Асей в санаторий. Я посчитал, что ее приход вечером будет более вероятным, если я дам ей сейчас время отдохнуть. Пока что я купил для нее икры, мандаринов, конфет, пирожных. А еще я поставил на подоконник, где я собираю свои игрушки, две глиняные куклы, чтобы одну из них она выбрала себе. И она действительно пришла – заявив сначала: «Я могу задержаться только на пять минут и должна сразу же идти обратно». Но на этот раз она просто шутила. Я, конечно, чувствовал, что в последние дни – сразу после отчаянных ссор – она ощущает ко мне более сильную привязанность. Но я не знал, насколько она сильна. Когда она пришла, я был в хорошем настроении, потому что получил много почты с несколькими добрыми вестями от Виганда, Мюллера-Ленинга, Эльзы Хайнле[119]. Письма еще лежали на кровати, где я их читал. Кроме того, Дора написала мне, что деньги высланы, и поэтому я решил

остаться здесь немного подольше. Я сказал ей это, и она бросилась мне на шею. Недели очень тяжелой ситуации настолько отдалили меня от надежды на подобное проявление симпатии, что потребовалось какое-то время, прежде чем я смог почувствовать себя счастливым. Я был словно сосуд с узким горлышком, в который плеснули жидкость из ведра. Постепенно я по собственной воле настолько сузил свое восприятие, что был уже едва доступен для полных, сильных внешних ощущений. Но в течение вечера это спало с меня. Сперва я с обычными уверениями попросил Асю о поцелуе. Но потом случилось вдруг такое, словно кто-то повернул электрический выключатель, и она требовала снова и снова, когда я говорил или собирался ей почитать, чтобы я ее целовал. Мы вспомнили почти забытые нежности. Тем временем я дал ей купленную еду и кукол; она выбрала одну из них, и теперь она стоит напротив ее кровати в санатории. И я еще раз заговорил о своем визите в Москву. И поскольку накануне, когда мы шли к Райху, она действительно сказала мне решающие слова, мне было достаточно их только повторить: «Место, которое в моей жизни занимает Москва, я могу узнать только через тебя – это правда, совершенно независимо от любовных историй, сантиментов и прочего».

Ну и потом, и это она тоже произнесла первой, шесть недель – это как раз то время, какое требуется, чтобы хоть как-то обжиться в каком-нибудь городе, к тому же не зная языка и ощущая его сопротивление на каждом шагу. Ася заставила меня убрать письма и легла на кровать. Мы много целовались. Но самое глубокое возбуждение у меня вызывало прикосновение ее рук, и она говорила мне раньше, что все, кто был с нею связан, ощущали, что наибольшая сила исходит именно от них. Я прижал свою правую ладонь к ее левой, и мы долго лежали так. Ася напомнила о замечательном совершенно крошечном письме, которое я как-то ночью передал ей на Виа Депретис в Неаполе, когда мы сидели за столиком перед маленьким кафе на почти пустынной улице. Надо будет попробовать разыскать его в Берлине. Потом я прочитал лесбийскую сцену из Пруста[120]. Ася поняла ее необузданный нигилизм: как Пруст, так сказать, врывается в аккуратно обставленный кабинет в душе обывателя, на котором висит табличка «Садизм», и все безжалостно разносит вдребезги, так что от блестящей, упорядоченной концепции греховности не остается ничего, более того, на всех разломах зло слишком ясно обнаруживает «человечность», даже «доброту», свою истинную основу. И пока я объяснял это Асе, мне стало понятно, насколько тесно это связано с основной тенденцией моей книги о барокко. Совсем как вечером накануне, когда я один

читал в комнате и наткнулся на необычайное рассуждение о Caritas Джотто[121], и мне стало ясно, что Пруст развивает здесь мысли, совпадающие с тем, что я пытался выразить понятием аллегории.

19 января.

Об этом дне почти нечего записать. Поскольку отъезд отодвинулся, я немного отдохнул от забот, связанных с последними днями в Москве. Райх впервые снова спал у меня. Утром пришла Ася. Но ей скоро надо было уходить на собеседование, связанное с возможностью новой работы. Во время ее короткого визита разговор зашел о применении газов на войне. Сначала она яростно спорила со мной, но вмешался Райх. В конце она сказала, что я должен записать то, что говорил, и я решил написать статью об этом для «Weltbühne»[122]. Вскоре после ухода Аси ушел и я. Я встретился с Гнединым. Наш разговор был непродолжительным; мы разобрались с воскресной неудачей, он пригласил меня на следующее воскресенье вечером к Вахтангову и дал мне несколько советов относительно таможенного оформления багажа. По пути к Гнедину и обратно я проходил мимо здания *ЧК*. Перед ним постоянно расхаживает часовой с примкнутым штыком. Потом на почту; я телеграфировал насчет денег. Пообедал я в погребке, где мы ели по воскресеньям, поехал потом домой и отдохнул.

В вестибюле санатория мне встретилась Ася, и сразу же, с другой стороны, подошел Райх. Ася шла принимать ванну. Все это время я играл в ее комнате с Райхом в домино. Потом пришла Ася и рассказала о перспективах, открывшихся для нее сегодня утром, о возможности получить место помрежа в одном театре на Тверской, где два раза в неделю играют для пролетарских детей[123]. Вечером Райх был у Иллеша. Я с ним не пошел. Около одиннадцати он появился у меня в комнате; но идти в кино, как мы планировали, было уже поздно. Краткий, ничем не кончившийся разговор о трупах в дошекспировском театре.

20 января.

С утра я довольно долго писал у себя в комнате. Так как Райх в час должен был по своим делам быть в редакции энциклопедии, я хотел воспользоваться этой возможностью, чтобы побывать там, не столько чтобы протолкнуть свою статью о Гёте (на это я совершенно не надеялся), сколько чтобы последовать предложению Райха и не быть беспечным в его глазах. Ведь в противном случае он мог бы объяснить отклонение статьи о Гёте моим бездействием. Я с трудом мог сдержать смех, когда

оказался наконец перед ответственным профессором. Едва он услышал мое имя, как вскочил, вытащил мою статью и вызвал на помощь секретаря. Тот принялся предлагать мне статью о барокко.

Неизвестный фотограф. Без названия (Фотография ВЦИК (?). Снятие памятника Александру III на Пречистенской набережной). 1918 г.

Я потребовал сохранения за мной статьи о Гёте в качестве условия любого дальнейшего сотрудничества. Потом я перечислил свои публикации, намекнул, как инструктировал меня Райх, о своем состоянии, и как раз в тот момент, когда я об этом говорил, вошел Райх. Однако он не подошел ко мне и беседовал с другим сотрудником. Мне пообещали дать ответ через несколько дней. Потом нам с Райхом еще долго пришлось ждать в приемной. Наконец мы пошли; он рассказал мне, что в редакции подумывают о том, чтобы поручить статью о Гёте Вальцелю[124]. Мы шли к Панскому. Невероятно – но все же возможно, – что ему, как мне потом сказал Райх, двадцать семь лет. Поколение, делавшее революцию, стареет. Похоже, что со стабилизацией в их жизнь вошел покой, даже равнодушие, что обычно бывает в преклонном возрасте. Между прочим, Панский совсем не радушен, и о москвичах вообще этого не скажешь. Он пообещал показать мне в следующий понедельник несколько фильмов, которые я хотел посмотреть до того, как начать писать статью против Шмитца, которую мне заказал «Literarische Welt». Мы пошли есть. После еды я отправился домой, потому что Райх сначала хотел поговорить с Асей один. Позднее я зашел на час и пошел потом к Бассехесу. Вечер у банковского начальника Максимилиана Шика был разочарованием в том смысле, что я остался без ужина. Днем я почти ничего не ел и совершенно изголодался. Так что я совершенно бесстыдно набросился на выпечку, которую подали к чаю. Шик из очень богатой семьи, учился в Мюнхене, Берлине и Париже и служил в русской гвардии. Теперь он с женой и ребенком живет в одной комнате, из которой, правда, с помощью перегородок и портьер сделаны три. Это, должно быть, очень хороший пример того, кого здесь называют «бывшими людьми». Он является таковым не только в социологическом отношении (как раз в этом он подходит не совсем, потому что занимает достаточно привлекательный пост). Характеристика «бывший» относится к продуктивному периоду жизни. Он писал стихи, например в «Die Zukunft»[125], и статьи в совершенно забытых в наши дни журналах. Однако он верен своим пристрастиям, и в его кабинете находится небольшая, но тщательно подобранная библиотека французских и немецких авторов XIX века. Он сказал, сколько стоили некоторые, очень ценные из этих книг, и стало ясно, что для продавца они были просто макулатурой. За чаем я попытался получить от него информацию о новой русской литературе. Мои усилия были совершенно напрасными. Его понимание не идет дальше Брюсова. При этом постоянно присутствовала маленькая, очень милая женщина, по которой было видно, что она не работает. Но

книгами она тоже не интересовалась, и было кстати, что Бассехес немного занимался ею. За некоторые любезности, которые он ожидает от меня в Германии, он осыпал меня дешевыми, неинтересными детскими книгами, от части из них я не мог отказаться. Лишь одну я взял с удовольствием, она, правда, ценности тоже не представляет, но довольно красива. Когда мы уходили, Бассехесу удалось заманить меня обещанием показать кафе, где собираются проститутки, пройтись до Тверской. Правда, в кафе я не увидел ничего особенного, но по крайней мере поел еще холодной рыбы и крабов. В роскошных санях он довез меня до пересечения Тверской и Садовой.

21 января.

Это день смерти Ленина. Все увеселительные заведения закрыты. Но для магазинов и конторских служащих выходной перенесен, из-за «режима экономии», на следующий день, субботу, когда рабочий день и без того сокращен наполовину. Рано утром я поехал к Шику в банк и там узнал, что на субботу был намечен визит к Мускину[126], чтобы я посмотрел коллекцию детских книг. Я поменял деньги и поехал в Музей игрушки.

На этот раз я продвинулся на один шаг. Мне пообещали дать во вторник ответ насчет фотографий, которые я хотел заказать. Но потом мне показали отпечатки с имеющихся негативов. Поскольку они стоят гораздо дешевле, я заказал штук двадцать отпечатков. И в этот раз я с особым вниманием изучал глиняные игрушки из Вятки. – Накануне, как раз когда я уходил, Ася предложила в два часа дня пойти с ней в детский театр, находящийся на Тверской, в кинотеатре «Арс». Но когда я туда пришел, в театре никого не было; я понял, что в этот день представление, скорее всего, не состоится. Наконец, со словами, что театр закрыт, служитель выставил меня из вестибюля, где я грелся. Простояв еще некоторое время на улице, я дождался Маню, которая принесла мне записку от Аси. В ней говорилось, что она ошиблась, и спектакль будет не в пятницу, а в субботу. После этого я с Маниной помощью купил свечи. От работы при свечах мои глаза сильно воспалились. Поскольку я хотел сэкономить время для работы, я пошел не в *дом Герцена* (который, впрочем, в этот день мог быть закрыт), а в *столовую* поблизости. Еда была дорогой, но неплохой. Дома же я занялся не статьей о Прусте, как предполагал, а писал ответ на плохой и наглый некролог Рильке, сочиненный Францем Блайем[127]. Потом я прочел его у Аси, и сказанное Асей побудило меня в тот же вечер и еще следующим днем переработать его. Между прочим, она чувствовала себя не очень хорошо. – Потом я ел с Райхом в том

же ресторане, где обедал. Он впервые был там. Потом мы пошли по магазинам. Вечером он до половины двенадцатого был у меня, и мы затеяли разговор, во время которого рассказывали друг другу, что мы читали в детстве – то, что осталось в памяти. Он сидел в кресле, я лежал на кровати. Во время этого разговора я обнаружил, что я уже мальчиком читал не то, что было обычным для сверстников. «Новый друг немецкой юности» Гофмана было почти единственным типичным детским изданием, которое я читал. Ну и, конечно, замечательные тома Гофмана, «Кожаный чулок», античные легенды Шваба. Но я не прочел больше одной книги Карла Мая, не был знаком с «Борьбой за Рим», как и с морскими романами Верисхефер[128]. И я прочел всего одну книгу Герштекера, в которой была довольно дурманящая любовная история (или я взялся за нее как раз потому, что слышал, будто в ней есть такое), это «Арканзасские ходики». К тому же я обнаружил, что всем моим знанием классической драматургии я обязан нашему литературному кружку[129].

22 января.

Я еще не умылся, но сидел за столом и писал, когда вошел Райх.

В это утро я был еще меньше расположен к общению, чем обычно в такое время. К тому же я не хотел прерывать работу. Когда же я около половины второго собрался уходить и Райх спросил меня: «Куда?» – выяснилось, что и он собирается в детский театр, куда меня пригласила Ася. Значит, все мое преимущество состояло в том, что я днем раньше напрасно простоял полчаса перед порталом. Тем не менее я пошел вперед, чтобы выпить в привычном кафе чего-нибудь горячего. Но и кафе были в этот день закрыты, а в этом к тому же начался *«ремонт»*. И я медленно пошел по Тверской к театру. Потом пришел Райх, за ним и Ася с Маней. Так как мы вчетвером стали уже компанией, мой интерес к спектаклю был небольшим. До конца я все равно остаться не мог, потому что в половине четвертого я все равно должен был быть у Шика. Я также не настаивал на том, чтобы сесть рядом с Асей, а занял место между Райхом и Маней. Ася заставила Райха переводить мне. В пьесе, кажется, шла речь о создании консервной фабрики, и она была с сильным шовинистическим акцентом, антианглийской. В антракте я ушел. Тут Ася даже предложила, чтобы удержать меня, место рядом с собой, но я не хотел приходить к Шику с опозданием и, самое главное, слишком уставшим. Он сам был еще не готов. В автобусе он говорил о времени, которое он провел в Париже, о том, как к нему приходил Жид и т. д. Визит к Мускину был не напрасным.

Правда, я обнаружил всего одну действительно значительную детскую книгу, швейцарский детский календарь 1837 года, тоненький томик с тремя раскрашенными листами иллюстраций, но я увидел так много русских детских книг, что мог составить себе впечатление об уровне их иллюстраций. Они очень сильно зависят от немецких иллюстраций. Для многих книг иллюстрации делались в литографических мастерских Германии. Многие немецкие книги копировались. Русские издания «Штруввель-петера»[130], которые я там увидел, очень грубые и некрасивые. Мускин закладывал в книги листочки, записывая на них сведения, которые я ему сообщал. Он руководит в государственном издательстве отделом, который выпускает детские книги. Несколько образцов своей продукции он мне показал. Среди них были и книги, в которых он был автором текста. Я рассказал ему о своем грандиозном плане документального издания «Фантазия». Он, похоже, не очень-то понял, о чем речь, и вообще произвел впечатление довольно заурядное. Состояние, в котором находилась его библиотека, произвело на меня ужасающее впечатление. У него не было места расставить книги, как полагается, и все лежало и стояло на стеллажах в коридоре как попало.

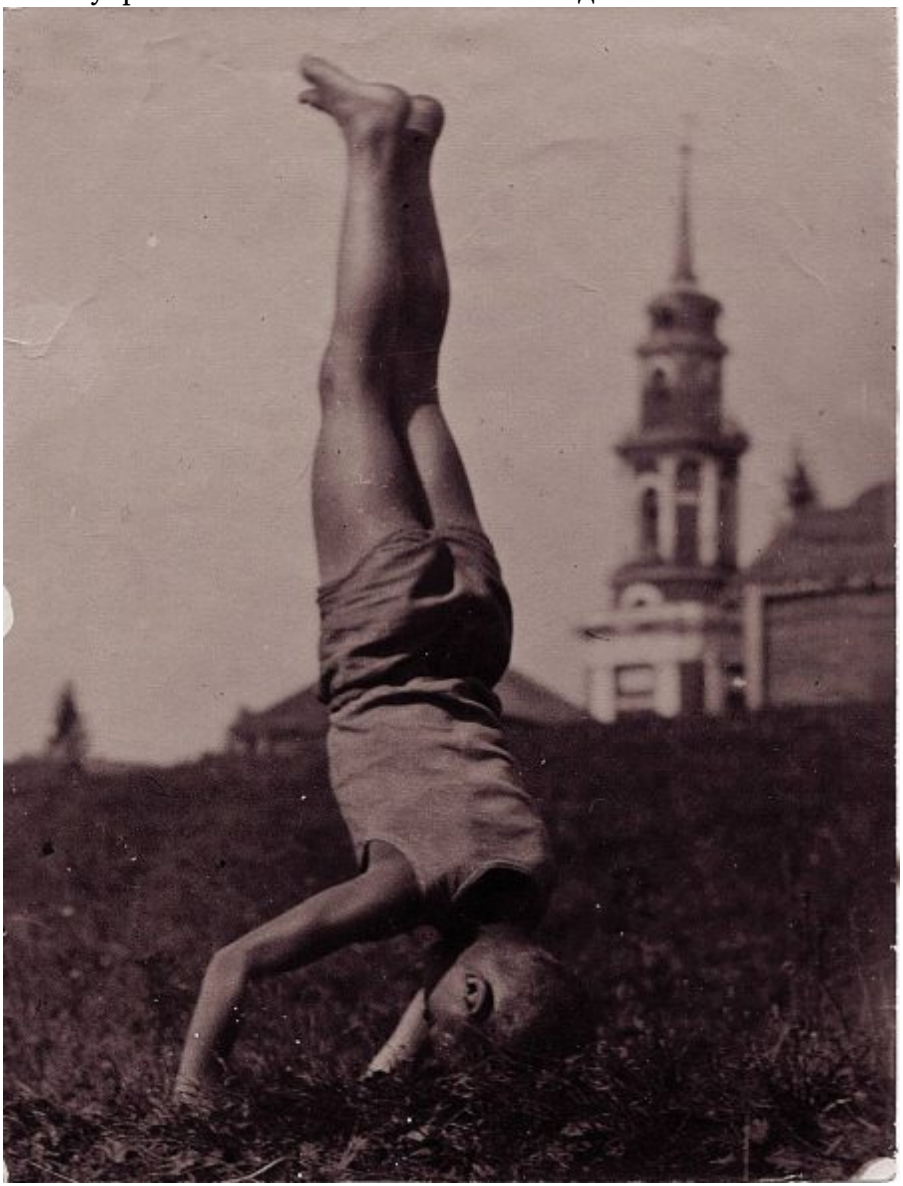
К чаю было много угощений, и я не заставлял себя упрашивать, ел очень много, потому что в этот день не обедал и не ужинал.

Мы пробыли там около двух с половиной часов. Под конец он дал мне еще две книги издательства, которые я про себя решил подарить Даге. Вечером писал дома статью о Рильке и дневник. Но – как и сейчас – такими плохими письменными принадлежностями, что мне ничего не идет в голову.

23 января.

(Я долго ничего не записывал в дневник, и теперь приходится писать все разом.) В этот день Ася готовилась к выписке из санатория. Она перебралась к Рахлиной[131] и, тем самым, наконец, в приятную компанию. В следующие дни я смог оценить, какие возможности открылись бы для меня, если бы подобный дом стал доступен мне раньше. Теперь было уже слишком поздно пытаться воспользоваться этими возможностями. Рахлина живет в доме Центрального архива, в большой, очень чистой комнате. Она живет со студентом, который, однако, очень беден и из гордости там не проживает. На второй день нашего знакомства, в среду, она уже подарила мне кавказский кинжал, очень красивой работы, хотя и не представляющий большой ценности и игрушечный. Ася утверждала, что этим подарком я обязан ей.

Правда, для моих встреч с Асей дни, которые она провела у Рахлиной, были ничуть не лучше, чем время в санатории. Потому что там всегда был красный генерал, который только два месяца назад женился, но всеми возможными способами ухаживал за Асей и упрашивал ее поехать с ним во Владивосток.



Неизвестный фотограф. Без названия (Стойка на голове). Конец 1920-х гг.

Именно туда его направили служить. Свою жену он собирался, по его словам, оставить в Москве. На этих днях, а точнее, в понедельник Ася получила от Астахова[132] из Токио

письмо, которое переслала ей из Риги Эльвира. В четверг, когда мы вместе уходили от Райха, она самым подробным образом рассказала мне о его содержании, говорила со мной об этом еще и вечером того же дня. Астахов, похоже, не забывает ее, и, так как она попросила у него платок с цветами вишни, я сказал ей, что, наверное, единственное, что он искал эти полгода в витринах Токио, был такой платок. В первой половине этого дня я диктовал заметку против Блая и несколько писем. После обеда я был в очень хорошем настроении, разговаривал с Асей, но помню только, что Ася, когда я уже вышел от нее с ее чемоданом, чтобы отнести его к себе, еще раз появилась в дверях и протянула мне руку. Не знаю, чего она от меня ожидала – может быть, ничего. Я лишь на следующий день сообразил, что Райх закрутил настоящую интригу, чтобы заставить меня тащить чемодан, потому что сам он чувствовал себя плохо. Через день, после того как Ася переехала, он слег в Маниной комнате в постель. Но гриппозное состояние быстро прошло. Во всяком случае, в том, что касалось моего отъезда, я по-прежнему полностью зависел от Бассехеса. Через четверть часа после того, как я ушел из санатория, мы встретились на автобусной остановке. На вечер я договорился с Гнединым пойти в театр Вахтангова, однако должен был до того пойти с Райхом к его переводчице, чтобы попытаться заполучить ее на следующее утро, когда мне будут показывать в *Госкино* фильмы. Это удалось. После этого Райх посадил меня в сани, и я поехал к Вахтангову. Через четверть часа после начала спектакля пришли Гнедин и его жена.

Я уже было решил уйти и спрашивал себя, вспоминая происшедшее в прошлое воскресенье в театре Пролеткульта, не сумасшедший ли Гнедин. Но билетов уже не было. В конце концов ему все же удалось раздобыть какие-то билеты; однако мы сидели порознь, и в разных актах мы менялись местами на все лады, потому что два места были вместе, а одно отдельно[133]. Жена Гнедина массивна, приветлива и тиха, несмотря на некоторую невнятность черт, она не лишена шарма. Оба проводили меня после спектакля до *Смоленской площади*, где я сел на трамвай.

24 января.

Этот день был чрезвычайно напряженным и, хотя я в конце концов достиг почти всех своих целей, досадным. Началось все с бесконечного ожидания в приемной в *Госкино*. Через два часа начался просмотр. Я увидел «Мать», «Потемкина» и одну часть «Процесса о трех миллионах»[134]. Это стоило мне червонец, потому что я хотел дать что-нибудь женщине, которую устроил мне Райх, но она не назвала мне суммы, а она работала на меня

пять часов. Было очень утомительно смотреть без музыкального сопровождения так много фильмов в маленьком зале, где мы были почти единственными зрителями. В *доме Герцена* я встретил Райха. Он шел после обеда к Асе, потом они должны были зайти ко мне, чтобы ехать всем вместе к Рахлиной. Но сначала пришел один Райх. Тогда я пошел за денежным переводом на почту, которая была рядом. На это ушло около часа. Сцена была достойна описания. Почтовая служащая обращалась с переводом так, словно он был ее родным детищем, которое я у нее собираюсь похитить, и если бы через какое-то время не появилась другая сотрудница, которая немного говорила по-французски, то я бы так и вернулся ни с чем. Измотанный, я пришел назад в гостиницу. Через несколько минут мы отправились к Рахлиной, нагруженные чемоданом, верхней одеждой и одеялом. Ася тем временем поехала прямо туда. Там собралась большая компания, кроме красного генерала пришла еще подруга Рахлиной, которая хотела что-то передать для своей парижской знакомой, художницы. Ситуация по-прежнему была напряженной. Дело в том, что Рахлина – женщина вполне симпатичная – постоянно обращалась ко мне, я же смутно чувствовал, как сильно генерал интересуется Асей, и все время пытался следить за тем, что между ними происходит. Да еще и присутствие Райха. Нечего было и надеяться переговорить с Асей наедине; несколько слов, сказанных при прощании, в счет не идут. После этого я зашел на минутку к Бассехесу, чтобы обсуждать технические моменты отъезда, а потом домой. Райх спал в комнате Мани.

25 января.

Жилищная проблема порождает здесь странный эффект: когда идешь вечером по улицам, то видишь, в отличие от других городов, что почти каждое окно и в больших, и в маленьких домах освещено. Если бы свет этих окон не был таким разнородным, можно было подумать, что это иллюминация. Еще кое-что я заметил в последние дни: не только снег заставит меня тосковать по Москве, но и небо. Ни над одним из других городов-гигантов нет такого широкого неба. Это из-за того, что много низких домов. В этом городе постоянно ощущаешь открытость русской равнины. Новым и радостным впечатлением был увиденный мной на улице мальчик, который гордо нес доску с чучелами птиц. Значит, и таких птиц можно купить на улице. Еще более странным впечатлением этих дней была встреча с «красной» похоронной процессией. Гроб, катафалк, лошадиная упряжь были красными. Еще я видел трамвайный вагон, разрисованный политпропагандой. К сожалению, он ехал

слишком быстро, так что я не мог разобрать деталей. Поразительно, как много экзотического обрушивает на тебя этот город. В моей гостинице я каждый день вижу множество монгольских лиц. Но вот недавно на улице появились люди в красных и желтых одеяниях, буддийские священники, как мне сказал Бассехес, проводящие сейчас свой съезд в Москве. В то же время кондукторши в трамвае напоминают мне примитивные народы Севера. Они стоят на трамвайной площадке, в шубах, словно самоедки на своих санях. – В этот день удалось кое-что уладить. Первая половина дня прошла в хлопотах, связанных с подготовкой к отъезду. Я по глупости дал проштамповать свои паспортные фотографии, и теперь пришлось фотографироваться в срочной фотографии на Страстном бульваре. Потом по другим делам. Накануне я от Рахлиной связался с Иллешем и договорился зайти за ним в два часа в *Наркомпрос*. После нескольких безуспешных попыток удалось его найти. Мы потеряли много времени по пути пешком от министерства *к Госкино,* где Иллеш должен был поговорить с Панским. К несчастью, мне пришла в голову мысль попросить через *Госкино* кадры из «Шестой части мира», и я высказал это пожелание Панскому. В ответ я услышал какую-то чепуху: о фильме вообще не следует упоминать за границей, в нем использованы фрагменты иностранных фильмов, из каких именно, уже толком не известно, так что могут быть неприятности, – короче, поднял страшный шум. К тому же он всеми силами пытался заставить Иллеша тут же отправиться куда-то, чтобы заняться подготовкой экранизации «Покушения». Иллеш, верный нашей договоренности, все же отказался, так что наш разговор все таки состоялся в расположенном неподалеку кафе («Люкс»). В результате, как я и ожидал, я получил от него интересную схему литературных группировок в современной России на основе политической ориентации авторов[135]. После этого я сразу пошел к Райху. Вечером я снова был у Рахлиной, Ася попросила меня прийти. Я совершенно вымотался и ехал на санях. Наверху я обнаружил непременного Илюшу[136], накупившего кучу сладостей. Сам я принес не водку, как просила Ася, потому что достать ее не смог, а портвейн. В этот день, а еще больше на следующий, мы долго говорили по телефону, это было очень похоже на наши берлинские разговоры. Ася очень любит говорить важные вещи по телефону. Она говорила, что хочет жить у меня в Груневальде, и была очень недовольна, когда я сказал, что это не выйдет. От Рахлиной же я получил в этот вечер в подарок кавказскую саблю. Я оставался, пока и Илюша не ушел; я был не очень доволен, особенно потом, когда Ася устроилась рядом в кресле на двоих,

сидящие в нем оказываются спиной к спине. Но она села на кресло с ногами и накинула на себя мое шелковое парижское кашне. К сожалению, я уже поужинал дома, так что не смог съесть много сладостей, стоявших на столе.

26 января.

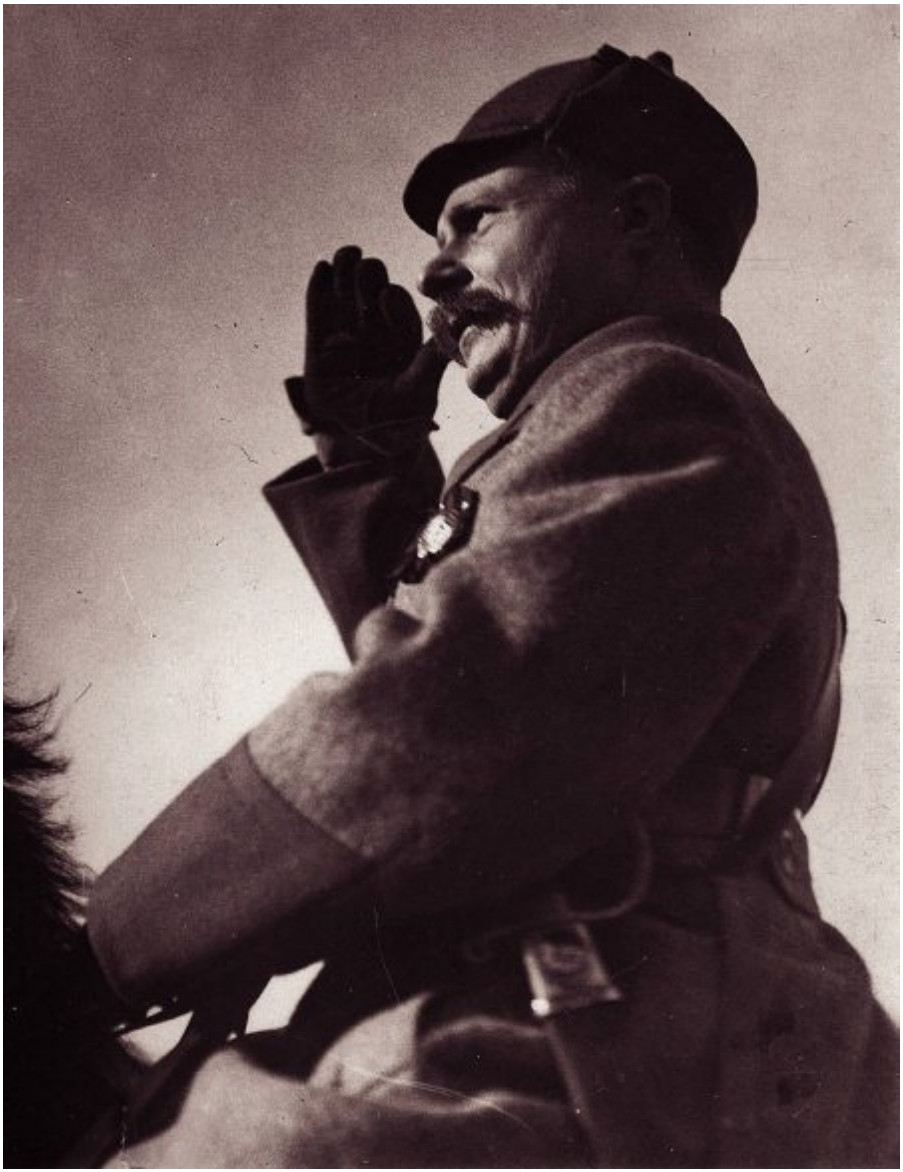
В этот день стояла прекрасная теплая погода. Москва снова стала мне много ближе. Как и в первые дни после приезда, мне хочется изучать русский язык. Из-за тепла и от того, что солнце не слепит, я могу спокойно наблюдать уличную жизнь, и каждый день для меня – двойной и даже тройной подарок: потому что он так хорош, потому что теперь Ася чаще близка мне и потому что я сам себе подарил его, продлив свое пребывание в Москве сверх запланированного срока. И я вижу много нового. Прежде всего это уличные продавцы: человек, с плеча у которого свисает связка детских пистолетов, стреляет время от времени, взяв в руку один из них, так что эхо разносится по всей морозной улице. А еще множество продавцов корзин, самого разного рода, пестрые, немного похожие на те, что продаются на Капри, большие корзины с двумя ручками, со строгим квадратным узором, с четырьмя цветными значками посреди квадратов. Видел я и человека с большой дорожной корзиной, в плетении которой выделялись окрашенные в зеленый и красный цвета ветви; но это был не торговец. – В это утро я безуспешно пытался зарегистрировать на таможне свой чемодан. Поскольку паспорта у меня с собой не было (я сдал его для получения выездной визы), чемодан приняли, но оформлять его не стали. Вообще же в первой половине дня я ничего сделать не успел, пообедал в маленьком подвальном ресторанчике и пошел после этого к Райху, Ася попросила отнести ему яблок. Асю я в этот день не видел, но два раза, после обеда и вечером, долго говорил с ней по телефону. Вечером писал ответ на статью Шмитца о «Потемкине»[137].

27 января.

Я все ношу пальто Бассехеса. – Это был важный день. С утра я еще раз был в Музее игрушки, и вполне может быть, что фотографии мне удастся получить. Я увидел вещи, хранящиеся в кабинете Бартрама. Замечательна настенная карта, длинный узкий прямоугольник, на которой в виде ряда рек, вьющихся разноцветными лентами, аллегорически представлена история. Вдоль по течению расположены даты и имена в хронологическом порядке. Карта была сделана в начале девятнадцатого века, я бы дал ей на полтора столетия больше. Рядом – очень интересная

игрушка: заключенное в стеклянный ящик рельефное изображение местности. Механизм был разбит, выломаны и часы, при бое которых приходили в движение ветряные мельницы, колодезные журавли, ставни и люди. Справа и слева висели, тоже под стеклом, похожие рельефные композиции, пожар Трои и Моисей, исторгающий воду из скалы. Но они были неподвижные. А еще детские книги, коллекция игральных карт и многое другое. Музей в этот день (вторник) был закрыт, и я попал к Бартраму через двор. Рядом я увидел невероятно красивую старую церковь. Стили колоколен отличаются здесь удивительным разнообразием. Я полагаю, что узкие, изящные, напоминающие по форме обелиск относятся к восемнадцатому веку. Эти церкви стоят во дворах, совсем как деревенские церкви среди почти не освоенного в архитектурном отношении ландшафта. Сразу после этого я пошел домой, чтобы избавиться от здоровенной картины – редкой, но поврежденной и, к сожалению, наклеенной на картон гравюры, которую Бартрам подарил мне (в его Коллекции было два экземпляра). Потом к Райху. Там встречались Ася и Маня, которые как раз пришли (мое знакомство с очаровательной Дашей, украинской еврейкой, которая в эти дни готовит Райху, состоялось лишь в следующий раз). Я угодил в напряженную атмосферу, и, чтобы она не разрядилась на меня, пришлось приложить немало усилий. Поводы были незначительны, так что не стоит и вспоминать. Так что скандал тут же разразился между Райхом и Асей, когда Ася принялась стелить ему постель, раздраженная и недовольно ворчащая. Наконец мы ушли. Ася была поглощена своими усилиями, направленными на то, чтобы получить постоянную работу, и об этом она говорила по пути. Вообще-то вместе мы прошли только до следующей остановки трамвая. Я надеялся увидеть ее вечером, но сначала она должна была позвонить и выяснить, не придется ли ей идти к Кнорину. Я уже приучил себя ожидать от таких ситуаций как можно меньше. И когда она вечером позвонила и сказала, что визит к Кнорину она отложила из-за слишком сильной усталости, но тут позвонила портниха и сообщила, что Асе надо срочно забрать платье, потому что на другой день в квартире не будет никого – портниха ложится в больницу, – то я уже расстался с надеждой увидеть ее в этот вечер. Но вышло иначе: Ася попросила встретиться с ней у дома портнихи и пообещала после этого пойти со мной куда-нибудь. Мы подумали об одном из арбатских заведений. Мы почти одновременно оказались у дома портнихи, расположенного рядом с *Театром революции.* Мне пришлось ждать ее перед домом час – и под конец я был уверен, что упустил Асю в тот момент, когда совсем ненадолго отлучился, чтобы

заглянуть во двор дома, а этих дворов оказалось не менее трех. Я уже десять минут твердил про себя, что мое ожидание лишено всякого смысла, когда она наконец все же появилась. До Арбата мы поехали.



Макс Альперт. Товарищ Фрунзе. 1925 г.

И там после короткого колебания мы направились в «Прагу». Мы поднялись по широкой изогнутой лестнице на второй этаж и попали в очень светлый зал со множеством столов, по большей части свободных. Справа поднималась эстрада, с которой с большими паузами доносилась оркестровая музыка, голос

конферансье или пение украинского хора. Мы сразу же поменяли место, Асе дуло от окна. Она стеснялась, потому что пришла в такой «шикарный» ресторан в разбитых туфлях. У портнихи она надела новое платье, сшитое из старой черной, уже побитой молью ткани. Оно ей очень шло, в общем оно было похоже на синее. Поначалу мы говорили об Астахове. Ася заказала шашлык, а я пиво. Так мы сидели друг против друга, думали о моем отъезде, говорили об этом же и смотрели друг на друга.

И тут Ася сказала мне, должно быть впервые так прямо, что одно время она очень хотела выйти за меня замуж. И если этого не случилось, то, как ей кажется, прошляпил эту возможность именно я, а не она. (Может быть, она и не сказала это резкое слово «прошляпил»;уже не помню.) Я сказал, что желание выйти за меня замуж не обошлось без ее демонов. – Да, конечно, ответила она, она думала, как невероятно смешно было бы, если бы она явилась к моим знакомым в качестве моей жены. Но теперь, после болезни, ее демоны исчезли. Она стала совершенно пассивной. Но теперь ничего у нас не выйдет. Я: но я все равно с тобой, и я приеду даже во Владивосток, если ты там окажешься. – Ты собираешься и там, у красного генерала, выступать в роли друга дома? Если он будет так же глуп, как Райх, и не вышвырнет тебя. Я ничего не имею против. А если он тебя вышвырнет, то я тоже не против. – И еще она сказала: «Я к тебе уже очень привыкла». Я же сказал под конец: «Когда я только приехал, я сказал тебе в первые дни, что готов сразу же на тебе жениться. Но я все же не знаю, решился ли бы я на это. Я думаю, я бы этого не выдержал». И тогда она сказала совершенно замечательную вещь: «Почему нет? Я верная собака. У меня такие варварские привычки, если я живу с мужчиной, – это неправильно, но я не могу иначе. Если бы ты был со мной, то ты был бы свободен от страха и печали, которые тебя часто мучают». Так мы говорили о многом. Собираюсь ли я и дальше смотреть на луну и думать об Асе. Я сказал: надеюсь, что в следующий раз будет лучше. «Что ты тогда снова сутками сможешь лежать на мне?» Я ответил, что об этом сейчас как раз не думал, а думал о том, чтобы быть рядом с ней, говорить с ней. Если буду с ней рядом, тогда снова придет и это другое желание. «Очень приятно», – сказала она. Этот разговор очень волновал меня весь следующий день, да и всю ночь. Но мое стремление уехать было все же сильнее влечения к ней, хотя, возможно, только из-за множества препятствий, с которыми оно сталкивалось. Жизнь в России для меня слишком тяжела, если я буду в партии, а если нет, то почти бесперспективна, но вряд ли легче. Ее же слишком многое связывает с Россией. Правда, есть еще ее стремление в Европу,

связанное, видимо, с тем, что ее может привлекать во мне. А жить с ней в Европе – это могло бы быть для меня, если бы удалось ее к этому склонить, самым важным, первостепенным делом. В России – не думаю. Мы проехали в санях до ее квартиры, тесно прижавшись друг к другу. Было темно.

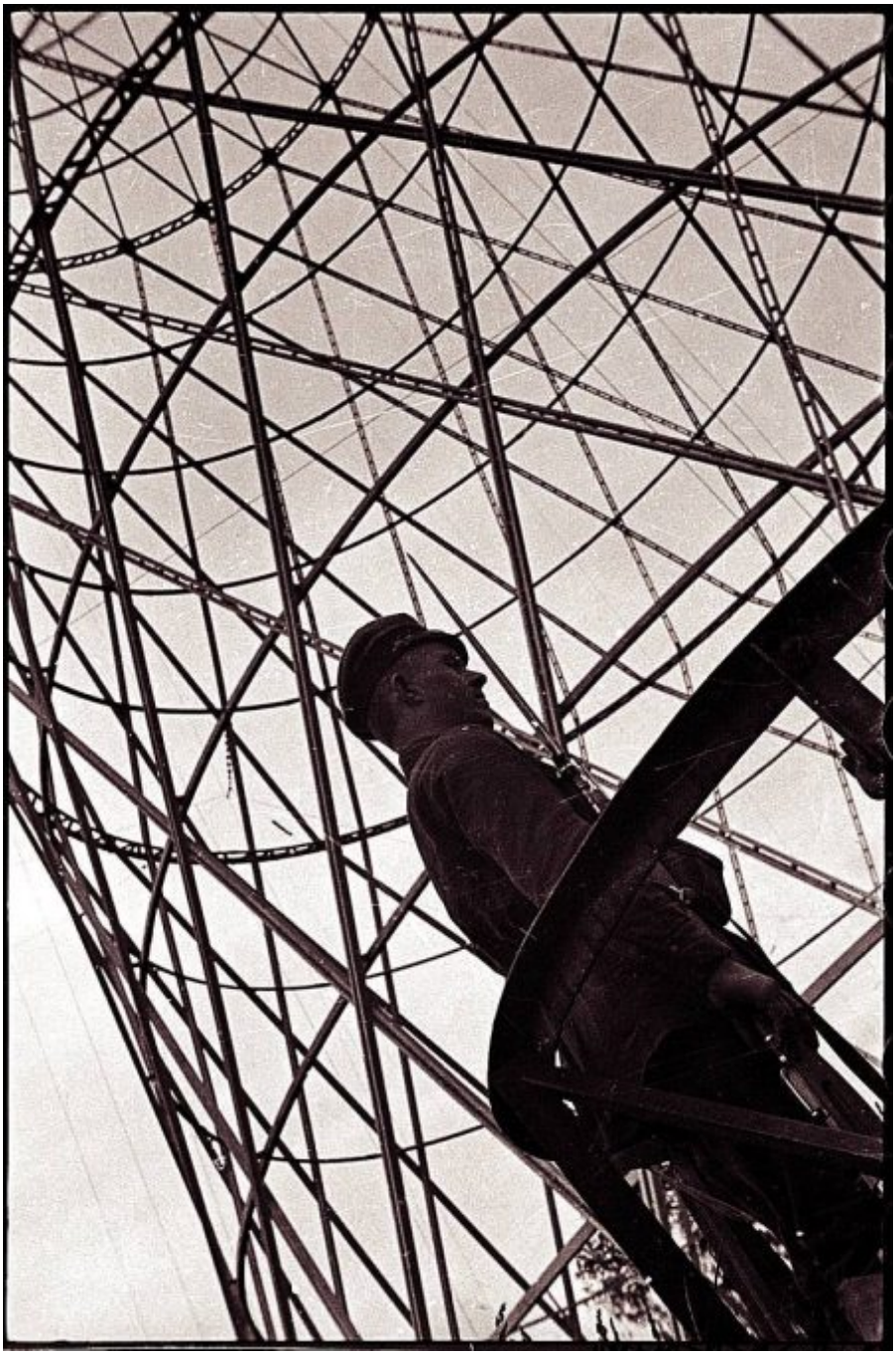
Это была единственная темнота, в которой мы оказались вдвоем в Москве – посреди улицы и на узком сиденье саней.

28 января.

Была прекрасная оттепель, я рано вышел, чтобы побывать на улицах справа от Арбата, что я уже давно собирался сделать.

И вот я пришел на площадь, где прежде находилась царская псарня[138]. Она окружена низкими домами, у некоторых из них – порталы с колоннами. Но на одной стороне между ними стоят и отвратительные высокие дома, более новые. Здесь расположен «Музей быта сороковых годов»[139] – это приземистый четырехэтажный дом, квартиры которого со вкусом обставлены в стиле домов богатых горожан того времени. Прекрасная мебель, во многом напоминающая стиль Луи Филиппа, шкатулки, подсвечники, трюмо, ширмы (одна из них очень своеобразная, из толстого стекла в деревянной оправе). Все эти помещения обустроены так, словно в них еще живут, бумаги, записки, халаты, шарфы – все это лежит на столах или висит на стульях. Но всю экспозицию я прошел очень быстро. К своему удивлению, я не обнаружил детской (потому и игрушек тоже не было), может быть, тогда не было отдельных детских комнат? Или ее не собрали? Или она находилась на последнем этаже, который был закрыт? После этого я продолжил прогулку по боковым улицам. Под конец я снова вышел на Арбат, остановился перед одним из книжных лотков и увидел книгу Виктора Тиссо «Россия и русские» 1882 года издания. Я купил ее за 25 копеек, решив, что из нее можно почерпнуть кое-какие факты и имена, которые могли бы быть полезны мне, чтобы лучше понять город, и пригодятся в работе над запланированной статьей. Я оставил эту книгу дома и потом пошел к Райху. В этот раз наша беседа шла лучше, я твердо решил не допускать никаких обострений. Мы говорили о «Метрополисе»[140] и той отрицательной реакции, которую фильм вызвал в Берлине, по крайней мере у интеллигенции. Райх пытался свалить всю вину за неудавшийся эксперимент на завышенные требования интеллигенции, которые и провоцируют подобные рискованные попытки. Я опровергал это. Аси не было – она должна была прийти только вечером. Но какое-то время там была Маня. Еще там была Даша, маленькая украинская еврейка, которая там живет и сейчас готовит Райху.

Она мне очень понравилась. Девушки говорили на идише, но я не понимал, что они говорили. Оказавшись снова дома, я позвонил Асе и попросил прийти после Райха ко мне. Она и в самом деле пришла. Она была очень усталой и сейчас же улеглась на кровать. Я сперва был очень скован, едва мог сказать слово, опасаясь, что она снова уйдет. Я достал свою картину с мышами, которую мне подарил Бартрам, и показал ей. Потом мы еще поговорили о воскресенье: я все же пообещал поехать с ней к Даге. Мы снова целовались и говорили о том, чтобы жить вместе в Берлине, пожениться, по крайней мере – как-нибудь отправиться вместе путешествовать. Ася сказала, что ей еще ни с одним городом не было так тяжело прощаться, как с Берлином, не из-за меня ли это? Мы вместе поехали к Рахлиной на санях. На Тверской даже не хватало снега, чтобы сани могли быстро ехать. Зато на боковых улицах все было отлично. Извозчик свернул по незнакомому мне пути, мы проехали мимо бань и увидели прелестный потаенный уголок Москвы. Ася рассказывала мне о русских банях; я уже знал, что это настоящие центры проституции, как это было в средневековой Германии.



Александр Родченко. Часовой у Шуховской башни. 1929 г.

Я рассказал ей о Марселе. У Рахлиной никого не было, когда мы к ней приехали почти в десять. Это был прекрасный тихий вечер. Она рассказывала разные разности об архиве. В том числе что в секретных местах переписки некоторых членов царской

фамилии была найдена невообразимая порнография. Разговор, следует ли это публиковать. Я понял истину умного замечания Райха, который зачислил Маню и Рахлину в категорию «моральных» коммунистов, которые обречены оставаться на средних постах и никогда не достигнут собственно «политических» высот. Я сидел на большом диване совсем рядом с Асей. На ужин была каша с молоком и чай. Я ушел без четверти двенадцать. Ночь тоже была замечательно теплой.

29 января.

День был почти до малейшей детали неудачным. Утром я около одиннадцати появился у Бассехеса и нашел его против ожидания уже бодрствующим, за работой. Но именно поэтому я не смог избежать ожидания в приемной. На этот раз задержка произошла из-за того, что куда-то запропастилась его почта; пока ее нашли, прошло не меньше получаса. После этого пришлось ждать, пока что-то будет отпечатано на машинке, и помимо того я получил для чтения какие-то только что написанные передовые статьи в рукописи. Короче, и без того нелегкие формальности, связанные с отъездом, оказывались при таком способе их урегулирования еще более утомительными.

В течение этого дня стало ясно, насколько неудачным был совет Гнедина провести таможенное оформление багажа в Москве.

Александр Родченко. Небо. 1935 г.

И когда я потом, переживая немыслимые трудности и подвергаясь из-за него издевательствам, думал о нем, я еще яснее, чем прежде, осознал верность одного из своих старых правил путешественника: никогда не обращать внимания на советы, данные людьми, которых об этом не просят. К этому же, конечно, следует добавить практическую рекомендацию: если уж перепоручил свои дела другому (как это сделал я), то надо строго следовать его указаниям. Но и Бассехес бросил меня в последний

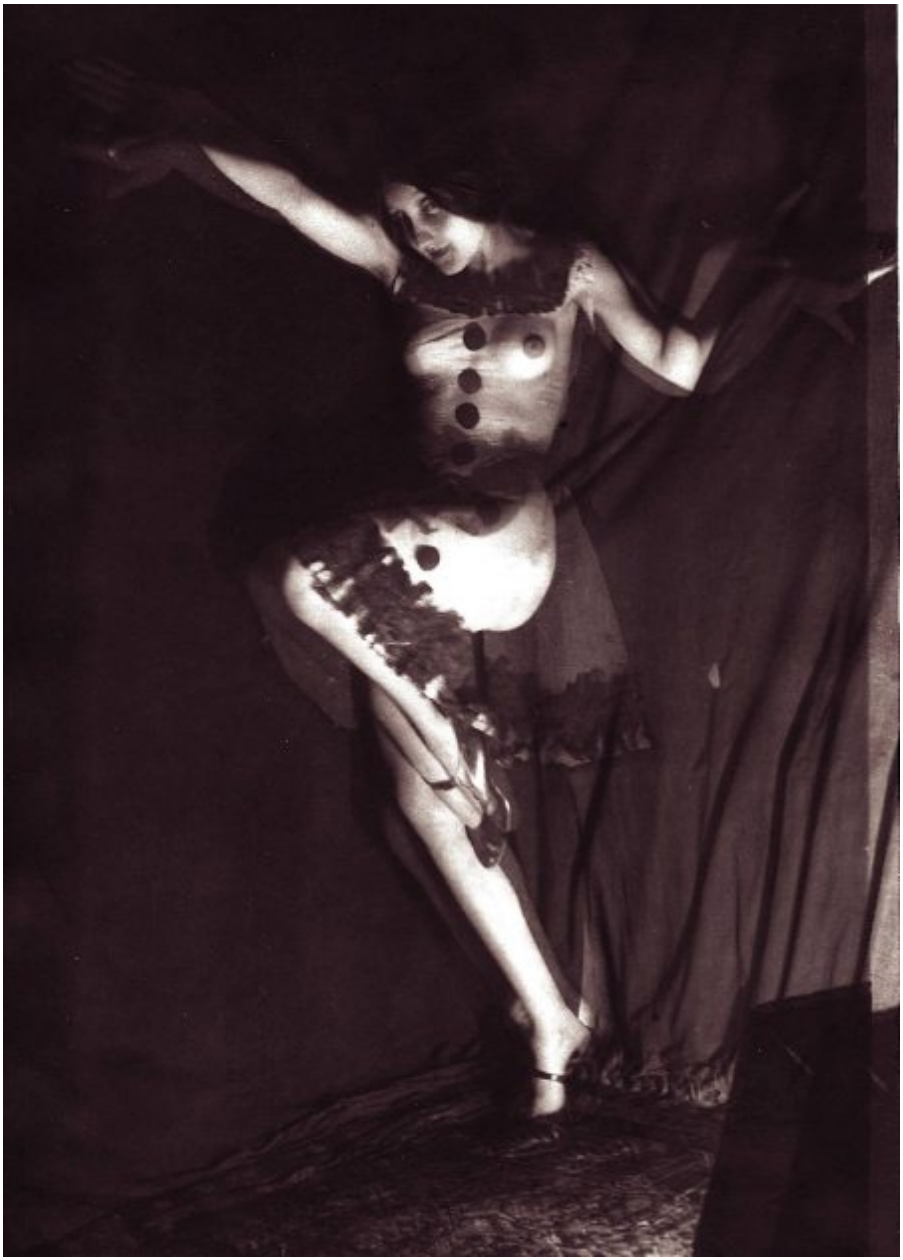
решающий день отъезда, и мне пришлось приложить неописуемые усилия, чтобы с помощью слуги, которого он отрядил мне, сдать і февраля-за несколько часов до отхода поезда – багаж. В этот день не удалось сделать почти ничего. Мы получили в милиции паспорт с выездной визой. Я слишком поздно сообразил, что сегодня суббота и таможня вряд ли работает после часа. Когда мы добрались до *Наркоминдела*, был уже третий час. Дело в том, что мы спокойненько прошлись по Петровке, потом зашли в дирекцию *Большого театра*, где благодаря Бассехесу мне пообещали билеты на балет в воскресенье, да еще были в *Госбанке.* Когда мы, наконец, около половины третьего добрались до Каланчевской площади, нам сказали, что таможенники только что ушли. Я сел вместе с Бассехесом в машину и попросил высадить меня на трамвайной остановке, чтобы ехать к Рахлиной. Мы договорились, что в половине третьего я зайду за ней, чтобы ехать на Ленинские горы. Она и Ася были дома. Известие, что я получу билеты на балет, обрадовало Асю не так сильно, как я рассчитывал. Важнее достать билеты на понедельник, когда в *Большом театре* будет «Ревизор». Безрезультатная суета этого дня так утомила и разозлила меня, что я ничего не мог ответить. Рахлина же пригласила меня пообедать у нее после прогулки. Я согласился и удостоверился, что Ася тоже будет. Наш поход проходил следующим образом: в самом начале, у дома, мы упустили трамвай, ушедший у нас из-под носа. Мы пошли дальше, в сторону площади Революции – наверное, Рахлина решила ждать трамвая там, потому что на этой остановке больше линий. Не знаю. Идти было не далеко, и меня утомила не ходьба, а ее беседа, полная непонимания и недоразумений, и утомила так, что я от полного бессилия сказал «да», когда она предложила вскочить на проезжающий мимо трамвай. Моя ошибка была уже в том, что я обратил ее внимание на трамвай, который она наверняка не заметила бы. Когда она уже была наверху, трамвай ускорил ход, и я, хотя и пробежал еще несколько шагов рядом, прыгать не стал. Она крикнула мне: «Я жду вас там», и я поплелся к остановке, которая была посреди Красной площади. Она же, видимо, посчитала, что я буду там раньше, потому что, когда я дошел, ее уже не было. Как выяснилось потом, она искала меня поблизости. Я же все это время ждал и не мог понять, куда она подевалась. Тогда я истолковал ее выкрик так: она будет ждать меня на конечной остановке – и сел на следующий трамвай нужного номера и проехал примерно полчаса по расположенной на другом берегу Москвы части города до конечной. Может быть, я, в сущности, и был настроен на такую поездку в одиночестве. Действительно,

куда бы я ни направился, совместный поход с ней был бы для меня, скорее всего, гораздо менее приятен. Я был слишком усталым. Я был очень счастлив во время этой вынужденной и почти бесцельной поездки по совершенно незнакомой части города. Только теперь я смог оценить, насколько некоторые части пригорода были похожи на портовые улицы Неаполя. Я видел и большую московскую радиобашню, отличающуюся от всех башен такого рода, которые мне приходилось видеть. Справа от шоссе, по которому шел трамвай, попадались дворянские дома, слева были редкие сараи и домишки, чаще же – чистое поле. Деревенская сущность Москвы неожиданно открывается в пригородных улицах со всей откровенностью, ясно и безусловно. Возможно, нет другого такого города, в котором огромные площади оказываются по-деревенски бесформенными и словно размытыми после непогоды растаявшим снегом или дождем. На такой площади, уже не городской, но и едва ли деревенской, перед каким-то трактиром, заканчивался маршрут трамвая; Рахлиной там, конечно, не было. Я тут же поехал обратно, и у меня едва хватило сил добраться до дома, ее приглашению на обед я не последовал. Я ограничился тем, что перекусил государственными вафлями. Едва я оказался дома, как позвонила Рахлина. Я был в раздражении и вел себя очень сдержанно, однако был вдвойне приятно удивлен ее любезными, примирительными словами. Прежде всего мне стало ясно, что она не будет представлять происшедшее Асе в слишком смешном виде. Но сразу идти к ней я все же отказался, я слишком устал. Мы договорились, что я приду в семь. Я был приятно удивлен тем, что я был с ней и Асей один. Не помню уже, о чем шла речь. Запомнил только, что, когда я выходил вслед за Рахлиной, Ася послала мне воздушный поцелуй. После этого безуспешная попытка поесть чего-нибудь горячего в ресторане у Арбата. Я хотел заказать суп, а мне принесли два ломтика сыра.

30 января.

Я дописываю кое-что о Москве из того, что стало ясно для меня лишь в Берлине (где я с 5 февраля завершаю эти записи, от *29* января и дальше). Для приезжающего из Москвы Берлин – мертвый город. Люди на улице кажутся безнадежно обособленными, от одного до другого очень далеко, и каждый из них одинок на своем участке улицы. И еще: когда я ехал от вокзала Цоо в Груневальд, то местность, по которой я ехал, показалась мне похожей на подметенный и натертый паркет, излишне чистой, излишне комфортабельной. Новый взгляд на город, как и новый взгляд на людей, напоминают обретение

нового духовного состояния: все это несомненный результат поездки в Россию. Пусть знакомство с Россией было совсем поверхностным – все равно после этого начинаешь наблюдать и оценивать Европу с сознанием того, что происходит в России. Это первое приобретение стремящегося к пониманию европейца в России. С другой стороны, поэтому и пребывание в России – такой верный пробный камень для иностранных визитеров. Каждый оказывается вынужден занять определенную позицию и точно ее обозначить. Вообще он тем больше будет склонен к скороспелым теориям, чем больше он будет отстранен и замкнут на своем личном, чем дальше он будет от российской жизни. Кто проникнет в российскую ситуацию глубже, тут же потеряет склонность к абстракциям, которые даются европейцу без особого труда. – В последние дни в Москве мне показалось, что монгольские продавцы разноцветных бумажных изделий снова стали попадаться на улицах чаще. Я видел человека, – правда, это был не монгол, а русский, – который вместе с корзинами продавал маленькие клетки из блестящей бумаги, в них сидели бумажные птички. Встретил я и настоящего попугая, белого ара: на Мясницкой он сидел на корзине, в которой женщина держала белье, приготовленное на продажу. – Где-то я видел в продаже детские качели. В Москве практически нет колокольного звона, накрывающего большие города такой неодолимой тоской. Это еще одно обстоятельство, которое понимаешь и начинаешь любить только по возвращении домой. – Когда я приехал на Ярославский вокзал, Ася была уже там. Я опоздал, потому что прождал трамвай четверть часа, а автобусов в воскресенье утром не было. Завтракать было уже некогда. День, по крайней мере его первая половина, прошел под знаком угнетенного состояния. Только на обратном пути из санатория я смог по-настоящему насладиться великолепной поездкой на санях.



Алексей Сидоров (?). Без названия (Танцевальный этюд для выставки «Искусство движения»). 1926–1927 гг.

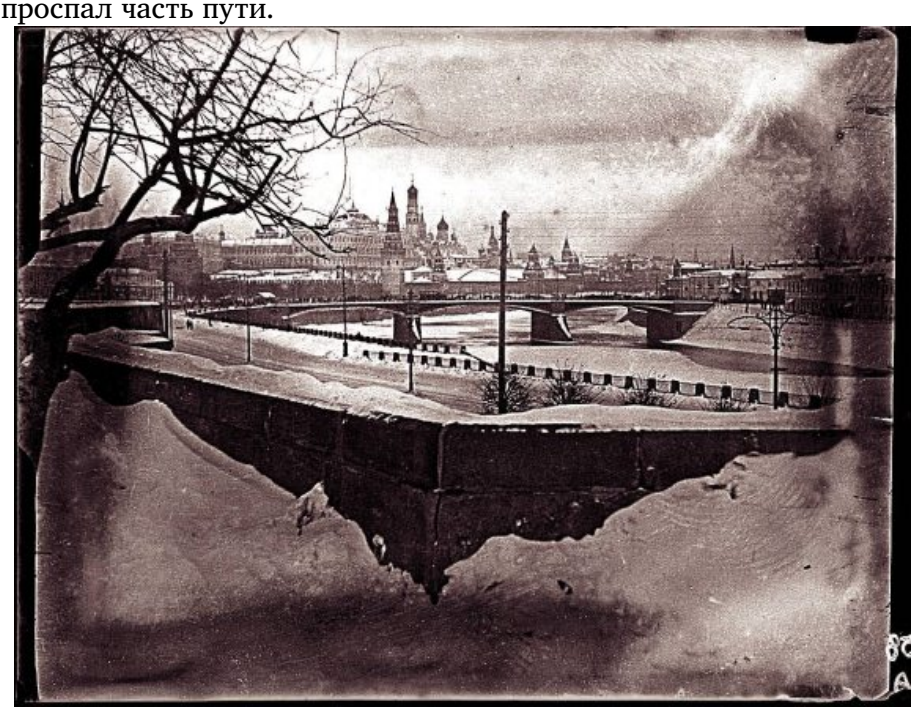
Погода была совсем мягкой, солнце было сзади, и когда я положил Асе руку на спину, чувствовалось, что оно греет. Наш *извозчик был* сыном человека, который всегда возил Райха. В этот раз я узнал, что восхитительные маленькие домики, мимо которых мы проехали вначале, – не дачи, а дома зажиточных крестьян. Пока мы ехали, Ася была совершенно счастлива, тем

более горьким был удар, который ждал ее в санатории. Даги не было на улице среди детей, игравших под теплым солнцем в тающем снегу. За ней пошли в здание. С заплаканным лицом, в рваных туфлях и чулках, почти босая спустилась она по каменной лестнице в вестибюль. Выяснилось, что посылка с чулками до нее не дошла и что за последние две недели ею вообще почти никто не занимался. Ася была так взволнована, что не могла произнести ни слова, не могла даже сделать выговор врачу, как собиралась. Почти все время она просидела с Дагой на деревянной скамейке в вестибюле и в отчаянии зашивала чулки и туфли. Но и в этом она потом себя упрекала: что она попыталась починить обувь. Это были совершенно разодранные домашние туфли, тепла от которых все равно не было. И она боялась, что ее снова в них обуют, вместо того чтобы дать ей ботинки или *валенки.* Мы хотели проехать с Дагой в наших санях минут пять; но это было невозможно. Мы уже давно остались единственными посетителями, а Ася все сидела и зашивала, и тут Дагу позвали есть. Мы пошли; Ася была в безутешном состоянии. Из-за того, что мы приехали на вокзал через несколько минут после того, как ушел поезд, нам пришлось прождать почти час. Сначала мы долго препирались: где сядем? Ася настаивала на месте, которое меня никак не устраивало. Когда она все же уступила, я остался непреклонным и настаивал на выбранном сначала месте. Мы заказали яйца, ветчину и чай. На обратном пути я говорил о сюжете, на который меня натолкнула пьеса Иллеша: поставить пьесу о транспорте (скажем, продовольствие для пленных) в период революции. С вокзала мы на санях поехали к Райху, который уже переехал на новую квартиру. На следующий день туда въехала и Ася. Мы долго оставались там и ждали еды. Райх снова спрашивал меня по поводу моей статьи о гуманизме, и я объяснил ему, как важно, по моему мнению, учитывать, что с победой буржуазии и с потерей литератором своего места в обществе совпадает раздвоение до того объединенных (по крайней мере, в образе ученого) фигур литератора и ученого. Не следует забывать, что в период назревающей революции наиболее влиятельные литераторы были в равной степени и учеными, и поэтами. Не исключено даже, что ученые имели преимущество. У меня начались боли в спине, которые досаждали мне в последние московские дни. Наконец была готова еда, принесенная соседкой. Еда была очень хороша. После этого мы, Ася и я, ушли, каждый к себе домой, чтобы вечером встретиться на балете. Прошли мимо пьяного, лежавшего на улице и курившего. Я посадил Асю в трамвай, а сам поехал в гостиницу. Здесь меня ждали билеты в театр. В этот вечер играли «Петрушку»

Стравинского, «Сильфиды» – балет малоизвестного композитора[141] – и «Испанское каприччо» Римского-Корсакова. Я пришел рано и, ожидая Асю в вестибюле, думал: это последний вечер в Москве, когда мы сможем поговорить вдвоем, и у меня было только одно желание – сесть с ней в театре как можно раньше и долго ждать, пока поднимется занавес. Ася пришла поздно, но мы все же успели занять наши места вовремя. За нами сидели немцы; в нашем ряду сидела японская пара с двумя дочерьми, их блестящие черные волосы были убраны на японский манер. Мы сидели в седьмом ряду. Во втором балете танцевала знаменитая, сейчас уже старая, балерина Гельцер, с которой Ася была знакома по Орлу. «Сильфиды» – во многих отношениях беспомощная постановка, но она дает прекрасное представление о том, каким был этот театр раньше. Возможно, это пьеса еще времен Николая I. Удовольствие, которое она может доставить, очень похоже на удовольствие от парадов. Под конец превосходно поставленный, стремительно развертывающийся балет Римского-Корсакова. Было два антракта. В первом я отошел от Аси и попытался достать перед театром программку. Когда я вернулся, то увидел, что она стоит у стены и разговаривает с каким-то мужчиной. Я с ужасом отметил про себя, с каким нахальством я на него уставился, когда узнал от Аси, что это Кнорин. Он всегда тыкает ей – против ее воли, – и ей не остается ничего другого, как отвечать ему тем же. На его вопрос, одна ли она в театре, она ответила: «Нет», пояснив, что она с од ним журналистом из Берлина. Она уже говорила ему обо мне раньше. Ася была в этот вечер в новом платье, из материи, которую подарил ей я. На плечи она накинула желтую шаль, которую я привез ей из Рима в Ригу. Поскольку лицо ее отчасти по природе, отчасти от болезни и возбуждения этого дня было желтоватым, без какого-либо признака румянца, то вся она была сочетанием трех близких цветовых оттенков. После театра я успел только договориться с ней на следующий вечер. Поскольку весь день меня не будет, если экскурсия в Троицу действительно состоится, остается только вечер. Она же не хотела выходить из дому, потому что через день она собиралась совсем рано снова ехать к Даге. Так что речь шла о том, что я должен прийти вечером, и даже об этом удалось условиться с трудом. Посреди разговора Ася хотела было вскочить на подножку трамвая – но передумала. Мы стояли среди суеты и движения большой Театральной площади. Раздражение и любовь к ней мгновенно сменяли во мне друг друга; наконец мы распрощались, она – стоя на площадке трамвая, я – на тротуаре, колеблясь, не вскочить ли за ней, к ней.

31 января.

Мой отъезд уже окончательно определен, это 1-е число, на которое я 30-го заказал место. Но надо было все-таки оформить в таможне мой багаж. Как и условились, я был без четверти восемь у Бассехеса, чтобы быть в таможне пораньше и не пропустить поезд, который отходил в десять. В действительности поезд отходил только в половине одиннадцатого. Но мы узнали об этом слишком поздно, чтобы как-то использовать эти полчаса. Но именно благодаря этому лишнему получасу наша поездка в Троицу[142] вообще состоялась. Потому что, если бы поезд действительно отходил в 10 часов, мы бы на него не успели. Формальности на таможне мучительно затягивались, и мы в этот день их вообще не успели уладить. Конечно, мне снова пришлось заплатить за машину. Все усилия были напрасны, потому что на игрушки просто не обратили внимания, то же самое наверняка было бы и на границе. С нами был слуга, чтобы получить в таможне мой паспорт и тут же ехать в польское консульство за визой. Так что мы не только успели на поезд, но и прождали в вагоне двадцать минут, пока поезд тронется. Я же подумал, не без досады, что за это время мы могли бы закончить дела в таможне. Но поскольку Бассехес был уже достаточно раздражен, я вида не показывал. Поездка была скучной. Я не взял ничего почитать и проспал часть пути.



Александр Родченко. Вид на Кремль и Большой Каменный мост. Конец 1926-х гг.

Мы ехали два часа. Я еще не говорил о своем намерении купить здесь игрушек. Я боялся, что его терпение лопнет. Так получилось, что мы сразу же оказались у склада игрушек. Тут уж я решился сказать ему о своем желании. Но уговорить его сразу же зайти на склад я не смог. Перед нами на небольшой возвышенности находился большой, похожий на крепость комплекс монастырских зданий. В своей замкнутости укрепленного города он походил на Ассизи; но мне, как ни странно, сперва вспомнился Дахау, там холм с церковью так же поднимается над городом, венчая его, как и здесь длинные строения с большой церковью посередине. В этот день город был почти как вымерший: многочисленные ларьки и будки портных, часовщиков, булочников, сапожников, расположенные у подножия монастырского холма, были все закрыты. И здесь стояла прекраснейшая, теплая зимняя погода; солнце, правда, не показывалось.

Вид склада игрушек так подогрел мое желание приобрести здесь новые игрушки, что я с нетерпением ожидал конца осмотра монастырских сокровищ; я выделывал аллюры на манер тех туристов, которых сам терпеть не могу. Тем любезнее был наш гид, администратор музея, в который был превращен монастырь. У моей торопливости были и другие причины. В большинстве залов, где в стеклянных витринах (перед нами шел служитель, снимавший с витрин занавески) хранились бесценные ткани, серебряные и золотые изделия, рукописи, церковная утварь, стоял леденящий холод, и я, должно быть, подхватил во время этого часового обхода музея ту тяжелую простуду, которая свалила меня по приезде в Берлин. Вообще же необозримое множество ценностей, истинная художественная значимость которых к тому же ясна только истинным знатокам, как-то притупляет восприятие, оно даже прямо-таки провоцирует посетителя на некую жестокость в отношении к ним. К тому же Бассехес был одержим стремлением «полностью» осмотреть все фонды и попросил даже спуститься в гробницу, где под стеклом хранились останки святого Сергия, основателя монастыря. Я не в состоянии даже приблизительно перечислить все, что нам было показано. Прислоненная к стене стояла знаменитая картина Рублева, ставшая символом этого монастыря. Потом мы увидели в самом соборе пустое место в иконостасе, где она прежде висела и откуда ее сняли, чтобы провести консервацию. Фрескам собора угрожает серьезная опасность.

Из-за того, что центрального отопления в соборе нет, весной стены резко согреваются, в стенах возникают трещины, через

которые проникает влага. В одном из стенных шкафов я видел огромный золотой оклад, сделанный на икону Рублева, он весь украшен драгоценными камнями. Он закрывает все тело ангелов, открывая только обнаженные места: лицо и кисти рук.

Все остальное покрывает массивная золотая пластина, и шея и руки, когда оклад накрывает икону, оказываются словно в массивных цепях, так что ангелы несколько напоминают китайских преступников, осужденных за свои злодеяния на пребывание в металлических колодках. Экскурсия закончилась в комнате нашего гида. Старик был женат, он показал нам написанные маслом портреты жены и дочери, висящие на стене. Теперь он живет в этом просторном, светлом монастырском покое один, не совсем отрезанный от мира, потому что монастырь посещает много иностранцев. На маленьком столике лежала только что распечатанная посылка с научными книгами из Англии. И здесь мы записались в книге посетителей. Этот обычай, похоже, сохранился в России прежде всего у буржуазии, если можно сделать такой вывод из того, что подобный альбом с просьбой записаться в него мне предложили и у Шика. – Но, пожалуй, великолепнее всего, что было внутри монастыря, архитектура самого монастыря. Прежде чем вступить на окруженную крепостными стенами территорию, мы задержались у ворот. Справа и слева от них на двух латунных табличках можно было прочитать основные даты истории монастыря. Красивее и строже, чем расположенная посреди двора желто-розовая церковь в стиле рококо – она окружена более старыми зданиями поменьше, среди них мавзолей Бориса Годунова, – красивее и строже длинные жилые и хозяйственные постройки, образующие прямоугольное обрамление огромной площади. Красивее же всего большая разноцветная трапезная. Окна выходят то на площадь, то на ходы-колодцы между стенами, лабиринт каменных преград, похожих на крепость.

Был здесь когда-то и подземный ход, который во время осады два монаха взорвали вместе с собой, чтобы спасти монастырь. Мы поели в *столовой*, находившейся наискосок от входа в монастырь. *Закуска*, водка, суп и мясо. Несколько больших залов были заполнены людьми. Там были настоящие русские типажи – люди из деревни или маленького города – Сергеево недавно было объявлено городом. Пока мы ели, пришел бродячий торговец, предлагавший проволочную конструкцию, которую можно было превратить то в абажур, то в тарелку, то в вазу для фруктов. Бассехес полагал, что это хорватская работа. У меня самого при взгляде на эти не слишком элегантные упражнения пробудились очень старые воспоминания. Кажется, мой отец, когда я был

совсем маленьким, привез с летнего отдыха (во Фройденштадте?) нечто подобное. Во время еды Бассехес выяснил у официанта адреса торговцев игрушками, и мы отправились в путь. Но не прошли мы и десяти минут, как короткое разъяснение, полученное Бассехесом по дороге, заставило нас повернуть и сесть в сани, которые как раз проезжали рядом. Ходьба после еды утомила меня, так что у меня даже не было сил спросить, почему мы повернули. Похоже было, что мое желание могло быть с большей вероятностью исполнено именно в складах у железной дороги. Они были расположены рядом друг с другом. В первом были деревянные игрушки.

Когда мы вошли, зажгли свет, уже темнело. Как я и ожидал, на складе деревянных игрушек не было почти ничего для меня нового. Я купил несколько вещей не столько по собственному желанию, сколько по настоянию Бассехеса, однако теперь я рад, что сделал это. И здесь мы потеряли время, пришлось долго ждать, пока сбегают и разменяют где-то поблизости червонец.

Я же горел от нетерпения увидеть склад игрушек из папье-маше; я боялся, что его уже закрыли. Но этого не случилось. Зато, когда мы зашли туда, в помещении было совсем темно, а света на этом складе не было. Мы были вынуждены наудачу шарить по полкам. Время от времени я зажигал спичку. Мне удалось обнаружить кое-что замечательное, чего мы скорее всего не получили бы, потому что объяснить этому человеку, что я ищу, было, конечно же, невозможно. Когда мы наконец уселись в сани, у каждого из нас было по два больших свертка – у Бассехеса еще и куча брошюр, которые он купил в монастыре, чтобы обеспечить себя материалом для статьи. Долгое ожидание в плохо освещенном вокзальном ресторане мы скрасили чаем и *закуской.* Я устал, к тому же начал чувствовать недомогание. К этому прибавлялся страх при мысли о множестве дел, которые еще ждали меня в Москве. Обратная дорога была живописной.

Неизвестный фотограф. Без названия. Ретушированный фотоснимок для журнала «СССР на стройке». Начало 1930-х гг.

В вагоне горел фонарь, из которого в дороге украли стеариновую свечу; недалеко от наших мест стояла железная печка, под сиденьями лежали где попало поленья. Время от времени кто-нибудь из железнодорожников подходил к одному из сидений, поднимал его и вынимал из открываемого таким образом сундука дрова. Было восемь часов, когда мы доехали до Москвы. Это был мой последний вечер, Бассехес взял машину. У моей гостиницы я попросил остановиться, чтобы оставить купленные игрушки и быстро взять рукописи, которые через час надо было отнести Райху. У Бассехеса длинная инструкция его слуги, за которым я пообещал зайти в половине двенадцатого. После этого я сел на трамвай, удачно угадал остановку, на которой надо выходить, чтобы попасть к Райху, и был у него даже раньше, чем рассчитывал. Я бы с удовольствием поехал на санях, но это было невозможно: я не знал названия улицы, на которой жил Райх, не мог найти на карте и названия расположенной поблизости площади. Ася былауже в постели. Она сказала, что долго меня ждала, а теперь уже и не надеялась, что я приду. Она бы сразу вышла со мной, чтобы показать притон, в который она случайно попала. Неподалеку были и бани. Все это она обнаружила, когда попробовала пройти дворами и переулками. Райх тоже был в комнате, у него постепенно отрастала борода. Я был совершенно вымотан, до такой степени, что на привычные

робкие вопросы Аси (о ее губке и т. д.) ответил, сославшись на большую усталость, довольно грубо. Но все очень быстро уладилось.

Я рассказал, наколько это было возможно за такое короткое время, о своей поездке. Потом пошли поручения в Берлине: звонки самым различным знакомым. Потом Райх вышел, оставив нас с Асей на какое-то время одних, чтобы послушать по радио трансляцию спектакля «Ревизор» с Чеховым в Большом театре[143]. На следующее утро Ася должна была ехать к Даге, и мне не приходилось рассчитывать, что я увижу ее до отъезда еще раз. Когда вошел Райх, Ася вышла в соседнюю комнату, чтобы послушать радио. Я не стал задерживаться. Но прежде чем уйти, я показал открытки, купленные мной в монастыре на память.

1 февраля.

Утром я еще раз сходил в мою обычную кондитерскую, заказал кофе и съел паштет. Потом в Музей игрушки. Не все из заказанных мной фотографий были сделаны. Я не слишком горевал об этом, поскольку я тем самым как раз в тот момент, когда деньги были мне очень нужны, получил 10 червонцев. (Дело в том, что фотографии я оплатил заранее.) В Музее игрушки я пробыл недолго, а поскорее поехал в институт Каменевой, чтобы попрощаться с доктором Нимен. Оттуда на санях к Бассехесу. Оттуда со слугой в железнодорожную кассу и дальше на машине в таможню. Что там снова предстояло сделать, описанию не поддается. У кассы, где пересчитывали тысячи, пришлось прождать двадцать минут. Во всем учреждении никто не мог разменять пять рублей. Было необходимо, чтобы этот чемодан, в котором были не только замечательные игрушки, но и все мои рукописи, попал на поезд, на котором я ехал сам. Поскольку багаж шел только до границы, мое присутствие в тот момент, когда он достигнет границы, было обязательным. В конце концов все удалось. Но я снова убедился в том, насколько люди еще пропитаны холопством. Как беззащитен был этот слуга против всех издевательств и равнодушия таможенников. Я облегченно вздохнул, когда отпустил его, дав червонец. Нервозность снова пробудила у меня боли в спине. Я был рад, что у меня есть еще несколько спокойных часов. Я неторопясь прошелся вдоль ряда красивых ларьков на площади, снова купил красный кисет с крымским табаком и заказал после этого в ресторане Ярославского вокзала обед. У меня еще оставались деньги, чтобы послать телеграмму Доре и купить Асе домино. Подсобравшись, я проделал эти последние походы по городу; и они доставили мне удовольствие, поскольку я мог позволить

себе большую беспечность, чем это было обычно в Москве. Без малого в три я снова был в гостинице. Швейцар сказал мне, что ко мне приходила дама. Она сказала, что придет еще. Я пошел в свою комнату, а потом сразу же в контору, чтобы заплатить. Лишь вернувшись, я заметил на письменном столе записку от Аси. Там было написано, что она долго ждала, ничего еще сегодня не ела и пошла в *столовую* рядом. Она ждет меня там. Я поспешил на улицу и увидел, что она идет мне навстречу. Она съела только кусок мяса, была все еще голодна, и прежде чем идти с ней в комнату, я еще раз выскочил на площадь, купил ей мандаринов и сладостей. Второпях я взял с собой ключ от комнаты; Ася сидела в вестибюле. Я спросил: «Почему ты не пошла в комнату? Ведь ключ в двери!» И меня поразила редкая дружелюбность ее улыбки, когда она ответила: «Нет».

В этот раз Дага была в хорошем состоянии, у Аси состоялся очень резкий и успешный разговор с врачом. И вот она лежала в моей комнате на кровати, усталая, но в хорошем настроении. Я сидел то около нее, то у стола, где я надписывал для нее конверты с моим адресом, то подходил к чемодану, доставал и показывал ей игрушки, приобретения прошедшего дня. Они ее очень порадовали. Но тем временем – не без влияния огромной усталости – слезы все ближе подступали к моим глазам. Мы еще говорили о чем-то. О том, что писать ей и что нет. Я попросил ее сделать для меня кисет. Писать. И когда оставалось лишь несколько минут, мой голос начал дрожать, и Ася увидела, что я плачу. Тогда она сказала: «Не плачь, а то я тоже заплачу, а если я заплачу, то перестану не так скоро, как ты». Мы крепко обнялись. Потом мы пошли наверх, в контору, где делать было нечего (но ждать *заведующего* мы не хотели), появилась горничная – я пробрался, не дав чаевых, с чемоданом к выходу, а Ася с пальто Райха под мышкой – за мной. Я тут же попросил ее позвать сани. Но когда я собирался садиться и еще раз попрощался, я попросил ее проехать со мной до угла Тверской. Там она вышла, я рывком, когда сани уже пошли, еще раз прижал посреди улицы ее руку к губам. Она еще долго стояла и махала. Я махал ей в ответ. Сначала мне показалось, что она повернулась и пошла, потом я потерял ее из виду. С большим чемоданом на коленях я плача ехал по сумеречным улицам к вокзалу.

Примечания

Ссылки на немецкие тексты В. Беньямина даются по изданию: Benjamin W. Gesammelte Schriften. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1972–1989 (сокращенное обозначение GS с указанием тома и страницы). Ссылки на русские тексты В. Беньямина даются по изданию: Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избр. эссе. М.: Медиум, 1996 (сокращенное обозначение БИЭ с указанием страницы).

1 Первоначальное заглавие московского дневника Беньямин замазал чернилами и приписал новое: «Испанское путешествие». Причины, побудившие его изменить заглавие рукописи, как и время, когда это было сделано, до сих пор не выяснены. Материалы дневника в переработанном виде вошли в ряд публикаций, подготовленных им в Москве и по возвращении в Берлин. Основным литературным результатом поездки был очерк «Москва» (см. БИЭ, с. 163–209). Несколько небольших статей публикуются в приложении.

2 Бернхард (Бернгард Фердинандо-вич) Райх (Reich, 1894–1972) – театральный режиссер и театровед. Свою театральную деятельность начал в Вене накануне Первой мировой войны, продолжив ее затем в Берлине с М. Рейнхардтом и в Мюнхене с Б. Брехтом. Испытал сильное влияние театрального авангарда (в том числе и русского) и марксизма. С 1925 г. жил в Советском Союзе, где занимался главным образом театроведческой деятельностью и критикой. В 1941–1949 гг. в заключении. Автор монографии «Брехт» (М., 1960). Опубликовал книгу воспоминаний (русск. изд.: Вена – Берлин – Москва – Берлин. – М., 1972). С начала 20-х гг. в тесных отношениях с А. Лацис (сыгравшей существенную роль в его увлечении левыми идеями), которая позднее становится его женой.

3 Ася (Анна Эрнестовна) Лацис (1891–1979) – актриса и театральный режиссер. Закончила гимназию в Риге, училась сначала в Петербурге в Психоневрологическом институте Бехтерева, а в 1915–1916 гг. – в Москве в студии Ф. Комиссаржевского.

В 1918–1919 гг. руководила в Орле Театром эстетического воспитания. В 1920–1922 гг. возглавляла театральную студию при Рабочем университете в Риге. В 1922 г. уезжает в Германию и работает в Берлине с М. Рейнхардтом, где знакомится с Б.

Райхом. Вместе с ним переезжает в Мюнхен, где работает в 1923–1924 гг. ассистентом у Б. Брехта.

В 1925 г. возвратилась в Ригу, чтобы руководить театром при Клубе левых профсоюзов. Из-за преследований латышских властей была вынуждена весной 1926 г. покинуть Латвию и переехать в Москву. Работала в отделе народного образования, руководила первым детским кинотеатром в Москве. В 1928–1930 гг. была референтом по вопросам культуры в торгпредстве СССР в Берлине (в это время В. Беньямин пишет для нее «Программу пролетарского детского театра», см. GS II.2,763-769).

В 1930 г. вернулась в СССР, где работала режиссером латышских театров. В 1938–1948 гг. в заключении, а затем в ссылке. В 1948 г. возвратилась в Латвию, где руководила театром в Валмиере, а затем, после реабилитации, переехала в Ригу. Автор ряда работ о театре, в том числе немецком (Революционный театр Германии. М., 1935). Опубликовала в Германии книгу воспоминаний «Революционер по профессии» (Lacis A. Revolutionär im Beruf. München, 1971), которая была сочувственно принята левой интеллигенцией. Русский вариант воспоминаний появился позднее (Алая гвоздика. Рига, 1984). В. Беньямин познакомился с А. Лацис в 1924 г. на Капри. Их – судя по всему, достаточно сложные – отношения продолжались до 1930 г.; после возвращения Лацис в СССР они практически оборвались, хотя в 30-х гг. она послала Беньямину несколько писем, в которых призывала его приехать в Советский Союз.

4 В. Беньямин жил в Москве в государственной гостинице 3-го разряда «Тироль» на Садовой-Триумфальной, д. 7 (дом не сохранился).

5 После тяжелого нервного расстройства А. Лацис находилась на лечении в санатории проф. Рота в Благовещенском пер., д. 6 (дом не сохранился).

6 В 1925 г. В. Беньямин приезжал в Ригу, чтобы встретиться с А. Лацис.

Поездка эта была, по-видимому, во всех отношениях неудачной.

7 Театр им. Мейерхольда находился на Большой Садовой, д. 20 (здание не сохранилось).

8 Институтом Каменевой (или просто институтом) Беньямин называет ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с

заграницей, которое находилось в то время на М. Никитской, д. 6, в бывшем особняке Рябушинского, позднее – дом А.М. Горького, сейчас – его музей), которым руководила О.Д. Каменева (1883–1941), сестра Л.Д. Троцкого.

9 Явная ошибка. Беньямин, скорее всего, имел в виду храм Христа Спасителя.

10 Домом Герцена (особняк на Тверском бульваре, д. 25, в настоящее время – Литературный институт) назывался центр писательских организаций, в том числе упомянутой Беньямином ВАПП (Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей; основная часть писателей, с которыми имел дело Райх, входили при этом в РАПП – Российскую ассоциацию пролетарских писателей).

11 Петр Семенович Коган (1872–1932) – историк литературы, критик, один из основоположников официального советского литературоведения. Президент Государственной академии художественных наук (основана в 1921 г.).

12 Речь идет о постановке «Дней Турбиных» М.А. Булгакова во МХАТе.

13 «Повесть непогашенной луны» Б.А. Пильняка была опубликована в конце 1926 г. в журнале «Новый мир».

14 Театральный художник Виктор Алексеевич Шестаков (1898–1957), начинавший свою театральную деятельность, как и А. Лацис, в Орле.

В 1922–1927 гг. он был художником Театра революции, затем – Театра им. Мейерхольда. В середине 20-х гг. входил, так же как и Райх и Лацис, в театральную секцию РАППа.

15 Жена В.Э. Мейерхольда, Зинаида Николаевна Райх (1894–1939), была ведущей актрисой его театра.

16 Позиция Троцкого изложена в его книге «Литература и революция» (М., 1924).

17 Григорий Лелевич (псевдоним, наст, имя Лабори Гилелевич Калмансон; 1901–1945) – наиболее видный представитель «левой» литературной группы напостовцев в составе ВАПП-РАПП, редактор журнала «На посту». Начинал революционными стихами, затем перешел к программным и

теоретическим сочинениям: «О принципах марксистской литературной критики» (1925), «Творческие пути пролетарской литературы» (1925), «Марксистское литературоведение и биография художника» (1926). В начале 1926 г. в РАППе произошел раскол, в результате которого «левые» пролетарские писатели, лидером которых был Лелевич, оказались оттесненными от руководства ассоциацией. Погиб в ходе репрессий.

18 Книга литературно-философских фрагментов «Улица с односторонним движением» (Einbahn§trasse. Berlin, 1928), о которой идет речь, открывалась посвящением: «Эта улица называется улицей Аси Лацис, по имени инженера, пробившего ее в авторе».

19 Речь идет, по-видимому, об отце советского дипломата в Берлине А. Неймана (см.: Райх Б. Вена – Берлин – Москва – Берлин. М., 1972. С.166).

20 Неясная запись (описка?).

21 Гостиница «Ливерпуль» (позднее переименована в «Урал») находилась в Столешниковом переулке.

В этой гостинице Б. Райх некоторое время жил вместе с А. Лацис после ее переезда в Москву в мае 1926 г.

22 Эрнст Толлер (1893–1939) – немецкий писатель-экспрессионист.

Его драмы («Человек-масса», «Разрушители машин» и др.), благодаря острой социально-критической направленности, переводились и достаточно часто ставились в СССР в 20-х годах. Во время революции в Германии оказался в руководстве Баварской Советской Республики в 1919 г.; после ее поражения был осужден и провел пять лет в заключении.

23 Датский писатель-реалист Енс Петер Якобсен (1847–1885).

24 Алексей Михайлович Грановский (1890–1935) – директор Государственного еврейского театра (ГОСЕТ), находившегося на М. Бронной, д. 2 (в настоящее время – Театр на Малой Бронной). Позднее (в апреле 1928), в связи с гастролями ГОСЕТа в Германии, Беньямин опубликовал статью «Грановский рассказывает», в которой со слов Грановского изложена история возникновения театра (GS IV. i, 518–522).

25 До поездки в Москву Беньямин получил, благодаря Б. Райху, от редакции «Большой советской энциклопедии» предложение написать статью о Гёте.

26 Александр Ильич Безыменский (1898–1973) – советский поэт (один из «комсомольских поэтов»), в 1923–1926 гг. активный участник РАППа, сотрудник журнала «На посту».

27 Якоб Громмер (1879–1933) – ученый русского происхождения, учился в Германии и работал ассистентом у А. Эйнштейна. Из-за акромегалии обладал аномальными чертами лица.

28 Фрагмент, о котором идет речь:

«Кто любит, испытывает слабость не только к “недостаткам”, не только к причудам и слабостям женщины; морщинки на лице и родимые пятна, заношенные платья и неровная походка привязывают его гораздо прочнее и безжалостнее, чем любая красота. Об этом давно известно. А почему? Если верна теория, согласно которой восприятие берет свое начало не в голове, мы ощущаем окно, облако, дерево не столько мозгом, сколько через то пространство, в котором мы их видим, тогда и при взгляде на возлюбленную мы оказываемся вне себя. Только в этом случае – в мучительном напряжении и захваченные внешней силой. Ослепленное восприятие бьется в сиянии женщины, словно стая птиц. И подобно тому как птицы ищут прибежище в тенистой гуще листвы, так и ощущения скрываются, забиваясь в тень морщинок, лишенные фации движения и неприглядные изъяны любимого тела, прячась в них.

И никто из посторонних не угадает, что как раз здесь, в несовершенном, в достойном порицания, замер стремительный порыв страсти обожателя» (GS IV. 1, 92).

29 Речь идет об Оперной студии-театре им. Станиславского, находившейся в одном помещении (Б. Дмитровка, д. 17) с театром Музыкальная студия (бывш. музыкальная студия МХАТ), в настоящее время – Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко.

30 Альфредо Казелла (1883–1947) – итальянский композитор и пианист-виртуоз, выступал в начале декабря 1926 г. в Москве.

31 Обюссон-тип ковра, названный по месту его производства

на юге Франции.

32 «Царская невеста» на самом деле не была первой оперной постановкой Станиславского; упомянутая далее постановка «Евгения Онегина» была осуществлена раньше, в 1925 г.

33 Штефан – сын Беньямина, Дага (Дагмара) – дочь А. Лацис от первого брака.

34 Постановка по роману Федора Васильевича Гладкова (1883–1958) «Цемент» (1925) шла в театре им. МГСПС (зимний Эрмитаж, Каретный ряд, д. 3). Позднее, летом 1927 г., Беньямин опубликовал рецензию на немецкое издание романа (GS III, 61–63), в которой наряду с «Голодным годом» Пильняка и книгой Федина «Города и годы» «Цемент» был отнесен к числу «решающих произведений новой русской литературы».

35 Беньямин был на музыкальном спектакле «Три еврейских изюминки (вечер пародий)».

36 Бела Иллеш (1895–1974) – венгерский писатель, участник венгерской революции 1919 г., с 1923 по 1945 г. жил в СССР, член РАПП, председатель МОРП (Международной организации революционных писателей).

37 Директором Театра революции (Б. Никитская, д. 17, в настоящее время – Театр им. Маяковского; основан в 1922 г., в его работе первоначально принимал участие В.Э. Мейерхольд) в это время был венгерский революционер, писатель Матэ Залка (1896–1937). В 1919–1921 гг. он воевал в партизанских отрядах и Красной Армии, затем на дипломатической и административной работе.

В 1936–1937 гг. воевал в интербригадах в Испании под именем «генерал Лукач», где и погиб. В своих произведениях описывал события Первой мировой и Гражданской войны. Подробнее об упомянутом эпизоде см.: Райх Б. Вена – Берлин – Москва – Берлин. М., 1972. С. 218–220.

38 Вилис (Вильгельм Георгиевич) Кнорин (1890–1938) – латышский публицист и партийный деятель, был в это время заведующим отдела агитпропа ЦК ВКПб.

39 Эгон Эрвин Киш (1885–1948) – «неистовый репортер», чешско-немецкий публицист левой ориентации.

В 1925–1926 гг. путешествовал по СССР, его статьи об этой поездке были изданы в 1927 г. в Берлине отдельной книгой «Цари, попы, большевики».

40 Вацлав Панский (Panski, 1897–1990), публиковался под псевдонимом Сольский (Solsky) – польский писатель. В 1917–1918 гг. вел революционную деятельность в Белоруссии и Польше, сотрудничал в польской коммунистической прессе. В 1921–1925 гг. в Берлине и Париже, корреспондент «Известий» (именно в это время с ним могли познакомиться Райх и Беньямин). В 1925 г. возвратился в Минск, затем переехал в Москву. Сотрудничал в «Известиях», был членом правления и председателем национальной комиссии ВАППа, работал в сценарном отделе Совкино. В начале своей литературной деятельности писал по-польски и по-русски (в дальнейшем также на западноевропейских языках); в Москве опубликовал, в частности, роман «Колеса» (М., 1928) и книгу «Звучащее кино» (М., 1929). В конце 20-х гг. уехал в Западную Европу и отошел от коммунистического движения. Последние десятилетия жил в Нью-Йорке, где и скончался.

41 boarding house *(англ.)* – пансион; Беньямин называет так один из так называемых «домов советов», в которых жили партийные и государственные функционеры.

42 Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) был во время Октябрьской революции членом Петроградского военно-революционного комитета, затем первым наркомом по военно-морским делам.

43 Карл Киндерман – главный обвиняемый на показательном процессе в 1924 г., на котором трое немцев были осуждены зато, что якобы готовили покушение на Ленина. Приговорен к смертной казни, однако приговор не был приведен в исполнение.

44 Эрнст Блох (1885–1977) – немецкий философ, автор книг «Духутопии» (1918), «Принцип надежды» (1954–1959), находился в то время на марксистских позициях. Насколько известно, эта открытка пропала и до Блоха не дошла.

45 Йозеф Рот (1894–1939) – австрийский писатель, романист и эссеист, с августа по декабрь 1926 г. был командирован «Frankfurter Zeitung» в СССР для написания серии репортажей.

46 «Чья власть, того и вера» *(лат.)* – принцип Аугсбургского мира 1555 г., определивший отношения протестантских князей с императором Карлом V.

47 Пауль Шеербарт (1863–1915) – писатель, автор гротескных фантастических сочинений, в последние годы жизни примыкал к экспрессионистам.

48 Эмиль Людвиг(1881–1948) – немецко-швейцарский писатель, автор драматических и прозаических произведений, посвященных историческим личностям: Наполеону, Гёте, Бисмарку, позднее – Рузвельту и Сталину (см. далее).

49 Личность не установлена. Издатель дневника, Г. Смит, полагает, что это была актриса театра им. Мейерхольда Нина Ермолаева, однако в этом случае приходится предполагать слишком большое искажение имени Беньямином.

50 Немецкий еженедельник по литературе и искусству, для которого писал Беньямин; несколько его статей, написанных им по впечатлениям от поездки в Москву, были опубликованы в этом издании (см. далее).

51 Музей игрушки, созданный в 1918 г., находился с 1925 г. и до начала 30-х гг., когда он был переведен в Загорск, на Кропоткинской (Пречистенка) ул., д. 12 (в настоящее время – музей А.С. Пушкина).

52 Московский драматический театр (бывш. Корша) находился в Богословском пер., д. 3 (в настоящее время – филиал МХАТа). Созданный Ф.А. Коршем в 1882 г., театр был одним из лучших частных драматических театров. Начиная с сезона 1926–1927 гг. вошел в сеть гостеатров. Закрыт в 1932 г. Премьера пьесы Д.Ф. Чижевского «Александр I (Федор Кузьмич)» состоялась 8 декабря 1926 г.

53 В 20-х годах Беньямин совместно с Ф. Хесселем (см. далее) работал над переводами М. Пруста. Перевод «Под сенью девушек в цвету» вышел в 1927 г., в Москве Беньямин работал над переводом тома «В сторону Германтов» (опубликован в 1930 г.).

54 АХРР-Ассоциация художников революционной России (1922–1932) – художественная организация, заложившая основы соцреализма в изобразительном искусстве (И. Бродский, А.

Герасимов, М. Греков, Б. Иогансон).

55 Издательство «Советская энциклопедия» находилось на ул. Волхонка, д. 14.

56 Перевод книги Бухарина «Теория исторического материализма» был издан в 1922 г. в Германии.

57 Кустарный музей (сейчас – Музей народного искусства) в Леонтьев-скомпер.,д. 7.

58 Пьеса А. Н. Островского была поставлена в Театре им. Мейерхольда в 1924 г.

59 Николаус Бассехес (1895–1961) – австрийский журналист, работал в Москве корреспондентом австрийских изданий. Написал несколько книг о Советском Союзе.

60 Николай Дмитриевич Бартрам (1873–1931) – художник и искусствовед, иллюстратор детских книг, специалист по народным промыслам и игрушке, основатель и первый директор Музея игрушки.

Автор книг: «От игрушки к детскому театру» (М., 1925), «Игры с масками и уборами» (М., 1926), «Музей игрушки» (М., 1928, в соавт. с Е.С. Овчинниковой). О Бартраме см. в кн.: Н.Д. Бартрам. Избранные статьи. Воспоминания о художнике. М., 1979.

61 2-е отделение Музея нового западного искусства (собрание Морозова) на Пречистенке, д. 21 (в настоящее время – здание Академии художеств).

62 Картина П. Сезанна «Дорога в Понтуазе» (1874–1877) находится в настоящее время в ГМИИ.

63 «Бульвар Монмартр в Париже» К. Писсарро (1897, из собрания Рябушинского, в настоящее время в Эрмитаже) и «Бульвар капуцинок» К. Моне (1873, в настоящее время в ГМИИ).

64 Пастель О. Редона (1840–1916) «Ночь и день» первоначально не входила в собрание Морозова, она была приобретена музеем в 1925 г., в настоящее время в ГМИИ.

65 Книга Беньямина «Происхождение немецкой трагедии» (посвященная драме эпохи барокко, поэтому Беньямин несколько

раз упоминает о ней как о «книге о барокко») была опубликована в 1928 г. в Берлине, после того как он безуспешно пытался защитить свое исследование в университете Франкфурта-на-Майне в качестве второй диссертации, необходимой для получения профессорского звания, однако работа была отклонена. Упомянутое предисловие не было включено в окончательный вариантккниги.

66 Зеесхаупт-вилла, где Беньямин встречался со своей будущей женой Дорой.

67 Гедда Габлер – героиня одноименной пьесы Г. Ибсена.

68 Филипп Келлер – литератор, близкий к экспрессионистам; Беньямин общался с ним в студенческие годы.

69 Проблему языка русской литературы послереволюционного времени Беньямин затрагивает в статье «Новая литература в России» (БИЭ, 210–219).

70 Карл Краус (1874–1936) – австрийский писатель, известный философской лирикой, эссеистикой на острые социально-культурные темы, автор пьесы «Последние дни человечества»; Беньямин не раз писал о К. Краусе; в данном случае речь, по-видимому, идет о характеристике писателя, включенной в книгу «Улица с односторонним движением».

71 Губернский дом крестьянина находился на Трубной площади.

72 Фильм Дзиги Вертова «Шестая часть мира» (1926).

73 «Даешь Европу» – пьеса Подгаецкого «Д Е» по мотивам книги И. Эренбурга «Трест ДЕ» и Б. Келлермана «Туннель» (пост. 1924 г., художники. Шлепянов).

74 Беньямин имеет в виду выражение «комчванство», появившееся в те годы.

75 Либединский Юрий Николаевич (1898–1959) – писатель, автор повестей «Неделя» (1922), «Комиссары» (1925). Беньямин упоминает о нем в статье «Новая литература в России» (БИЭ, с. 219). Либединский был одним из наиболее активных деятелей РАППа, боровшихся с напостовцами (Г. Лелевич и др.).

76 Оскар Вальцель (1864–1944) – немецкий литературовед традиционного направления, его работы были переведены на русский язык (Проблема формы в поэзии. Пг., 192з; идр.).

77 Арнольт Броннен (1895–1959) – австрийский писатель, в 20-х годах сотрудничал с Брехтом.

78 Камерный театр Александра Яковлевича Таирова (1885–1950) находился на Тверском бульваре, д. 23 (после закрытия театра в 1950 г. – театр им. Пушкина).

79 Алиса Георгиевна Коонен (1889–1974) – ведущая актриса Камерного театра, жена Таирова.

80 «Вертхайм» – один из самых крупных универмагов в Берлине.

81 Франц Хессель (1880–1941) – писатель, автор иронической лирики и прозы. Работал редактором берлинского издательства «Ровольт», публиковавшего книги Беньямина. Вместе с Беньямином занимался переводом М. Пруста.

82 Пьеса Ф. Кроммелинка «Великодушный рогоносец» (пост. 1922 г., художник Л. Попова).

83 Пьеса А. Файко «Учитель Бубус» (пост. 1925 г., художник И. Шлепянов).

84 Пьеса С. Третьякова «Рычи, Китай!» (пост. 1926 г., режиссер В. Федоров, художнике. Ефименко).

85 Гран-Гиньоль – парижский театр, известный натуралистическим изображением ужасов.

86 Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) – поэт-акмеист, в советское время писал либретто и занимался переводами.

87 Евгений Александрович Гнедин (1898–1983) – советский дипломат, с которым Райх и Беньямин познакомились в Берлине. Особое положение Гнедина объяснялось тем, что он был сыном Парвуса (которого Беньямин обозначает лишь инициалом) – Александра Львовича Гельфанда (1869–1924) – участника

российского и германского социал-демократического движения. Парвус переехал в Германию, где в дальнейшем занялся предпринимательством и в конце концов отошел от политики. Сыграл решающую роль в организации возвращения Ленина в Россию в 1917 г. Опубликованы мемуары Гнедина: Выход из лабиринта. М., 1994.

88 Л.Б. Нимен заведовала в ВОКСе отделом по приему иностранцев.

89 Беньямин явно ошибся-это должен был быть Городецкий (см. выше).

90 Дора Софи Беньямин (Кельнер, 1890–1964) была женой Беньямина в 1917–1930 гг.

91 Пьеса Владимира Наумовича Билль-Белоцерковского (1885–1970) шла в театре МГСПС, см. статью «Как выглядит театральный успех в России» в приложении.

92 Статья Беньямина «Диспуту Мейерхольда» (журнальный вариант заглавия: «С Мейерхольдом в Москве покончено?») была опубликована 1.03.1927 в еженедельнике «Literarische Welt» (GS IV.I, 481–483). Беньямин характеризует Мейерхольда как «несомненно наиболее значимого режиссера России», но «неудачника». Попытка дать трактовку Гоголя в духе пролетарского театра провалилась: в постановке не было ничего, «что нельзя было бы – с большей надеждой на успех – сыграть в театриках на Курфюрстендамм». Переработка пьесы также не была удачной, «она изгнала из “Ревизора” гоголевский смех». Описав ход дискуссии в театре, Беньямин приходит к выводу: «Исход борьбы предрешен.

Теперь “спор о ’Ревизоре’” пойдет по инстанциям. Московские журналисты апеллируют к партии.

Против Мейерхольда сформирован единый фронт».

93 Часть текста рукописи не поддается прочтению.

94 Музей живописной культуры находился на Рождественке, д. и. Задача музея заключалась в том, чтобы продемонстрировать новые черты русской живописи XX в.; в нем были выставлены, помимо упомянутых Беньямином М. Ларионова и Н.Гончаровой, работы художников «Бубнового валета», К. Малевича, Л. Поповой, О. Розановой, П. Кузнецова, В. Татлина, Д. Штеренберга, А.

Родченко, В. Кандинского.

95 Немецкая газета, орган союза Спартака и КПГ.

96 Улица в Париже.

97 Швейцарский курорт.

98 Эрнст Блох.

99 Беньямин имеет в виду картину В. Перова «Приезд гувернантки» и картину И. Репина «Арест пропагандиста».

100 Карл Радек (1885–1939) – публицист и партийный деятель, был в это время членом редколлегии «Большой советской энциклопедии».

101 Дьёрдь (Георг) Лукач (1885–1972) – венгерский философ-марксист и литературовед. Знакомство с работами Лукача было одним из факторов перехода Беньямина на левые позиции. Упомянутый тезис Лукача развивается в его книге «История и классовое сознание» (1923).

102 Беньямин ошибся, перепутав Казанский и Курский вокзалы, как и характеристику направлений.

103 I рабочий московский театр Пролеткульта находился на Чистопрудном бульваре, д. 16 (в настоящее время – театр «Современник»).

104 В «Настенном календаре», опубликованном в еженедельнике, были стихи Беньямина.

105 I отделение Музея нового западного искусства (собрание Щукина) находилось в Б. Знаменском пер., д. 8 (в настоящее время здание принадлежит Министерству обороны).

106 Беньямин ошибается: на панно А. Матисса не фон, а танцующие фигуры красного цвета. Декоративные панно «Танец» и «Музыка» (1910) находятся в настоящее время в Эрмитаже.

107 По-видимому, в сознании Беньямина произошла контаминация двух композиционно сходных картин Пикассо: «Портрет поэта Сабартеса» (1901, собрание Щукина, в настоящее

время ГМИИ) и «Арлекин и его подружка» (находившаяся, однако, в собрании Морозова, в настоящее время в ГМИИ).

108 «Любительница абсента» (1901) находится в настоящее время в Эрмитаже.

109 «Дружба» (1908, в настоящее время в Эрмитаже) и два этюда к ней.

110 Картина А. Дерена (1880–1954) «Субботний день» (1911–1914) в настоящее время находится в ГМИИ.

111 «Артемида» (1908, в настоящее время в Эрмитаже) М. Лорансен (1885–1956).

112 Вот текст статьи, опубликованной в «Вечерней Москве»:

Европейское и советское искусство Наблюдающийся в Европе повышенный интерес к советскому искусству продолжает вызывать в СССР иностранных исследователей-искусствоведов. Прибывший в Москву для собирания материалов о советском искусстве известный германский искусствовед – доктор Вальтер Вениамин, автор интересных работ «Теория искусства немецких романтиков», «Теория перевода», «Драматургия эпохи барокко в Германии» и др., искусствовед-социалист типа Гаузенштейна.

Пробыв для изучения итальянского искусства года полтора в Италии и побывав после этого снова в Германии, доктор Вениамин в беседе с нашим сотрудником поделился интересными наблюдениями и сведениями об искусстве в этих странах.

По словам доктора Вениамина, фашизм наложил свой мертвящий отпечаток на современное итальянское искусство. Футуризм, возникший первоначально, как антибуржуазное течение в искусстве, давно уже принял буржуазный характер. Доктор Вениамин пришел к выводу, что у итальянского искусства нет никакого будущего: нынешнее искусство в Италии является делом отдельных лиц и будет существовать ровно столько, сколько главные его деятели – Маринетти, Аннунцио и деятель фашизма – Муссолини.

В Италии искусство целиком находится в кабале у предпринимателей. Главное требование, предъявляемое, напр., в картине, заключается в том, чтобы она служила украшением, была «дырой в стене», по выражению Пикассо, тогда как в СССР искусство идет на службу промышленности и быту. Архитектура в Италии также не развивается. Ей прежде всего предъявляется требование «быть красивой», декоративной. В СССР архитектура

стремится способствовать развитию новых форм быта; центр тяжести зданий – в их поместительности.

Говоря о собранных им фотографиях, плакатах и диаграммах, иллюстрирующих советское искусство, доктор Вениамин с большим интересом отметил, что на Западе совершенно нет диаграмм, выполненных художниками.

Несколько интересных сведений доктор Вениамин сообщил о немецкой литературе. Самым крупным событием литературной жизни Германии являются книги побывавшего в СССР и читающего в Германии о нем лекции поэта и драматурга Эмиля Людвига. Это книги о Вильгельме II и Бисмарке. Объективное отношение автора к кумирам германской буржуазии явилось причиной сенсации, вызванной их появлением. С другой стороны, этот успех – симптом политического и экономического возрождения послевоенной германской буржуазии, внимание которой остановлено автором на ее чтимых «героях».

После упадка импрессионизма в современном германском искусстве наступила полоса глубокого затишья. Нет ни новых оригинальных дарований, ни новых творческих идей или теорий. Самыми замечательными произведениями германской литературы остаются произведения недавно умершего Пауля Шербарта, хотя у широкой публики они успеха не имеют. Книги Шербарта – это утопические космологические романы, в которых разрабатывается вопрос о между-планетных сношениях и изображаются люди – творцы машин, создатели идеальной техники. Романы насыщены пафосом техники, совершенно новым и необычным для литературы пафосом машины, но далеким от социального значения, так как герои Шербарта добиваются мировой гармонии и создание машин важно для них не по экономическим причинам, а для доказательства каких-то идеальных истин. Эта отвлеченность и является причиной того, что романы не привлекают особого внимания.

Старые писатели Германии застыли на месте. Гауптман успокоился на своих прежних успехах и пишет нелепо-фантастические вещи. Томас Манн пережил личный сдвиг, но последний не имеет ни особенного значения для его творчества, ни общественного интереса. Шницлер превращает свои произведения в трактаты по фрейдизму.

В общем, Германия испытывает серьезный упадок искусства. Единственная страна, в которой оно растет и все более и более приобретает органический характер, – это СССР, – закончил доктор Вальтер Вениамин.

П-РО. (Вечерняя Москва, 14.01.29)

113 МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей) входила в РАПП-ВАПП (не исключено, однако, что Беньямин спутал МАПП и МОРП).

114 Музей иконописи и живописи (находился в Трубниковском пер., д. 17/1) был создан художником-передвижником и коллекционером Ильей Семеновичем Остроуховым (1858–1929), собранная им коллекция икон была передана в Третьяковскую галерею.

115 Максимилиан Яковлевич Шик (1884–1968) заведовал в то время отделом иностранных переводов и корреспондентов Внешторгбанка. Литератор и переводчик, в юности примыкавший к символистам и публиковавшийся в их изданиях (в первую очередь в журнале «Весы»). Писал и публиковал свои стихи и критические статьи как по-русски, так и по-немецки. Один из первых пропагандистов творчества Р.-М. Рильке в России. В советское время занимался главным образом переводом русской и советской литературы на немецкий язык (Пушкин, Лермонтов, Блок, Ахматова, А. Толстой, Катаев, Паустовский и др.).

116 Авиахим – Общество друзей авиационной и химической обороны. Александр Иванович Рыков (1881–1938) был в это время председателем Совнаркома СССР и Совета труда и обороны.

117 Ганс Пёльциг(1869-1936) – немецкий архитектор и дизайнер, представитель экспрессионизма в архитектуре, наиболее известен реконструкцией здания для театра М. Рейнхардта в Берлине в 1919 г.

118 Имеется в виду, по-видимому, все же Покровский собор (храм Василия Блаженного).

119 Вилли Виганд (1884–1961) – издатель, Артур Мюллер-Ленинг – редактор журнала «i 10», в котором, в частности, была опубликована статья Беньямина «Новая литература в России» (см. БИЭ, с. 210–219).

120 Не совсем ясно, какую сцену имеет в виду Беньямин. Издатель «Дневника» Г. Смит предполагает, что речь идет о сцене с мадемуазель Вентейль из первого тома (см. Пруст М. По направлению к Свану. М., 1973. С. 183–189), что согласуется и с упоминанием садизма. В то же время не лишено логики предположение М. Рыклина, что Беньямин читал из третьего

тома, над переводом которого он как раз в это время работал.

121 Речь идет об образе Милосердия (Caritas) на фресках Джотто в Капелле дель Арена в Падуе, изображающих людские добродетели и пороки. См.: Пруст М. По направлению к Свану. М., 1973. С. 107–109.

122 Немецкий еженедельник, со второй половины 20-х гг., под руководством К. Тухольского и К. фон Осиецкого, – левой ориентации. Запрещен после прихода нацистов к власти. Журнал под тем же названием издавался позднее в ГДР.

123 Московским театром для детей в помещении кинотеатра «Аре» (Тверская, д. 61; в настоящее время – театр им. Станиславского) руководила Н.И. Сац.

124 Написанная Беньямином для БСЭ статья «Гёте» была признана непригодной для публикации как «неэнциклопедичная» (см. отзыв Луначарского: Луначарский А.В. Неизданные материалы. М., 1970. С. 534) – В окончательный вариант статьи, подписанный, кроме Беньямина, еще пятью соавторами (В.К. Иков, Б.И. Пуришев, В.П. Зубов, С.Л. Соболь, А.А. Тумерман) вошла лишь незначительная часть подготовленного им текста. При жизни Беньямина статья полностью не публиковалась. Русский перевод статьи опубликован в БИЭ, с. 92–140.

125 Журнал «Die Zukunft» был основан Максимилианом Харденом (1861–1927) и выходил с 1892 по 1922 г. Несмотря на свой общий политический консерватизм, Харден во многих случаях выступал с достаточно радикальных позиций.

126 В.А. Мускин заведовал позднее отделом ЦК ВЛКСМ.

127 Ответ Беньямина на некролог Рильке по неизвестным причинам не был опубликован. Сохранилась рукопись, в которой Беньямин пишет: «Уже давно в Европе идет закат чистой лирики. Та лирика, что может прийти ей на смену – политическая и дидактическая, как она уже была намечена Георге в последних книгах. Рильке в тиши своего бытия предоставил чистой лирике уединенное убежище, в котором ей было дано обрести покой» (GS IV, 453).

128 Франц Гофман (1814–1882) – один из наиболее известных немецких детских писателей конца XIX – начала XX

века. Карл Май (1842–1912) – популярный автор множества приключенческих романов.

129 Литературный кружок, объединявший Беньямина и друзей его юности; существовал в 1908–1914 гг.

130 «Штруввельпетер» – детская книга Генриха Гофмана (1809–1894), в русском издании называлась «Степка-растрепка».

131 Анна Матвеевна Рахлин(а) была помощником управляющего Московского центрального архива Октябрьской революции; дом Центрархива находился в Староваганьковском пер., д. 8.

132 Г. Астахов – советский дипломат, с которым А. Лацис познакомилась в Берлине.

133 В Театре Вахтангова в этот день играли водевиль Д.Т. Ленского «Лев Гурыч Синичкин».

134 «Мать» (1926) – фильм В. Пудовкина, «Процесс о трех миллионах» (1926) – комедия Я. Протазанова.

135 Полученные от Иллеша сведения Беньямин использовал для написания статьи «Политическая расстановка русских писателей» (GS II.2,743–747, опубликована в марте 1927 г.). Беньямин распределяет в ней писателей на категории, выражающие интересы социальных групп, и приходит к выводу, что современная русская литература – «предмет не столько эстетики, сколько статистики… Чтение сейчас в России важнее писательства, чтение газет важнее чтения книг, а обучение грамоте – важнее чтения газет. Поэтому лучшая русская литература, если она будет такой, какой должна быть, может быть лишь цветной картинкой букваря, по которому крестьяне учатся читать, осененные Лениным».

136 Илюша – упомянутый ранее Беньямином «красный генерал», личность не установлена.

137 Ответ Беньямина, как и сама статья О. Шмитца, были опубликованы в одном номере «Literarische Welt» в марте 1927 г. Шмитц, исходя из того, что «эстетически значимым является только индивидуальное», обвинил создателя фильма «Броненосец Потемкин» в грубой политизации, тенденциозности,

разрушающей основы искусства. При этом он подчеркивал, что не возражает против отражения социальных проблем и характеристик в искусстве, однако образцами в этом отношении признавал, например, в литературе – Голсуорси и Я. Вассермана. В своем ответе Беньямин указал, что этот фильм, как явление принципиально новое, бессмысленно оценивать по привычным нормам буржуазного романа. «То, что каждому произведению искусства, каждой эпохе присущи политические тенденции, – прописная истина, поскольку они являются историческими порождениями сознания. Но подобно тому как глубинные пласты породы обнажаются только на разломах, глубинная формация “тенденции” открывается взгляду лишь в переломных точках истории (и произведений). Технические революции – вот переломные моменты развития искусства, в которых тенденции можно увидеть, так сказать, на поверхности. В ходе каждой новой технической революции тенденция словно сама собой превращается из потаенного элемента искусства в очевидный. Это-то и происходит с кино. Среди разломов художественных формаций один из наиболее мощных – кино. Поистине, с ним возникает новая область сознания.

Оно является – выражая это одним словом – той единственной призмой, которая разлагает для современного человека его непосредственное окружение… на составляющие. […] Превосходство русского революционного кино, как и превосходство американского гротескного кино, основано на том, что оба, каждое по-своему, выбрали в качестве основы некоторую тенденцию, которой последовательно придерживаются… внутренняя связь кино со средой, которая и составляет ее подлинный предмет, не совместима с прославлением буржуа.

Пролетариат – вот герой этих пространств, герой, за чьими приключениями с замиранием сердца следит буржуа, которому приходится наслаждаться “прекрасным» даже там – именно там, – где кроется гибель его класса. Но пролетариат – понятие собирательное, коллективное, как и пространства, о которых идет речь, – пространства коллектива. И лишь здесь, на материале коллектива, кино может завершить свою призматическую деятельность, начатую им при освоении среды. Влияние “Потемкина” было именно потому эпохальным, что он впервые сделал это очевидным. В нем движение масс впервые приобрело полностью архитектонический и вместе с тем вовсе не монументальный (в духе киностудии УФА) характер… Ни одно другое средство не могло передать это движение коллектива, более того, ни одно другое средство не могло передать столь прекрасные черты даже в его движении, выражающем ужас,

панику» (GS II.2,752–754). Нетрудно заметить, что уже здесь Беньямин формулирует принципы, получившие развитие в его поздней работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (БИЭ, с. 15–65).

138 Собачья площадка, уничтожена в ходе реконструкции и строительства Нового Арбата.

139 Бытовой музей 40-х гг. был основан также по инициативе Н.Д. Бартрама.

140 Фильм Фрица Ланга (1890–1976) «Метрополис» (1926) – одно из наиболее ярких проявлений экспрессионизма в кино.

141 Музыка к балету «Сильфида» (1832) написана французским композитором Ж. Шнейцгоффером (1785–1852).

142 Троице-Сергиева лавра.

143 Постановка «Ревизора» в Большом театре была ответом представителей традиционного театра Мейерхольду. В ней участвовали актеры разных театров: упомянутый Беньямином М.А. Чехов (МХАТ 2-й), А.А. Яблочкина(Малый театр), С.Л. Кузнецов (Малый театр) и др. Зал для постановки был явно выбран для достижения наибольшего общественного резонанса.

Приложения

Дорогой господин Кракауэр![3]

Я мог бы привести кое-какое оправдание своего долгого молчания. Лучшим будет то, что Ваше последнее письмо ко мне заканчивается словами: «Для *кого* писать? Знаете ли Вы ответ?» Над таким вопросом действительно можно промучиться целых два месяца и не прийти ни к какому результату. Если же по правде, то я боролся здесь несколько недель с внешним морозом и внутренним огнем – надеюсь, не напрасно. Ноу меня почти не остается сил для текущей работы, которую я должен закончить. Близится мое возвращение. Пожалуйста, пишите мне на мой адрес в Груневальде. Отсюда я все равно не смогу дать подробных вестей, поскольку мне надо до последнего момента наблюдать и размышлять, чтобы потом написать сколько-нибудь вразумительный итог моей поездки – который никак не может претендовать на большее, чем беглая картинка Москвы. Правда, смотреть на этот город можно без конца. Говорили ли Вы с Ротом? Он должен дать Вам для меня статьи, и я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы могли послать их мне в Груневальд. В надежде обнаружить в моей домашней почте и Ваши последние работы («Орнамент массы») и др., с сердечным приветом

Ваш Вальтер Беньямин
Д-р. В. Беньямин
Москва
Гост. «Тироль»
Садовая Триумфальная

Вашу рецензию на Кафку я пока отложу, чтобы прочесть ее после того, как познакомлюсь с романом «Замок».

Москва

1

Быстрее, чем саму Москву, учишься в Москве видеть Берлин. Для того, кто возвращается домой из России, город выглядит словно свежевымытый. Нет ни грязи, ни снега. Улицы в действительности кажутся ему безнадежно чистыми и выметенными, словно на рисунках Гроса. И жизненная правда его типажей становится также очевидной. С образом города и людей дело обстоит не иначе, чем с образом состояния духа: новый взгляд на них оказывается самым несомненным результатом визита в Россию. Как бы ни были малы знания об этой стране – теперь ты умеешь наблюдать и оценивать Европу с осознанным знанием того, что происходит в России. Это первое, что получает наблюдательный европеец в России. С другой стороны, именно поэтому путешествие оказывается такой четкой проверкой для тех, кто его совершает. Каждый оказывается вынужденным занять свою позицию. Правда, по сути, единственная порука правильного понимания – занять позицию еще до приезда. Увидеть что-либо именно в России может только тот, кто определился. В поворотный момент исторических событий, если не определяемый, то означенный фактом «Советская Россия», совершенно невозможно обсуждать, какая действительность лучше или же чья воля направлена в лучшую сторону. Речь может быть только о том, какая действительность внутренне конвергентна правде? Какая правда внутренне готова сойтись с действительностью? Только тот, кто даст на это ясный ответ, «объективен». Не по отношению к своим современникам (не в этом дело), а по отношению к событиям (это решающий момент). Постигнуть конкретное может лишь тот, кто в решении заключил с миром диалектический мирный договор. Однако тот, кто хочет решиться, «опираясь на факты», поддержки у фактов не найдет. Возвращаясь домой, обнаруживаешь прежде всего вот что: Берлин – пустынный для людей город. Люди и группы людей, двигающиеся по его улицам, окружены одиночеством. Несказанной кажется берлинская роскошь. А она начинается уже на асфальте. Потому что ширина тротуаров поистине царская. Они превращают последнего замухрышку в гранда, прогуливающегося по террасе своего дворца. Величественным одиночеством, величественной пустынностью наполнены берлинские улицы. Не только на западе. В Москве есть два-три

места, где можно продвигаться без той тактики протискивания и лавирования, которую приходится осваивать в первую неделю (вместе с техникой хождения по льду). Когда входишь в Столешников, можно вздохнуть: здесь можно спокойно останавливаться перед витринами и идти своей дорогой, не включаясь в лавирование, к которому приучил большинство узкий тротуар. Однако насколько наполнена эта узкая, запруженная не только людьми полоска и насколько вымершим и пустым оказывается Берлин! В Москве товар везде выпирает из домов, висит на заборах, прислоняется к решетчатым оградам, лежит на мостовых. Через каждые пятьдесят метров стоят женщины с сигаретами, женщины с фруктами, женщины со сладостями. Рядом корзинка с товаром, иногда на маленьких санках. Пестрый шерстяной платок защищает яблоки или апельсины от холода, две штуки – как образец – лежат сверху. Тут же сахарные фигурки, орехи, конфеты. Выглядит так, будто бабушка собрала в доме все, чем можно порадовать внуков. И вот остановилась по пути, чтобы передохнуть. Берлинским улицам не знакомы такие торговые точки с санками, мешками, тележками и корзинами. В сравнении с московскими они выглядят словно только что подметенная пустая гоночная трасса, по которой безрадостно мчится группа участников шестидневной гонки.

2

Кажется, будто город открывается уже на вокзале. Киоски, уличные фонари, кварталы домов кристаллизуются в неповторимые фигуры. Однако все обращается в прах, как только я принимаюсь искать название. Я должен ретироваться… Поначалу не видишь ничего, кроме снега, грязного, уже слежавшегося, и чистого, который потихоньку добавляется. Сразу по прибытии возвращаешься в детство. Ходить по толстому льду, покрывающему эти улицы, надо учиться заново. Хаос домов настолько непроницаем, что воспринимаешь только то, что ошеломляет взор. Транспарант с надписью «Кефир» горит в вечернем полумраке. Я запоминаю ее, как будто Тверская, старая дорога на Тверь, на которой я сейчас нахожусь, все еще действительно старый тракт, и вокруг пустота. Прежде чем я открыл истинную топографию Москвы, увидел ее настоящую реку, нашел ее настоящие холмы, каждая магистраль была для меня спорной рекой, каждый номер дома – тригонометрическим сигналом, а каждая из ее огромных площадей – озером. Только каждый шаг при этом делать приходится, как уже говорилось, по льду. И как только слышишь одно из этих названий, фантазия

мгновенно воздвигает вокруг этого звука целый квартал. Он еще долго будет сопротивляться возникшей позднее реальности и упрямо оставаться в ней, словно стеклянное сооружение. В этом городе поначалу множество пограничных шлагбаумов. Но однажды ворота, церковь, которые были до того границей новой местности, неожиданно становятся серединой. И тогда город превращается для новичка в лабиринт. Улицы, которые, по его мнению, были в разных местах, схлестываются вместе на одном из углов, как вожжи от пары лошадей в кулаке кучера. В какое количество топографических ловушек он попадает, можно показать во всей захватывающей последовательности только в кино: город переходит против него в оборону, маскируется, спасается бегством, устраивает заговоры, заманивает в свои кольца, заставляя пробегать их до изнеможения. (Это можно истолковать и очень практично: для приезжих в больших городах в сезон следовало бы показывать «ориентирующие фильмы».) Однако в конце концов побеждают карты и планы: вечером в постели фантазия жонглирует настоящими домами, парками и улицами.

3

Зимняя Москва – тихий город. Тихо работает огромный механизм уличной суетни. Это от снега. Но это и от отсталости транспорта. Автомобильные гудки определяют оркестр большого города. Но в Москве пока немного автомобилей. Они появляются только на свадьбы, погребения и для решения срочных правительственных поручений. Правда, по вечерам они включают более яркие огни, чем это разрешено в каком-нибудь другом большом городе. Снопы света так ослепляют, что тот, кто в него попал, беспомощно застывает на месте. Перед кремлевскими воротами стоят под слепящими фонарями часовые в вызывающих охристых меховых тулупах. Над ними поблескивает красная лампа, регулирующая движение через ворота. Все цвета Москвы сходятся здесь, во властном центре России, словно собранные призмой. Лучи света слишком сильных фар пронзают темноту. От них шарахаются лошади кавалеристов, у которых в Кремле большая площадка для выездки. Пешеходы снуют между автомобилями и непослушными жеребцами. Длинные ряды саней, на которых вывозят снег. Отдельные всадники. Тихие стаи воронов опустились на снег. Глаза работают неизмеримо больше, чем уши. На белом фоне краски выглядят яркими до предела. Малейший цветной лоскуток начинает пылать на улице. На снегу лежат иллюстрированные книги; китайцы торгуют искусно

сделанными бумажными веерами, а еще чаще бумажными змеями в форме экзотических глубоководных рыб. Изо дня в день царит атмосфера подготовки к детскому празднику. Среди продавцов мужчины с корзинами, полными деревянных игрушек, тележек и лопаток; детские тележки – желтые и красные, лопатки – желтые или красные. Все эти резные и сколоченные изделия проще и основательнее, чем в Германии, по ним ясно видно их крестьянское происхождение. Однажды утром у дороги появляются невиданные крошечные домики со сверкающими окошками и заборчиком: деревянная игрушка из Владимирской области. Это значит: прибыла новая партия товара. Серьезные, здравые товары первой необходимости становятся, попадая в уличную торговлю, отчаянными. Корзинщик с самыми разнообразными изделиями, пестрыми, какие всегда можно купить на Капри, с квадратными двуручными корзинами, украшенными строгим узором, укрепил на конце своего шеста клетки из блестящей бумаги, в которых сидят такие же бумажные птички. Иногда можно увидеть и настоящего попугая, белого ара. На Мясницкой стоит женщина, торгующая бельем, на подносе или на плече у нее сидит птица. Живописный фон для таких животных следует искать в другом месте, там, где расположился фотограф. Под голыми деревьями бульваров стоят ширмы с пальмами, мраморными лестницами и южными морями. И еще кое-что напоминает здесь о юге. Это необузданная пестрота уличной торговли. Обувной крем и канцелярские принадлежности, платки, кукольные сани, детские качалки, женское белье, птичьи чучела, утюги – все выплескивается на улицу, как если бы все это было не при 25 градусах ниже нуля, а в разгар неаполитанского лета. Долгое время для меня оставался загадкой мужчина с покрытой буквами дощечкой. Я был готов признать в нем гадальщика. Наконец мне удалось увидеть, что он делает.

Я наблюдал, как он взял две из своих букв и укрепил их в калошах покупателя – как метку. Потом широкие сани с тремя отделениями – для арахиса, лесных орехов и *семечек* (семена подсолнечника, которые теперь по распоряжению советских властей запрещено щелкать в общественных местах). Торговцы готовой едой собираются вблизи биржи труда. Они предлагают горячие пирожки и поджаренную ломтиками колбасу. Но все это происходит беззвучно, выкрики, которыми пользуется каждый торговец на юге, здесь неизвестны. Люди здесь обращаются к прохожим с чем-то, похожим на речи, чуть ли не шепотом, в них заключено нечто от нищенского смирения. Лишь одна каста движется по улицам, нарушая тишину, это старьевщики со

своими заплечными мешками; их меланхолический крик не реже раза в неделю оглашает каждый квартал. Уличная торговля отчасти нелегальна и в этом случае не стремится к огласке. Женщины стоят, держа на соломенной подстилке кусок сырого мяса, курицу, окорок, и предлагают их прохожим. Это незаконные торговки. Они слишком бедны, чтобы заплатить за торговое место, и у них нет времени, чтобы после многих часов ожидания в управлении получить недельную лицензию. Если появляется милиционер, они просто разбегаются. Центры уличной торговли – на больших рынках, на Смоленской и на Арбате. И на Сухаревской. Этот рынок, самый знаменитый, раскинулся у церкви, голубые купола которой возносятся над торговыми палатками. Сначала попадаешь в ряды торговцев старым железом. Люди кладут свой товар прямо на снег. Здесь есть старые замки, рулетки, инструменты, кухонная утварь, электротехнические материалы. Прямо на месте занимаются починкой, я видел, как паяли паяльной лампой. Сидеть не на чем, все стоят, болтают или торгуют. На этом рынке можно увидеть архитектоническую функцию товара: рулоны ткани и сукна образуют пилястры и колонны; ботинки и валенки, висящие на веревках над прилавками, становятся крышей; большие гармошки образуют звучащие стены, своего рода мемноновы стены[4]. Можно ли еще у немногих прилавков с изображениями святых тайком приобрести те странные иконы, продажа которых была запрещена еще при царизме, не знаю. Я видел Богоматерь с тремя руками. Она была полуобнажена. Из пупка растет сформировавшаяся, крепкая рука. Справа и слева две другие, распростерты в благословении. Три руки считаются символом Троицы.

Была и другая икона Богоматери, на которой она была изображена с облаками, выходящими из ее живота, посреди облаков танцует Христос-младенец, держащий в руках скрипку. Так как торговля иконами относится к разделу бумажных и художественных товаров, то палатки с иконами располагаются среди прилавков, за которыми торгуют писчебумажными изделиями, так что они с обеих сторон окружены изображениями Ленина, словно заключенный в сопровождении жандармов. Уличная жизнь и ночью прекращается не полностью. В темных подворотнях натыкаешься на огромные шубы. Ночные сторожа сидят в них на стульях и время от времени неуклюже встают.

4

Для уличного пейзажа всех пролетарских районов важны дети. Их там больше, чем в других районах, они двигаются более

уверенно и озабоченно. Детей полно во всех московских квартирах. Уже среди детей начинается коммунистическая иерархия. Комсомольцы как старшие стоят во главе. У них есть клубы во всех городах, и они являются настоящей подготовленной сменой партии. Дети поменьше становятся – в шесть лет – пионерами. Они тоже объединены в клубы, их гордым знаком отличия является красный галстук. Наконец, октябрятами – или же «волчатами» – называются совсем маленькие дети, с того момента, как могут показать на портрет Ленина. Но все еще можно встретить запущенных, безымянно-жалких беспризорных. Днем они по большей части встречаются поодиночке, каждый на своей боевой тропе. По вечерам же они собираются в команды перед ярко освещенными фасадами кинотеатров, и приезжим говорят, что в одиночку с такими бандами лучше не встречаться.

Чтобы справиться с этими совершенно одичавшими, недоверчивыми, ожесточенными детьми, педагогам не оставалось ничего другого, как самим идти на улицу. В каждом московском районе уже несколько лет есть «детские площадки». Ими заведуют воспитательницы, у которых редко бывает больше одного помощника. Как она найдет общий язык с детьми своего района – ее дело. Там раздают еду, устраивают игры. Сначала приходит человек двадцать или сорок, но если руководительница находит нужный подход, то через пару недель площадку могут заполнить сотни детей. Ясно, что традиционные педагогические методы не дали бы в работе с этими массами детей ничего. Чтобы вообще дойти до них, быть услышанными, необходимо следовать как можно ближе и как можно яснее речи самой улицы, всей коллективной жизни. Политика при организации групп таких детей – не тенденция, а само собой разумеющийся предмет интереса, такой же ясный наглядный материал, как магазин или кукольный домик для буржуазных детей. Если же к тому же представить себе, что руководительница должна восемь часов следить за детьми, занимать и кормить их, при этом она же ведет бухгалтерию всех расходов на хлеб, молоко и разные вещи, что она за все это отвечает, с безжалостной очевидностью становится ясно, сколько остается от частной жизни у тех, кто эту работу выполняет. Однако среди всех картин еще далеко не преодоленной детской нищеты для внимательного взгляда открывается вот что: как освобожденная гордость пролетариев согласуется со свободным поведением детей. Нет большей и более прекрасной неожиданности для человека, знакомящегося с московскими музеями, чем видеть, как непринужденно проходят по этим залам дети и рабочие, группами, иногда вокруг экскурсовода, иногда по отдельности. Здесь нет и следа от

безнадежной скованности изредка появляющихся в наших музеях пролетариев, которые едва осмеливаются попадаться на глаза другим посетителям. В России пролетариат действительно начал овладевать буржуазной культурой, у нас же пролетариату такое действие покажется чем-то вроде кражи со взломом. Правда, как раз в Москве есть коллекции, в которых рабочие и дети действительно скоро могут освоиться и чувствовать себя как дома. Там есть Политехнический музей с тысячами образцов, аппаратов, документов и моделей, относящихся к истории добычи полезных ископаемых и перерабатывающей промышленности. Там есть прекрасно организованный Музей игрушки, который под руководством его директора Бартрама создал ценную, познавательную коллекцию русской игрушки и который служит как исследователю, так и детям, часами гуляющим в его залах (в середине дня устраивают большое бесплатное кукольное представление, такое же красивое бывает разве что в Люксембургском саду). Там есть Третьяковская галерея, в которой только и начинаешь понимать, что такое жанровая живопись и насколько она подходит именно русскому человеку. Пролетарий может найти здесь сюжеты из истории своего движения: «Арест пропагандиста», «Не ждали», «Приезд гувернантки»[5].То, что эти сцены изображены совершенно в духе буржуазной живописи, нисколько не мешает – это только облегчает их понимание публикой. Ведь художественное воспитание (как ясно давал понять Пруст) обеспечивается как раз не созерцанием «творений мастеров». Напротив, ребенок или пролетарий, находящийся в процессе образования, с полным правом считает шедевром не то, что считает таковым коллекционер. Такие картины имеют для него преходящее, но серьезное значение, а более строгий масштаб необходим только в отношении актуальных произведений, касающихся его, его труда и его класса.

5

Нищенство не так агрессивно, как на юге, где навязчивость оборванца все еще выдает остатки жизненной силы. Здесь нищенство – корпорация умирающих. Углы некоторых кварталов заложены тюками тряпья – койками гигантского лазарета «Москва», расположенного под открытым небом. Длинные умоляющие речи обращены к прохожим. Вот нищий, который при появлении человека, как ему кажется, способного что-нибудь дать ему, принимается тихо, протяжно завывать, такое обращение предназначено для иностранцев, не понимающих по-русски. Другой нищий принимает в точности позу бедняка, ради которого

святой Мартин на старых картинах разрезает свой плащ. Он стоит на коленях, вытянув вперед обе руки. Перед Рождеством у стены Музея революции целыми днями сидели в снегу двое детей, накрывшись каким-то лоскутом, и скулили. (Однако перед английским клубом, самым фешенебельным заведением, которому прежде принадлежало это здание, им не разрешили бы и этого.) Если кто действительно знает Москву, так это такие дети-нищие. Они точно знают, когда в совершенно определенном магазине в углу за дверью им можно десять минут погреться, знают, где в один из дней недели они в определенный час могут достать хлебных корок и где в сложенных трубах есть свободное место для сна. Нищенство они развили в большое искусство с множеством приемов и вариантов. Одни в оживленных местах контролируют клиентуру продавца пирогов, пристают к покупателям и преследуют их, скуля и прося, пока они не поделятся с ними своим горячим пирогом. Другие занимают позицию на конечной остановке трамвая, заходят в вагон, поют песню и собирают копейки. Есть и некоторые места – правда, их совсем немного, – где даже уличная торговля принимает облик нищенства. Несколько монголов стоят у стены Китай-города. Они стоят всего шагах в пяти друг от друга и торгуют кожаными папками; каждый предлагает точно такой же товар, как сосед. Скорее всего, за всем этим стоит сговор, потому что невероятно, чтобы они всерьез составляли друг другу такую безнадежную конкуренцию. Возможно, зима у них на родине не менее сурова, а их заношенные меховые одежды не хуже, чем у москвичей. Тем не менее они – единственные в этом городе, кто вызывает сочувствие из-за климата. Есть даже и священники, собирающие милостыню для своей церкви. Но очень редко можно увидеть дающего. Нищенство потеряло серьезнейшую основу, дурную социальную совесть, открывающую кошельки шире, чем сострадание. В общем же возникает впечатление неизменной убогости нищенствующих (а может, это всего лишь следствие их продуманной организации) из-за того, что они оказываются единственной надежной составляющей московской жизни и неизменно занимают свое место, в то время как все кругом смещается.

6

Каждая мысль, каждый день и каждая жизнь существуют здесь словно на лабораторном столе. И словно металл, из которого всеми способами пытаются получить неизвестное вещество, каждый должен быть готов к бесконечным экспериментам.

Ни один организм, ни одна организация не может избежать этого процесса. Происходит перегруппировка, перемещение и перестановка служащих на предприятиях, учреждений в зданиях, мебели в квартирах. Новые гражданские церемонии крестин и заключения брака демонстрируются в клубах, словно в лабораториях. Административные правила меняются день ото дня, да и трамвайные остановки блуждают, магазины превращаются в рестораны, а несколько недель спустя – в конторы. Это поразительное экспериментальное состояние – оно называется здесь *«ремонт»* – касается не только Москвы, это русская черта. В этой доминирующей страсти заключается столько же наивного стремления к хорошему, как и безграничного любопытства и отчаянной удали. Вряд ли что еще сильнее определяет Россию сегодня. Страна день и ночь находится в состоянии мобилизации, впереди всех, разумеется, партия. Пожалуй, именно эта безусловная готовность к мобилизации отличает большевика, русского коммуниста от его западных товарищей. Материальная основа его существования настолько ничтожна, что он годами готов в любой момент отправиться в путь. Иначе он бы не справился с этой жизнью. Где еще мыслимо, чтобы заслуженного военного в один прекрасный день назначили руководителем большого государственного театра? Нынешний директор Театра революции – бывший генерал. Правда, он был литератором, прежде чем стал победоносным полководцем. Или в какой стране можно услышать истории, которые рассказывал о себе швейцар моей гостиницы? До 1924 года он сидел в Кремле. Затем его поразил тяжелый ишиас. Партия поручила его лечение лучшим врачам, его отправили в Крым, он принимал грязевые ванны, пробовал лечиться облучением. Когда все оказалось безуспешным, ему сказали: «Вам нужна должность, на которой вы можете щадить свое здоровье, где можно сидеть в тепле и не двигаться». На следующий день он стал портье в гостинице. Когда ему требуется врачебная помощь, он снова отправляется в Кремль. В конечном итоге и здоровье членов партии – прежде всего ценное имущество партии, которая в данном случае, не спрашивая самого человека, определяет, что требуется для сохранения его здоровья. Во всяком случае, так изображает дело в отличной повести Борис Пильняк. Крупному партийному аппаратчику делают против его воли операцию, которая заканчивается смертельным исходом. (Здесь называют одно очень известное имя из числа умерших в последние годы[6].) Нет знаний или способностей, которые не были бы учтены коллективной жизнью и поставлены ей на службу. «Спец» – так здесь называют любого специалиста – являет

собой подготовительную ступень овеществления и представляет собой единственного гражданина, который независимо от политической сферы действия имеет некоторую ценность. Порой почтение к этой категории граничит с фетишизмом. Так, в красную военную академию был принят на работу генерал, пользующийся дурной славой из-за своих действий во время гражданской войны. Каждого пленного большевика он тут же приказывал повесить. Для европейцев такая позиция, безоговорочно подчиняющая идеологический престиж целесообразности, оказывается непостижимой. Но этот случай показателен и для другой стороны. Не только военные царского режима пошли, как известно, на службу к большевикам. Интеллигенция тоже со временем возвращается к выполнению работы, которую она саботировала во время гражданской войны. Оппозиция, какой ее желали бы видеть на Западе – устранившаяся отдел и страдающая под игом интеллигенция – не существует, или, вернее сказать, больше не существует. Она – пусть с разного рода оговорками – заключила мир с большевиками или была уничтожена. В России нет – как раз вне партии – иной оппозиции, кроме самой лояльной. Ведь эта новая жизнь наиболее тяжела именно для стоящего в стороне наблюдателя. Праздному человеку переносить это существование невозможно, потому что в каждой мельчайшей детали оно становится прекрасным и понятным только благодаря труду. Вписать свои мысли в заданное силовое поле, получив, хотя бы только потенциальный, мандат, организованный, гарантированный контакт с товарищами – вот с чем неразрывно связана эта жизнь, так что тот, кто от этого отказывается или не в состоянии этого добиться, деградирует духовно, как если бы он много лет находился в одиночном заключении.

7

Большевизм ликвидировал частную жизнь. Администрация, политическая жизнь, пресса настолько всемогущи, что для интересов, с ними не связанных, просто нет времени. Нет и места. Квартиры, в которых прежде в пяти-восьми комнатах жила одна семья, вмещают теперь до восьми семей. Через наружную дверь такой квартиры попадаешь в маленький город. А чаще на бивак. Уже в коридоре можно натолкнуться на кровати. В четырех стенах люди только остановились на время, и скромная обстановка по большей части представляет собой остатки мелкобуржуазного имущества, производящего еще более удручающее впечатление, потому что меблировка такая скудная. Но все вместе следует

мелкобуржуазному стилю в обстановке: на стенах должны быть картины, на диване – подушки, на подушках – покрывала, на полках – фарфоровые фигурки, в окнах – цветные стекла. (Такие мелкобуржуазные комнаты – поле боя, по которому успешно прошло наступление товарного капитала; ничто человеческое здесь больше развиваться не может.) От всего этого каждому достались какие-то части без выбора. Каждую неделю в бедных комнатах переставляют мебель – это единственная роскошь, которую себе с ними позволяют, и одновременно радикальное средство изгнания из дома «уюта» вместе с меланхолией, которой он оплачивается. Люди выносят существование в этих квартирах, потому что своим образом жизни они отчуждены от него. Они проводят время в конторе, в клубе, на улице. Здесь же расположены только тылы мобильной армии чиновников. Занавески и перегородки, часто лишь до половины высоты комнаты, призваны увеличить число помещений. Ведь каждому гражданину по закону полагается лишь тринадцать квадратных метров жилой площади. Квартплата зависит от дохода. Государство – являющееся собственником всех домов – берет с безработных один рубль в месяц за площадь, за которую более состоятельные люди должны платить 60 и больше рублей. Тот, кто претендует на большую площадь и не может обосновать это своими профессиональными потребностями, должен платить плату, которая в несколько раз выше. Каждое отклонение от предписанных норм наталкивается на необозримый бюрократический аппарат и на непомерные расходы. Член профсоюза, располагающий врачебным свидетельством и прошедший предписанные инстанции, может попасть в самый современный санаторий, поехать на курорт в Крым, получить дорогое лучевое лечение, не затратив на это ни единой копейки. Человек, не состоящий в соответствующих организациях, может лишиться всего и умереть в лишениях, если он не в состоянии, как представитель новой буржуазии, купить себе все необходимое за тысячи рублей. Вещи, не обеспеченные коллективной организацией, требуют непропорциональной затраты сил. По этой причине нет «домашнего уюта». Но нет и кафе. Свободная торговля и свободная интеллигенция ликвидированы. Тем самым кафе лишены публики. Для решения всех дел, включая личные, остаются только контора и клуб. Здесь же человек действует по законам нового «быта» – новой среды, для которой существует только функция трудящегося в коллективе. Новые русские называют социальную среду единственным надежным воспитателем.

Для каждого московского жителя дни насыщены до предела. Заседания, комиссии каждый час проходят в конторах, клубах, на фабриках; для них часто не хватает места, их проводят в углу шумных редакций, за убранным столом в заводской столовой. Среди этих мероприятий происходит своего рода естественный отбор, они ведут борьбу за существование. Общество определенным образом проектирует их, планирует, их созывают. Но сколько раз это должно произойти, прежде чем одно из многих окажется удачным, жизнеспособным, соответствующим назначению, существующим. Ничто не происходит так, как это было устроено и как этого ожидали, – эта банальная характеристика жизненной реальности в каждом отдельном случае так неотвратимо и с такой силой доказывает свою правоту, что делает русский фатализм понятным. Если в коллективе постепенно проложит себе дорогу цивилизаторская расчетливость, то это скорее запутает все дело (в доме, где есть только свечи, жить проще, чем в доме, где есть электрическое освещение, но электростанция то и дело прекращает подачу тока). Чувство ценности времени отсутствует – несмотря на все попытки «рационализации» – даже в самой столице России. *«Труд»,* профсоюзный институт организации труда, проводил под руководством его директора Гастева агитационную кампанию за рациональное использование времени. С давних пор в Москве живет много часовщиков. Их чаще всего можно найти – по средневековому цеховому обычаю – на определенных улицах, Кузнецком мосту и на улице Герцена. Возникает вопрос, кому они, собственно, нужны. «Время – деньги» – для этого поразительного лозунга на плакатах потребовался авторитет Ленина; настолько чуждо русским такое отношение ко времени. Они растрачивают все. (Можно было бы сказать, что минуты дня них – словно опьяняющий напиток, которого им все мало, они хмелеют от времени.) Если на улице снимают кино, они забывают, зачем и куда они шли, часами сопровождают съемки и приходят на работу в полном смятении. Поэтому в том, что касается времени, русские дольше всего будут оставаться «азиатами». Однажды мне нужно было, чтобы меня разбудили рано утром: «Пожалуйста, постучите мне завтра в семь». Мои слова вызывают у *швейцара,* как здесь называют прислугу, следующий шекспировский монолог: «Если мы об этом помним, то будим, но если не помним, то не будим. Собственно, обычно мы помним, и тогда будим. Но, правда, иногда мы забываем тоже, если память подводит. Тогда мы не будим. Мы и не обязаны,

однако если вовремя спохватимся, то все же будим. И когда вам надо вставать? Вот сейчас запишем. Вот видите, кладу записку сюда, он ее заметит. Конечно, если он ее не заметит, то не разбудит. Но чаще всего мы будим». Основная единица времени – *«сейчас».* Это значит *«тотчас».* В зависимости от обстоятельств это слово можно услышать в ответ десять, двадцать, тридцать раз и часами, днями или неделями ждать обещанного. Как и вообще нелегко услышать в ответ «нет». Выявление отрицательного ответа – дело времени. Потому катастрофические потери времени, нарушение планов постоянно на повестке дня, как *«ремонт».* Они делают каждый час предельно напряженным, каждый день изматывающим, каждую жизнь – мгновением.

9

Поездка в московском трамвае – прежде всего тактическое упражнение. Здесь новичок, пожалуй, впервые учится приспосабливаться к странному темпу этого города и ритму его деревенского населения. Кроме того, поездка в трамвае дает уменьшенное представление о том, как теснейшим образом переплетаются техническая структура и примитивные формы организации жизни, обо всем этом всемирно-историческом эксперименте в новой России. Кондукторши стоят на своем месте в трамвае в шубах, словно самоедские женщины на своих санях. Упорная толкотня, напирание, ответные толчки при проникновении в чаще всего уже битком набитый вагон происходят молча и совершенно добродушно (я ни разу не слышал при этом ругательства). Настоящее испытание начинается, когда попадаешь внутрь. Через замерзшие стекла совершенно невозможно определить, где находится в этот момент трамвай. Но если это и удается выяснить, толку в этом не слишком много. Путь к выходу забит человеческими телами. Поскольку входят сзади, а выходить надо спереди, предстоит найти путь через эту массу. Чаще всего продвижение идет толчками, на основных остановках вагон освобождается почти полностью. Так что даже московский транспорт в значительной степени представляет собой массовый феномен. Например, можно наткнуться на целые санные караваны, перекрывающие вереницей улицу, потому что груз, для которого требуется грузовой автомобиль, нагружают на пять-шесть больших саней. В санях здесь первое дело – лошадь, второе – пассажир. Никаких излишеств. Мешок с кормом для жеребца, одеяло для пассажира – вот и все. На узкой скамье места не больше чем на двух человек, а так как спинки нет (если не считать таковой низкий край), то на

неожиданных поворотах приходится как следует следить за равновесием. Все рассчитано на самую быструю ходьбу; длинные поездки при холоде переносятся не слишком хорошо, и кроме того, расстояния в этой огромной деревне неизмеримы. Извозчик держится при езде у самого тротуара. Пассажир не восседает на санях, он не возвышается над остальными и задевает своим рукавом прохожих. Это тоже несравнимое ощущение для органов осязания. Если европеец при быстрой поездке наслаждается превосходством, господством над толпой, то москвич в маленьких санях смешивается с окружающими его людьми и вещами. Если же он везет с собой ящичек, ребенка или корзину – во всех этих случаях сани являются самым дешевым транспортным средством, – то он поистине втиснут в уличную жизнь. Не взгляд сверху: нежное, быстрое скольжение взгляда по камням, людям и лошадям. Чувствуешь себя, словно ребенок, скачущий на стульчике по квартире.

10

Рождество – праздник русского леса. На много недель он обосновывается на улицах с елками, свечами, елочными украшениями. Дело в том, что адвент православных христиан пересекается с рождественскими праздниками тех русских, которые отмечают их по западному, то есть по новому, государственному календарю. Нигде не встретишь так красиво убранных елок. Кораблики, птицы, рыбы, домики и фрукты заполоняют уличную торговлю и магазины, а музей кустарного искусства каждый год в это время проводит настоящую ярмарку, радуя глаз посетителя великолепием затейливых поделок такого рода. Вблизи уличного перекрестка я увидел женщину, торговавшую елочными украшениями. Желтые и красные стеклянные шары сверкали на солнце, напоминая корзину с яблоками, заколдованную добрым волшебником. Елки едут по городу на санях. Юные деревца с колючими иголками украшают только шелковыми лентами. Вот так, с голубыми, розовыми, зелеными косичками, они и стоят на углах улиц. О том, что рождественские игрушки приходят к нам из дремучего леса, дети знают и без Деда Мороза. Похоже, дерево оживает только в русских руках. Зеленея, оно и алеет, и золотится, и голубеет как небесная лазурь, и неожиданно темнеет. «Красный», «прекрасный» и «красивый» – в русском языке слова одного корня. Самое чудесное превращение происходит с русским лесом в русской печи, где ярко и жарко горят березовые и осиновые поленья. Никакого сравнения с нашими западными каминами. Жаром

напоено и дерево, которое строгает, режет, разрисовывает русский крестьянин. А когда на дерево ложится лак, огонь во всем своем многоцветье вдруг превращается в лед. Балалайка – желто-красная, детская гармошка – черная и зеленая, а на тридцати шести яйцах, каждое из которых, уменьшаясь, входит в другое, – оттенки всех мыслимых цветов. Довольно увесистые маленькие шкатулки внутри ярко-красные, а на черной блестящей крышке какая-нибудь картинка. При царе этот промысел угасал. Сегодня наряду с новыми сюжетами видишь окаймленные позолотой сцены и сценки из старинного деревенского быта. Уносится в глухую темень тройка борзых лошадей, девушка в ярко-голубом сарафане ждет ночью милого на опушке леса, где зеленым огнем полыхает калиновый куст. Нет темнее самой страшной ночи, чем эта почти осязаемая лаковая ночь, надежно укрывающая в своем лоне все, что рождается в ней. Я видел шкатулку с изображением женщины, сидя торгующей папиросами. Рядом с ней ребенок, он явно не прочь отведать ее товара. И здесь тоже не видно ни зги – кроме валуна справа и голого деревца слева от людей. «Моссельпром» написано на переднике женщины. Чем не советская «Мадонна с папиросами»?

11

Зелень – самая большая роскошь, которую может позволить себе зима в Москве. Но даже сверкай она изумрудом в витрине какого-нибудь магазинчика на Петровке, ей не сравниться с гирляндами бумажных гвоздик, роз и лилий, украшающих улицы. Только у них нет постоянного места на рынках. Сегодня их увидишь там среди снеди, завтра – меж тканей, а на третий день ими увешаны посудные лавки. В излучаемом ими свете меркнут любые краски. Эти цветы ярче свежей говядины, пестрой шерсти, блестящих подносов. На Новый год и букеты выглядят по-новому. Проходя по Страстной площади, я заметил длинные ивовые прутья с алыми, белыми, голубыми, зелеными лепестками. У каждой веточки был свой цвет. А что уж говорить о поистине героических рождественских розах!

Не налюбоваться и на гигантские шток-розы из абажуров, которые какой-то бородач-продавец несет перед собой, бодро шагая по улице. Цветами наполнены большие прозрачные шкатулки, а из цветов взирает на прохожих голова какого-нибудь святого. Не забыть и шерстяные крестьянские платки с синью узоров, точь-в-точь как те, что рисует на окнах домов мороз, заставивший, кстати, придумать и сами платки. Ну и, наконец, цветочные клумбы, полыхающие на тортах. Похоже, только в

Москве еще живет и здравствует наш сказочный «кондитер». Только здесь тебе предложат нечто сотканное из сахара, эдакие сладкие сосульки, которыми язык вознаграждает себя за причиненные ему морозом страдания. Всего теснее же узы между снегом и цветами в сахарной глазури. Вот где, кажется, наконец марципановая флора превращает в явь извечную мечту зимней Москвы расцветать и расцвести из белизны.

12

При капитализме власть и деньги стали сопоставимыми величинами. Любое количество денег конвертируется в определенное количество власти, так как не стоит больших усилий вычислить продажную стоимость любой власти. Таково общее правило. О коррупции может идти речь только в тех случаях, когда означенное превращение совершается кратчайшим путем. Надежно взаимодействуя, печать, государственные учреждения и тресты образуют распределительную систему, в пределах которой этот процесс протекает вполне легально. Советское государство разрушило сообщающиеся сосуды, один из которых можно назвать «деньгами», другой – «властью». Власть партия оставляет за собой, деньги же доверяет нэпману. Будучи на партийной работе, даже высшей, совершенно невозможно откладывать какие-либо деньги «на будущее», пусть даже только «для детей». Партия гарантирует своим членам самый скудный прожиточный минимум – она делает это непосредственно, без какого-либо обязательства. В то же время она контролирует прирост их заработка, установив верхний предел в 250 рублей ежемесячно. Больше можно получать только за счет гонораров, полученных помимо основной работы. Такова дисциплина господствующего класса. Однако для понимания его власти недостаточно знать, что он осуществляет государственное управление. Россия сегодня – не только классовое, но и кастовое государство. Кастовое государство – это значит, что социальная значимость гражданина определяется не представительной внешней стороной его существования – скажем, одеждой или жилищем, – а лишь исключительно его отношением к партии. Это имеет решающее значение и для всех, кто с ней непосредственно не связан. И для них возможность работы открывается тогда, когда они не становятся в демонстративную оппозицию к режиму. И среди них существуют тончайшие различия. Однако насколько преувеличены – или насколько устарели, – с одной стороны, западные представления о государственном подавлении инакомыслия в России, настолько мало известно, с другой

стороны, за границей о том ужасном остракизме, которому подвергается в российском обществе *нэпман.* Иначе нельзя было бы объяснить ту молчаливость и недоверчивость, которая ощущается не только по отношению к иностранцам. Если спросить малознакомого человека о самой незначительной пьесе, о не представляющем ничего особенного фильме, в ответ следует обычно стандартная фраза: «У нас говорят…» или: «У нас господствует мнение…» Прежде чем произнести суждение перед посторонними, его десять раз обдумают. Потому что в любой момент партия может мимоходом, неожиданно выразить свою позицию, и никто не хотел бы оказаться дезавуированным. Поскольку лояльные убеждения для большинства если и не единственное благо, но все же единственная гарантия прочих благ, каждый обращается со своим именем и своим голосом так осторожно, что граждане стран с демократической конституцией его не понимают. Разговаривают два хороших приятеля. В ходе разговора один говорит: «Михайлович был вчера у меня и хотел получить место в моей конторе. Он сказал, что знает тебя». «Он работящий товарищ, точный и прилежный». И они говорят о чем-то другом. Однако, перед тем как расстаться, первый говорит: «Не мог бы ты оказать мне такую любезность и дать о Михайловиче письменную справку?» Классовое господство подхватило символы, которые служили для характеристики его классового противника. Пожалуй, самый популярный среди них – джаз. То, что в России тоже любят джаз, неудивительно. Но танцевать под эту музыку запрещено: словно пеструю, ядовитую рептилию его держат, так сказать, за стеклом, и он появляется на сцене разве что как любопытный курьез. Но все же как символ «буржуя». Он принадлежит к числу тех примитивных атрибутов, с помощью которых в России в пропагандистских целях создается гротескный буржуазный типаж. По правде, типаж этот чаще всего лишь вызывает смех, за его пределами остается дисциплина и сильные стороны противника. В этом искаженном взгляде на буржуазию сказывается и националистический момент. Россией владели цари. (Более того, проходящий среди несметных сокровищ, собранных в кремлевских музеях, испытывает искушение сказать: вся Россия была их владением.) И вдруг народ стал их безмерно богатым наследником. Речь идет теперь о великом учете его человеческих и природных богатств. И к этой работе он приступает с сознанием, что уже справился с невероятно сложной задачей, отстояв во враждебном столкновении с половиной остального мира новый государственный строй. Восхищение этим национальным достижением объединяет всех русских. Именно это преобразование власти делает здешнюю жизнь настолько

насыщенной. Она настолько замкнута на себе и полна событий, бедна и в то же время полна перспектив, как жизнь золотоискателей в Клондайке. Только здесь сутра до вечера ищут власть. Вся комбинаторика основных форм жизни невероятно бедна в сравнении с бесчисленными вариациями ситуаций, в которые попадает в течение месяца отдельный человек. Конечно, в результате может возникнуть своего рода опьянение, так что жизнь без заседаний и комиссий, дебатов, резолюций и голосований (а все это войны или, по крайней мере, маневры стремления к власти) покажется просто невозможной. Что поделаешь – следующие поколения в России будут ориентированы на этот образ жизни. Однако его здоровье зависит от одной существенной предпосылки: не должно возникать (как это случилось даже с церковью) черной биржи власти. Если и в Россию проникнет европейское соединение власти и денег, то коммунизм в России обречен, страна же и, возможно, даже партия – нет. Здесь еще нет европейских понятий и потребностей потребления. Причины тому прежде всего экономические. Однако возможно, что к этому добавляется и мудрый замысел партии: провести выравнивание уровня потребления с Западной Европой, это испытание огнем для большевистской бюрократии, из которого она выйдет закаленной и полностью уверенной в победе.

13

В клубе красноармейцев в Кремле на стене висит карта Европы. Рядом рукоятка. Если ее покрутить, происходит следующее: одна за другой во всех местах, где в течение своей жизни побывал Ленин, загораются маленькие электрические лампочки.

В Симбирске, где он родился, в Казани, Петербурге, Женеве, Париже, Кракове, Цюрихе, Москве, вплоть до Горок, места, где он умер. Другие города на карте не отмечены. Контуры на этой рельефной деревянной карте спрямленные, угловатые, схематичные. Жизнь Ленина на ней похожа на колонизаторский поход по Европе. Россия начинает обретать свои очертания для человека из народа. На улице, в снегу сложены штабелями карты РСФСР, предлагаемые уличными торговцами. Мейерхольд использует карту в «Даешь Европу!» – на ней Запад представлен как сложная система русских полуостровов. Географическая карта близка к тому, чтобы стать центром новой русской культовой иконографии, подобно портрету Ленина. Совершенно определенно, что сильное национальное чувство, которое

большевизм подарил всем русским в равной степени, придало карте Европы новую актуальность. Люди стремятся обмерять, сравнивать и, возможно, предаваться тому восхищению размерами, в которое впадаешь от одного только взгляда на российскую территорию; можно только настоятельно порекомендовать гражданам разных стран посмотреть на свою страну на карте соседних государств, Германию на карте Польши, Франции, даже Дании; всем же европейцам – взглянуть на свою крошечную страну на карте России – на эту растянутую, нервозную территорию далеко на западе.

14

Как выглядит литератор в стране, где его заказчиком является пролетариат? Теоретики большевизма подчеркивают, насколько положение пролетариата в России после победоносной революции отличается от положения буржуазии в 1789 году. Тогда победивший класс, прежде чем власть оказалась в его руках, обеспечил себе господство над духовным аппаратом в ходе длившейся десятилетиями борьбы. Интеллектуальные структуры, образование были давно пронизаны идеями третьего сословия, и духовная борьба за эмансипацию предшествовала политической. В сегодняшней России ситуация совершенно иная. Для миллионов и миллионов неграмотных только предстоит заложить основы общего образования. Это общенациональная задача. Дореволюционное же образование в России совсем не отвечало специфике страны, было европейским. Необходимо найти равновесие между европейским характером более продвинутого образования и национальным – начального. Это одна сторона проблем образования. С другой стороны, победа революции ускорила европеизацию во многих областях. Есть же литераторы вроде Пильняка, которые видят в большевизме завершение дела Петра Великого. Что касается технической области, то там этот курс, несмотря на все кульбиты своих первых лет, рано или поздно, скорее всего, обеспечит успех. Иначе дело обстоит в области духовной и научной.

Теперь в России можно видеть, как европейские ценности популяризируются как раз в той искаженной, безрадостной форме, которой они в конечном итоге обязаны империализму. Второй академический театр – учреждение, поддерживаемое государством, – играет «Орестею» так, что пыльный эллинский дух предстает столь же лживо-напыщенным, как и на сцене какого-нибудь немецкого придворного театра. И поскольку эта мраморная поза не только сама по себе отдает мертвечиной, но и

к тому же представляет собой копию придворного театра в революционной Москве, она производит еще более тягостное впечатление, чем в Штутгарте или Ангальте. А Российская академия наук избрала своим членом такого человека, как Вальцель, – посредственного представителя новейшей эстетской профессуры. Возможно, единственные культурные отношения с Западом, к которым Россия проявляет живое участие и которые поэтому могут быть плодотворны, это отношения с Америкой. В противоположность этому культурное «сближение» как таковое (без фундамента совершенно конкретной экономической, политической общности), в интересах пацифистской разновидности империализма, идет на пользу лишь кипучим болтунам и является для России реставративным явлением. Страна отделена от Запада не столько границами и цензурой, сколько интенсивностью бытия, не имеющего аналога в Европе. Точнее говоря: контакты с заграницей идут через партию и касаются в основном политических вопросов. Старая буржуазия уничтожена, новая ни материально, ни духовно не в состоянии наладить отношения с заграницей. В России, несомненно, знают о заграницe гораздо меньше, чем за границей (пожалуй, за исключением романских стран) знают о России. Если крупная российская величина называет разом Пруста и Броннена как авторов, заимствующих свои мотивы из области сексуального, то становится ясно, в какой упрощенной перспективе видят здесь то, что происходит в Европе. Если же один из ведущих российских авторов называет Шекспира в числе великих писателей, творивших до изобретения книгопечатания, то такой недостаток образования может быть понятен только исходя из совершенно иной ситуации русской литературы. Тезисы и догмы, которые в Европе – правда, не ранее последних двух столетий – считаются в литературной среде чуждыми культуре и не подлежащими обсуждению, являются в России в критической и писательской деятельности решающими. Самым главным считаются тенденция и содержание. Формальные проблемы играли еще в период гражданской войны порой немаловажную роль. Сейчас о них не вспоминают. А сегодня официально признанной является концепция, что революционная или контрреволюционная позиция произведения определяется содержанием, а не формой. Такими концепциями литератор так же безнадежно лишается основы существования, как в материальной области это сделала экономика. В этом Россия опережает Запад – однако не на так много, как думают. Потому что рано или поздно вместе со средним сословием, исчезающим в жерновах капитала и труда, исчезнет и «свободный» писатель. В России этот процесс

завершен: интеллигент здесь прежде всего функционер, работающий в цензурном, юридическом или финансовом управлении, где ему не дают пропасть, он причастен труду, а в России это значит – власти. Он представитель господствующего класса. Наиболее продвинутой литературной организацией является РАПП, Российская ассоциация пролетарских писателей. Она поддерживает идею диктатуры и в области духовного творчества. Тем самым она отвечает российской реальности: перевод духовных средств производства в разряд обобществленных лишь иллюзорно может быть отделен от аналогичных процессов в материальной области. Первоначально пролетарий может получить доступ к тем и другим средствам только под защитой диктатуры.

15

То и дело натыкаешься на трамваи, расписанные изображениями предприятий, митингов, красных полков, коммунистических агитаторов. Это подарки, сделанные коллективом какого-нибудь предприятия московскому совету. На трамваях движутся единственные политические плакаты, которые можно увидеть сейчас в Москве. Но они и самые интересные. Потому что такую беспомощную рекламу, как здесь, не найдешь нигде. Убогий уровень рекламных изображений – единственное сходство между Парижем и Москвой. Бесчисленные ограды церквей и монастырей предоставляют наилучшие площади для плакатов. Однако конструктивисты, супрематисты, абстракционисты, поставившие в период военного коммунизма свое искусство на службу революции, давно отстранены от дел. Сегодня от художников требуют лишь банальной ясности. Большинство этих плакатов отталкивают западного человека. В то же время московские магазины действительно привлекательны; в них есть что-то от трактиров. Вывески выступают, расположенные перпендикулярно к стене дома, как разве что эмблемы старинных гостиниц, как значки парикмахера или цилиндр как эмблема шляпной мастерской. Встречаются иногда и симпатичные, неиспорченные мотивы: башмаки, выпадающие из корзины, одну из сандалий уносит в зубах собака. Перед входом в турецкое заведение соответствующее изображение: господа в фесках сидят за столиками. Для неискушенного человека реклама все еще связана с рассказом, с примером или анекдотом. Западная реклама, напротив, убеждает в первую очередь тем, что демонстрирует, на какие затраты способна пойти фирма. Здесь же почти каждая надпись указывает на товар. Ошеломляющие

лозунги чужды здешней торговле.

В городе, столь изобретательном в создании всякого рода сокращений, нет самого простого: названия фирмы. Часто вечернее небо Москвы вспыхивает пугающей синевой: это вы, не заметив, взглянули через огромные синие очки, нависающие над оптическим магазином, словно указатель. Из подворотен, у обрамлений порталов на прохожих черными, синими, желтыми и красными буквами, в виде стрелки, в виде выглаженного белья, стоптанной ступенькой или солидным крыльцом обрушивается молчаливо напряженная, полная борьбы жизнь. Нужно проехать по улицам на трамвае, чтобы увидеть, как эта борьба продолжается через все этажи, чтобы в конце концов достичь кульминации на крышах. До этого уровня доходят лишь самые сильные, самые молодые лозунги и символы. Только с самолета можно увидеть индустриальную элиту города, кино– и автопромышленность. Однако чаще всего крыши Москвы – безжизненная пустыня, на них нет ни бегущих световых надписей Берлина, ни леса каминных труб Парижа, ни солнечного уединения южных больших городов.

16

Кто впервые войдет в русскую классную комнату, в ошеломлении остановится. Ее стены покрыты картинками, рисунками и картонными моделями. Это стены храма, которые дети изо дня в день украшают своими произведениями как подношениями коллективному духу. Красный цвет преобладает; повсюду советские эмблемы и изображения Ленина. Похожее можно видеть во многих клубах. Настенные газеты представляют собой схемы тех же коллективных форм выражения, только для взрослых. Они были рождены нуждой времен гражданской войны, когда во многих местах не было ни газетной бумаги, ни типографской краски. Сегодня они обязательная часть общественной жизни предприятий. В каждом ленинском уголке есть стенгазета, вид которой различен в зависимости от предприятия и авторов. Постоянен лишь наивный радостный настрой: цветные картинки, а между ними – прозаический или стихотворный текст. Стенгазета – это хроника коллектива. Она приводит статистические данные, но в ней есть и шутливая критика отдельных товарищей, тут рационализаторские предложения и призывы к акциям солидарности. Помимо этого лозунги, предостережения и учебные плакаты покрывают стены ленинского уголка. Даже на рабочем месте каждый словно окружен пестрыми плакатами, заклинающими аварии. На одном

из них изображено, как рука рабочего попадает между спицами приводного колеса, на другом – как пьяный рабочий вызывает короткое замыкание и взрыв, на третьем – как колено рабочего попадает между движущимися частями машины. В библиотеке красноармейцев висит доска, на которой короткий текст со множеством замечательных рисунков объясняет, как много способов портить книги существует на свете. В сотнях тысяч экземпляров по всей России распространен плакат, посвященный введению метрической системы мер, принятой в Европе. Метр, литр, килограмм должны быть выставлены на обозрение в каждой столовой. В читальне крестьянского клуба на Трубной площади стены также покрыты наглядными материалами. Сельская хроника, развитие сельского хозяйства, производственная техника, культурные учреждения отражены в графиках, рядом инструменты, части машин, реторты с химическими веществами по всем стенам. Я с любопытством подошел к одной из консолей, с которой на меня, ухмыляясь, смотрели два негритянских лица. Однако при ближайшем рассмотрении они оказались противогазами. Раньше в здании клуба находился один из лучших ресторанов Москвы. Прежние отдельные кабинеты стали спальнями для крестьян и крестьянок, получивших *«командировку»* в город. Здесь они посещают музеи и казармы, курсы и образовательные вечера. Иногда бывает дидактическая театральная постановка в форме судебного процесса. Тогда около трехсот человек, сидящих и стоящих, заполняют задрапированный красным зал до последнего уголка.

В нише – бюст Ленина. Процесс проходит на сцене, по краям которой нарисованы представители крестьянства и промышленных рабочих, символизирующих «*смычку*», единство города и деревни. Только что закончили заслушивать свидетельские показания, слово берет эксперт. У него вместе с ассистентом маленький столик, напротив – столик адвоката, оба торцом к публике. В глубине, обращенный к публике, – стол судьи. Перед ним сидит, одетая в черное, обвиняемая крестьянка и держит в руках толстый сук. Ее обвиняют в знахарстве, приведшем к смерти. Из-за ее ошибочных действий при родах погибла женщина. Аргументация выступающих обрамляет это дело монотонными, простыми ходами мысли. Эксперт дает заключение: смерть роженицы наступила в результате вмешательства знахарки. Адвокат же защищает обвиняемую: отсутствует злой умысел, в деревне плохо обстоит дело с медицинской помощью и санитарным просвещением. Заключительное слово обвиняемой: *ничего*, такое случалось и раньше. Прокурор требует смертной казни. Затем председатель

обращается к присутствующим: есть вопросы? Но на эстраде появляется только один комсомолец и требует беспощадного наказания. Суд удаляется для совещания. После короткого перерыва следует приговор, который выслушивают стоя: два года тюрьмы с учетом смягчающих обстоятельств. Одиночное заключение не предусмотрено.

В заключение председатель в свою очередь указывает на необходимость создания в сельской местности гигиенических и образовательных центров. Такие демонстрации тщательно готовятся; об импровизации в этом случае не может быть и речи.

Не может быть более действенного средства для того, чтобы воспитывать массы в вопросах морали в духе партии. Предметом таких разбирательств становятся то пьянство, то растрата, то проституция, то хулиганство. Строгие формы такой воспитательной работы полностью соответствуют советской жизни, являются отражением бытия, требующего сто раз на дню определить свою позицию по тому или иному вопросу.

17

У московскихулиц есть одна своеобразная особенность: в них прячется русская деревня. Если войти в одну из больших подворотен – часто в них есть железные кованые ворота, но я ни разу не видел их закрытыми, – то оказываешься на околице большого поселка. Широко и привольно распахивается усадьба или деревня, здесь нет мостовой, дети катаются на санках, сарайчики для дров и инвентаря заполняют углы, деревья растут без всякого порядка, деревянные крылечки придают дворовой части домов, которые с улицы выглядят по-городскому, вид русского деревенского дома. В этих дворах часто расположены церкви, совсем как на просторной деревенской площади. Так улица получает еще одно – сельское – измерение.

Нет такого западного города, который на таких огромных площадях производил бы такое деревенски-аморфное впечатление, к тому же словно расквашенное плохой погодой, тающим снегом или дождем. Почти ни на одной из этих широких площадей нет памятника. (В то же время в Европе нет почти ни одной площади, потайная структура которой не была бы профанирована и разрушена в XIX веке памятником.) Как и любой другой город, Москва создает внутри себя с помощью имен весь мир в миниатюре. Тут есть казино под названием «Альказар», гостиница «Ливерпуль», пансион «Тироль». До мест занятия зимним спортом нужно добираться с полчаса. Хотя конькобежцев, лыжников можно встретить в городе повсюду, ледяная дорожка

для саней расположена ближе к его центральной части. Здесь ездят на санях самой различной конструкции: от простой доски, к которой спереди прикреплены коньки, а задняя часть шурша скользит по снегу, до самых комфортабельных бобслейных саней. Нигде Москва не выглядит как сам город, разве что как городская территория. Грязь, дощатые хибарки, длинные обозы, груженные сырьем, скотину, которую гонят на бойню, плохонькие трактиры можно встретить в самых оживленных частях города. Город еще полон деревянными домиками, в том самом славянском стиле, какие можно встретить повсюду в окрестностях Берлина. То, что выглядит безрадостно как бранденбурская каменная архитектура, привлекает здесь яркими красками на теплом дереве. В предместьях вдоль широких аллей деревенские дома перемежаются с виллами в стиле модерн или строгим фасадом восьмиэтажного дома. Снег лежит толстым слоем, и если становится тихо, то можно подумать, будто находишься в глубине России, в погруженной в зимний сон деревне. Привязанность к Москве ощущаешь не только из-за снега, поблескивающего звездочками в ночи и играющего узорами снежинок днем. Виновато в этом и небо. Потому что линия горизонта далеких полей то и дело прорывается в город между горбатыми крышами. Да к тому же недостаток жилья в Москве создает удивительный эффект. Когда начинает темнеть, то видишь, гуляя по улицам, что почти каждое окно в больших и маленьких домах ярко освещено. Если бы их сияние не было таким неравномерным, можно было решить, что это иллюминация.

18

Церкви почти умолкли. Город почти свободен от колокольного звона, распространяющего по воскресеньям над нашими городами такую глубокую печаль. Но в Москве нет еще, пожалуй, ни одного места, с которого не была бы видна по крайней мере одна церковь. Точнее говоря: которое не было бы под надзором по крайней мере одной церкви. Подданные царей были окружены в этом городе по крайней мере четырьмя сотнями церквей и часовен, то есть двумя тысячами куполов, скрывающихся в уголках, перекрывающих друг друга, выглядывающих из-за стен. Он был среди архитектурной *охраны.* Все эти церкви сохраняли свое инкогнито. Нигде нет вонзающихся в небо высоких колоколен. Лишь со временем привыкаешь воспринимать длинные стены и нагромождение низких куполов как церкви монастыря. И становится ясно, почему Москва во многих местах кажется закрытой, словно крепость:

монастыри и сегодня хранят следы древнего предназначения – быть укреплениями. Здесь Византия с ее тысячей куполов не предстает чудом, каким она грезится европейцу. Большинство церквей возведены по невыразительному и слащавому шаблону: их синие, зеленые и золотые купола – это засахаренный Восток. Когда входишь внутрь, то сначала попадаешь в просторную прихожую с несколькими изображениями святых. Помещение мрачное, в его полумраке могут созревать заговоры. В таких местах можно совещаться о самых сомнительных вещах, при случае даже и о погромах. Дальше следует единый зал для богослужения. В глубине – пара лестниц, ведущих на узкое возвышение, по которому движутся вдоль изображений святых, иконостаса. За алтарем следует, на небольшом расстоянии, еще алтарь, слабый красный огонек отмечает каждый из них. По бокам располагаются большие иконы. Все части стены, не покрытые изображениями, украшены сверкающим листовым золотом. С аляповато разрисованного потолка свисает хрустальная люстра. Однако всегда только свечи освещают помещение, получается гостиная с освященными стенами, перед которыми происходит церемония. Входящие приветствуют большие иконы крестным знамением, затем опускаются на колени и кланяются, так чтобы лоб касался земли, и, снова крестясь, молящийся или кающийся обращается к соседу. Перед маленькими застекленными иконами, которые вместе или поодиночке лежат на пюпитрах, на колени не встают. Над ними наклоняются и целуют стекло. На таких пюпитрах рядом с ценнейшими древними иконами бывают серии совершенно невозможных олеографий. Многие изображения святых располагаются снаружи, на фасаде и поглядывают сверху, с карниза под жестяным козырьком, словно спрятавшиеся от непогоды птицы. Их склоненные головы с выпуклыми лбами полны скорби. Византия, похоже, не знала особой формы для церковных окон. Завораживающее впечатление, к которому никак не можешь привыкнуть: мирские, ничем не примечательные окна выходят из главного помещения церкви, с колоколен на улицу, словно это жилые дома. Позади живет православный священник, словно бонза в своей пагоде. Нижняя часть храма Василия Блаженного могла бы быть основанием роскошного боярского дома. Если же вступать на Красную площадь с запада, купола собора постепенно поднимаются на небе, словно скопление огненных светил. Это здание все время словно отодвинуто вглубь, и застать его врасплох можно разве что с самолета, от которого его строители не подумали обезопаситься. Внутренние помещения собора не только очищены, но и выпотрошены, словно

это охотничья добыча. (Иначе, видимо, и не могло быть, ведь еще в 1920 году здесь еще молились с фанатическим исступлением.) С исчезновением всего инвентаря пестрый растительный орнамент, покрывающий стены всех переходов и залов, оказался безнадежно обнаженным; несомненно, более ранняя роспись, которая кое-где во внутренних покоях будила в памяти цветные спирали куполов, искажает орнамент, превращая его в безрадостные завитушки рококо. Сводчатые переходы узки, они внезапно расширяются, обнаруживая алтарные ниши и часовни, в которые проникает через расположенные сверху окошки так мало света, что отдельные предметы церковной утвари, все же оставшиеся в храме, с трудом можно разобрать. Многие церкви стоят так, неухоженные и опустевшие. Но огни, которыми еще немногие алтари освещают уличный снег, сохранились в торговых городках, среди деревянных палаток. В их заснеженных рядах тишина. Слышен только тихий говорок торгующих одеждой евреев, расположившихся рядом с развалом торговки бумажными изделиями, которую не сразу разглядишь, восседающую за серебряными цепями, с лицом, скрытым канителью и ватными дедами морозами, словно у восточной женщины – чадрой.

19

Даже самый напряженный московский день обладает двумя координатами, которые определяют восприятие каждого его момента как ожидания и исполнения. Это вертикаль трапез и вечерняя горизонталь театральных представлений.

И то и другое никогда не бывает сильно удалено. Москва полна соответствующих заведений и театров. Торговцы сладостями бродят по городу. Многие большие продовольственные магазины закрываются лишь к одиннадцати часам вечера, а на углах к этому времени открываются чайные и пивные. *«Чайная», «Пивная»* – чаще всего и то и другое – написано на вывесках с фоном, постепенно и угрюмо переходящим от глухой зелени вверху к грязной желтизне внизу. К пиву дают своеобразную закуску: маленькие кусочки сухого белого и черного хлеба, покрытые соленой коркой, и сухой горох в соленой воде. В определенных пивных можно не только получить такое угощение, но и развлечься примитивной «*инсценировкой*». Так называют эпическое или лирическое литературное произведение, переработанное для театра. Часто это кое-как разделенные на хоровые партии народные песни. В сопровождающих их народных оркестрах наряду с гармошками и скрипками можно услышать и такой инструмент, как счеты (они есть во всех магазинах и

конторах; простейшие расчеты без них немыслимы). Теплая опьяняющая волна, накрывающая посетителя при входе в эти заведения, возникающая от горячего чая, от острой *закуски* – самое сокровенное наслаждение московской зимы. Поэтому тот, кто не был в Москве зимой, не знает ее вообще. Ведь любую местность надо познавать в то время года, когда проявляются ее климатические крайности. К ним приспособлена местная жизнь, и лишь по этому укладу ее можно понять. В Москве жизнь зимой на одно измерение богаче. Пространство меняется в буквальном смысле в зависимости от того, теплое оно или холодное. Жизнь на улице идет как в замерзшем зеркальном кабинете, всякая остановка и раздумье даются с невероятным трудом. Требуется полдня готовиться к тому, чтобы бросить надписанное письмо в почтовый ящик, и необходимо волевое усилие чтобы, несмотря на суровый холод, зайти в магазин за покупкой. Но если удалось попасть в кафе или закусочную, то неважно, что на столе – водка, которую здесь настаивают на травах, пирог или чашка чая: тепло превращает само текущее время в опьяняющий напиток. Утомленный поглощает его как мед.

20

В день смерти Ленина многие появляются с траурными повязками. По всему городу по крайней мере на три дня приспускают флаги. Однако многие флажки с черной повязкой остаются висеть неделю или две. Российский траур по мертвому вождю безусловно не сравнить с поведением других народов в такие дни. Поколение, прошедшее гражданскую войну, стареет, если не от времени, то от испытанного напряжения. Похоже, что стабилизация внесла и в их жизнь спокойствие, порой даже апатию, какие появляются обычно лишь в достаточно преклонном возрасте. Команда «стоп», которую партия вдруг дала военному коммунизму, введя НЭП, была серьезнейшим ударом, сбившим с ног многих бойцов партийного движения. Тысячи сдали тогда партбилеты. Известны случаи такого разложения, когда за несколько недель твердые испытанные партийные кадры превращались в растратчиков. Траур по Ленину для большевиков одновременно и траур по героическому коммунизму.

Те несколько дней, которые отделяют нас от него, для русского сознания – долгий срок. Деятельность Ленина настолько ускорила ход событий в его эру, что его личность быстро стала историей, его образ стал видеться отдаленным. Однако в историческом восприятии – в этом его отличие от пространственного – удаление означает не уменьшение, а

увеличение. Сейчас действуют другие приказы, чем во времена Ленина, хотя лозунги остались те же. Каждому коммунисту разъясняют, что революционная работа настоящего времени – не борьба, не гражданская война, а строительство каналов, электрификация и индустриализация. Революционная сущность настоящей техники проявляется все более очевидно. Как и все, происходит это (с полным основанием) именем Ленина. Это имя становится все более значительным. Показательно, что в трезвом и скупом на прогнозы отчете английской профсоюзной делегации сочли необходимым упомянуть, что, «когда память Ленина обретет свое место в истории, этот великий русский революционный реформатор может быть даже объявлен святым». Уже сегодня его культ простирается безгранично, далеко. Есть магазин, торгующий его изображениями как особым товаром во всех размерах, позах и материалах. Его бюст стоит в ленинских уголках, его бронзовые статуи или рельефы есть в крупных клубах, портреты в натуральную величину – в конторах, небольшие фотографии – на кухнях, в прачечных, в кладовых. Его изображение есть в вестибюле *Оружейной палаты* в Кремле, подобно тому как на прежде безбожном месте обращенные язычники устанавливают крест. Постепенно вырабатываются канонические черты этого изображения. Широко известное изображение Ленина-оратора – наиболее частое. Но все же еще более эмоциональным и близким оказывается, пожалуй, другое: Ленин за столом, склонившись над «Правдой». Такое пристальное внимание к эфемерному газетному листу проявляет диалектический заряд его сущности: взгляд безусловно обращен в будущее, но сердце его неустанно заботится о том, что происходит в настоящий момент.

Русские игрушки [7]

Изначальные истоки игрушек всех народов заключены в домашнем производстве. Примитивный набор образов народных низов, крестьян и ремесленников, как раз и образует надежную основу развития детской игрушки вплоть до современности. И в этом нет ничего удивительного. Ведь игрушка воплощает для ребенка дух творения, весь процесс производства, а не только его результат, и совершенно естественно, что он понимает произведение примитивного изготовления гораздо лучше, чем изделия сложной индустриальной технологии. Между прочим, поэтому современная тенденция изготовления «примитивных» детских игрушек не лишена рационального зерна. Беда только в том, что наши деятели прикладного искусства слишком часто забывают, что примитивными для ребенка являются не конструктивные, схематические формы, а все устройство его куклы или его собачки, в той мере, в какой он может представить себе, как они сделаны. Именно это хочется ему узнать, именно благодаря этому и возникает у него живая связь со своими вещами. Раз это в игрушках – главное, то можно с полным правом утверждать, что из всех европейских народов только немцы и русские обладают подлинным талантом создания игрушек.

С давних пор известны, и не только в Германии – немецкая индустрия игрушек наиболее интернационализована, – крошечные кукольные и животные миры, крестьянские комнаты в спичечном коробке, Ноев ковчег и овчарни, которые производят в деревнях Тюрингии и Рудных гор, а также в окрестностях Нюрнберга. Что же касается русской игрушки, то она в общем-то неизвестна. Ее производство мало затронуто индустриализацией, и за пределами России едва ли известно что-либо кроме стереотипной «бабы», разукрашенной деревянной конусообразной фигуры, изображающей крестьянку.

В действительности же русская игрушка – самая богатая, самая разнообразная. 150 миллионов, населяющих страну, делятся на сотни народностей, и все эти народы обладают в большей или меньшей степени примитивным, в большей или меньшей степени изощренным искусством. Следовательно, существуют игрушки в сотнях вариантов образного языка, из самого различного материала. Дерево, глина, кость, ткань, бумага, папье-маше используются в чистом виде или в сочетании друг с другом. Дерево при этом – самый важный материал. Почти повсюду в этой стране больших лесов достигли несравненного мастерства в его обработке: резьбе, раскрашивании, лакировке.

От простых петрушек из белой и мягкой ивовой древесины, от натуралистичных фигурок коров, свиней, овец до искусно расписанных сверкающими красками лакированных шкатулок, на которых изображены крестьянин на тройке, селяне у самовара, жницы и лесорубы за работой, и вплоть до огромных скульптурных изображений древних сказаний и легенд, деревянные игрушки заполняют магазин за магазином на самых престижных улицах Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы. Самая большая коллекция собрана в московском Музее игрушки. Три шкафа в музее заполнены глиняными игрушками из Северной России. Крестьянская, грубоватая внешность этих кукол из Вятской губернии находится в определенном контрасте с их чрезвычайно хрупкой субстанцией. Но они успешно проделали дальний путь. И хорошо, что они нашли в московском музее надежное убежище. Ибо кто знает, сколько еще сможет противостоять этот реликт народного искусства победному наступлению техники в сегодняшней России. Говорят, что спрос на эти изделия, по крайней мере в городах, уже сходит на нет. Но там, на севере, у себя на родине, они еще живут, в крестьянской избе свободными от работы вечерами их по-прежнему лепят, раскрашивают яркими красками и обжигают.

Как выглядит театральный успех в России [8]

Театральная критика, являющаяся в Европе инструментом влияния на публику, представляет собой в России средство ее организации. Мне довелось побеседовать в Москве об этой функции театральной критики с человеком, в этих делах компетентным. Скорее, это была не беседа, а обмен точной информацией. Во всяком случае, для меня была важна не дополнительная экзотическая краска в картине духовной жизни Москвы, а как можно более точное понимание того, как создается театральный успех в России. Никто не знает этого лучше, чем мой собеседник, Билль-Белоцерковский, автор «Шторма». Эта пьеса была не только крупнейшим театральным успехом в истории русского советского театра, но и первым успехом, выпавшим на долю чисто политической драмы. Впрочем, кое-что объединяло его со многими успешными постановками в Западной Европе: специалисты были непоколебимо уверены в провале. Я сам видел пьесу Белоцерковского несколько лет назад в Москве. «Шторм» – ряд сцен, показывающих революцию в провинции. Как же была использована энергия, рождаемая каждой успешной постановкой и часто растворяющаяся у нас в тяге к развлечению? То, что она нашла применение, доказывается результатом. В «Шторме» положено начало новому русскому натурализму, – натурализму, отражающему, если можно так сказать, не столько среду или психологию, сколько политическую ситуацию. Сразу же скажем: участие профессиональной критики во всем этом было ничтожным.

В России нет авторитетных критиков, по крайней мере театральных. Это не случайно. Почему это так, скоро стало ясно. Пожалуй, нигде в литературной деятельности политический накал не проявляется с такой откровенностью, как в театре.

Его выразителем является публика. В такой и без того политизированной стране, как Россия, единичному человеку нечего и пытаться управлять этой энергией только потому, что он рецензент. Поэтому и случается, что время от времени, в какой-либо из важных поворотных моментов, слово берут непосредственно крупные теоретики, например, Бухарин высказывается в «Правде» по поводу мейерхольдовской инсценировки; такое выступление оказывает воздействие. Но журналисты, пишущие о театре, практически никакого влияния не оказывают. Место критики заступает выражение – поначалу

спонтанного и бессловесного – приговора масс. После завершения первой постановки театр еще час-два остается открытым, тут же происходят дебаты об увиденном. Это не премьерная сенсация. Стремление зафиксировать впечатление, прояснить его, оживить приняло организованную форму и нашло выражение в опросах, проводимых каждый вечер после важнейших постановок. Вопросы анкет, на которые отвечают зрители, различны в зависимости от театра и постановки и образуют широкий спектр от простейших: «Как вам понравилась пьеса?» до более тонких: «Как бы вы закончили пьесу?» Не говоря уже о вопросах, в которых затрагиваются идеологически-эстетические моменты, предлагается оценить игру актеров и работу режиссера. Подписывать анкеты не обязательно, но требуется указать, к какому классу причисляет себя отвечающий. Выдержки из таких анкет публикуются различными театрами. Но и здесь мы не имеем дела с окончательным отражением общественной критики. Такую критику представляют, судя по всему, сообщения рабочих корреспондентов, *рабкоров,* высказывающихся в ежедневных газетах, в профсоюзных и фабричных изданиях от имени фабричных ячеек. Таких корреспондентов в Москве сейчас 1200. Их позиция может оказаться решающей, но, в свою очередь, только потому, что они доступны общественному контролю. *Рабкоры* устраивают в кругу, на который они оказывают непосредственное влияние, дискуссии – так называемые «судилища» над пьесами, – на которые приглашаются люди из театра, прежде всего драматург. Здесь у него есть возможность пояснить свой замысел непосредственно перед рабочей публикой, чтобы получить от нее заряд новых идей. Влияние *рабкоров,* их агитация за или против пьесы стали в конце концов так значимы, что некоторые театры уже предпочли сначала удостовериться в их поддержке, прежде чем приступать к репетициям. Конечно, их вето не является окончательным, но театры по большей части стараются найти компромисс и с самого начала учесть их критику.

О положении русского киноискусства [9]

Наивысшие достижения российской киноиндустрии удобнее наблюдать в Берлине, чем в Москве. В Берлин попадает уже избранное, в Москве же этот отбор приходится делать самому. При этом найти советчика нелегко: русские довольно некритично относятся к собственному кино. (Например, известно, что большой успех «Потемкина» был решен в Германии.) Причина такой неуверенности в оценке: отсутствие европейского масштаба для сравнения. Хорошие иностранные фильмы в России видят редко. Занимаясь приобретением фильмов, правительство полагает, что для конкурирующих мировых фирм российский рынок настолько важен, что они будут готовы посылать туда по сниженной цене своего рода рекламные образцы.

В результате такой политики хорошие, дорогие фильмы, разумеется, до страны не доходят. Для отдельных русских кинохудожников неинформированность публики не лишена своей привлекательности. Ильинский очень неряшливо копирует Чаплина и слывет за комика, потому что сам Чаплин здесь неизвестен.

Более серьезно и основательно влияют на уровень среднего фильма внутренние российские условия. Получить подходящий сценарий нелегко, потому что тематика подлежит строгому контролю. Наибольшими цензурными свободами пользуется в России литература. Гораздо пристальнее следят за театром и более всего за кино. Эта шкала прямо пропорциональна зрительской массе. При существующем режиме наибольшие достижения связаны с изображением событий русской революции, фильмы, посвященные более далекой истории, относятся к разряду полной посредственности, а о комедиях, если подойти к ним с европейскими мерками, вообще говорить нечего. Суть трудностей, переживаемых в данный момент русскими кинематографистами, заключается в том, что публика все меньше и меньше следует за ними в ту область, где они действительно сильны, политическую драму времен гражданской войны. Политико-натуралистический период русского кино достиг около полутора лет назад своей кульминации, породив поток напряженных фильмов, полных смертей и ужаса.

Эти темы уже потеряли былую привлекательность. Везде господствует стремление к внутреннему умиротворению.

Кино, радио, театр отходят от всякой пропаганды.

Попытка овладеть мирной тематикой породила странный технический прием. Поскольку по политическим и

художественным причинам экранизация великих русских романов по большей части не представляется возможной, из них заимствуют отдельных известных персонажей и «вставляют» их в современное, заново придуманное действие. Персонажей заимствуют у Пушкина, Гоголя, Гончарова, Толстого, часто сохраняя их имена. С особым пристрастием это новое русское кино обращается к Дальнему Востоку России. «Для нас, – словно хотят этим сказать, – “экзотики” не существует». Дело в том, что это понятие считается элементом контрреволюционной идеологии колонизаторов. Романтическое понятие «далекого Востока» в России применения не находит. Для нее Восток близок и экономически тесно с ней связан. Одновременно это значит: мы не зависим от других стран и чужих условий – ведь Россия занимает шестую часть мира! Все земное у нас есть на нашей территории.

И вот сейчас создан киноэпос о новой России, «Шестая часть мира». Однако главную задачу – показать через характерные картины всю громадину России в ее преображении в условиях нового общественного порядка – режиссер Вертов не решил. Киноколонизация России провалилась, зато блестяще удалась демаркация границы с Европой. С нее начинается этот фильм.

В доли секунд следуют друг за другом кадры рабочих мест (вращающиеся коленчатые валы, сборщики урожая, транспортные рабочие) и увеселительных заведений мира капитала (бары, танцплощадки, клубы). Из критических социальных фильмов последних лет взяты отдельные, крошечные фрагменты (часто только деталь ласкающей руки или танцующие ноги, часть изящной прически или линия шеи, украшенной колье) и смонтированы так, что они постоянно перебивают изображения занятых тяжким трудом пролетариев. К сожалению, фильм быстро отказывается от этой схемы, чтобы перейти к описанию народов и земель России, их связь с соответствующим экономическим базисом намечена слишком схематично. Насколько работа лишена четких ориентиров, доказывает уже то обстоятельство, что изображения кранов, рычагов и трансмиссий сопровождается игрой оркестра, исполняющего мотивы из «Тангейзера» и «Лоэнгрина». Тем не менее эти съемки характерны для стремления сделать так, чтобы сама жизнь создавала фильмы, без декораций и актерской игры. Съемка ведется скрытой камерой. Если непосвященные люди перед декорацией принимают какие-то позы, то их на самом деле снимают некоторое время спустя, когда они думают, что все уже закончилось. Хороший новый лозунг «Долой маски!» нигде не получил такого полного воплощения, как в русском кино.

Поэтому и значение кинозвезд в нем совершенно незначительное. В нем подбирают не одного актера на все случаи жизни, а типажи, требующиеся в той или иной ситуации. Предлагаются и еще более радикальные решения. Эйзенштейн, режиссер «Потемкина», готовит фильм из жизни крестьян, в котором вообще не будет профессиональных актеров.

Крестьяне – не только один из наиболее интересных объектов, но и важнейшая публика русского кино как средства просвещения. С помощью кино им пытаются разъяснить основы исторических, политических, технических и санитарно-гигиенических знаний. Однако при этом возникают трудности, решения которых пока нет. Крестьянское восприятие принципиально отличается от восприятия городских масс. Например, выяснилось, что сельская публика не в состоянии следить за двумя параллельными действиями, как это часто встречается в каждом фильме. Она следит только за одной-единственной последовательностью изображений, которые должны быть хронологически организованы, как трагическая история, рассказываемая уличным певцом. После того как неоднократно обнаруживалось, что сельская публика воспринимает серьезные места как нечто невероятно комичное, а комические, напротив, – серьезно, почти со слезами, началось специальное производство фильмов для передвижных кинотеатров, проникающих до самых крайних рубежей России к народам, которые никогда не видели ни городов, ни современной техники. Воздействие кино и радио на такие коллективы представляет собой один из величайших экспериментов по этнической психологии, проходящих сейчас в гигантской лаборатории под названием Россия. Разумеется, главную роль в кино на селе играют образовательные фильмы любого рода. На первом плане находятся чисто практические вещи, как борьба с саранчой, работа на тракторе, борьба с пьянством. Тем не менее многое из программы этих передвижных кинотеатров остается недоступным для массы и является учебным материалом для наиболее прогрессивной части населения: членов деревенских советов, крестьянских корреспондентов и др. В связи с этим сейчас подумывают о создании Института изучения зрителей, в котором можно было бы экспериментально и теоретически исследовать реакцию публики.

Вот каким образом проявился в кино один из последних лозунгов: «Лицом к деревне!» Политика является здесь, как и в литературе, сильнейшим источником импульсов, которые в виде директив ежемесячно, словно эстафета, идут от ЦК партии прессе, от прессы – клубам, от клубов – театрам и кино.

Но может случиться и так, что такие девизы станут серьезным препятствием. Парадоксальным примером является ключевое слово «индустриализация». Можно было бы предположить, что при страстном интересе, который вызывает любая техника, гротескное кино должно пользоваться популярностью. В действительности как раз эта страстная увлеченность исключает все техническое из области смешного, так что эксцентричные комедии, привезенные из Америки, явно провалились. Ироническое и скептическое отношение к техническим вещам для новых людей России совершенно непонятно. Далее, для русского кино не существует тем и проблем из буржуазной жизни, это значит в первую очередь: в кино недопустимы любовные драмы. Драматическая или даже трагическая трактовка любовных отношений исключена из всей русской жизни. Самоубийства на почве ревности и неразделенной любви, которые и теперь еще случаются время от времени, трактуются коммунистическим общественным мнением не иначе как грубейшие эксцессы.

Все проблемы, находящиеся в центре дискуссии, для кино – так же, как и для литературы, – проблемы тематического характера. В новую эру, эру гражданского мира, ситуация здесь осложнилась. Русское кино получит твердую основу лишь тогда, когда ситуация в большевистском обществе (не только в государственной жизни!) станет достаточно стабильной, чтобы порождать новую «социальную комедию», новые типажи, новые типические ситуации.

Список фотографий

с. 17 Георгий Зимин. Без названия. До 1931 г. Собрание П.Хорошилова.

с. 21 Илья Ильф. Вид на Кремль с Москворецкой набережной. Зима 1929/1930 гг. Собрание А.Ильф.

с. 27 Виктор Иваницкий. Без названия (Квартира Ильфов в Соймоновском проезде). 1933 г. Собрание А. Ильф,

с. 31 Виктор Иваницкий. Без названия (Квартира Ильфов в Соймоновском проезде). 1933 г. Собрание А. Ильф,

с. 35 Илья Ильф. Уголок старой Москвы. Зима 1929/1930 гг. Собрание А. Ильф,

с. 41 Илья Ильф. Продавец воздушных шаров. Зима 1930 г. Собрание А. Ильф,

с. 45 Илья Ильф. Зимние детские радости на лестнице, ведущей к храму Христа Спасителя. Зима 1929/1930 гг. Собрание А. Ильф,

с. 52 Александр Родченко. Фабрика-кухня. 1931 г. Архив А. Родченко и В.Степановой.

с. 57 Илья Ильф. Храм Христа Спасителя. Зима 1929/30 гг. Собрание А. Ильф,

с. 60 Николай Власьевский. Без названия (Пластический этюд). 1926–1927 гг. Собрание А. Ильф,

с. 65 Алексей Сидоров. Без названия (Мультипликационная запись танцевального движения). 1926–1927 гг. Собрание А. Ильф,

с. 67 Василий Живаго. Сцена из хореографической композиции «Пан». 1928 г. Собрание А. Ильф,

с. 73 Неизвестный фотограф. Без названия (Женщина с зеркалом). Конец 1920-х – начало 1930-х гг. Собрание П.Хорошилова.

с. 76 Виктор Иваницкий. Без названия (Квартира Ильфов в Соймоновском проезде). 1933 г. Собрание А. Ильф,

с. 81 Алексей Сидоров. Без названия (Мультипликационная запись танцевального движения). 1926–1927 гг. Собрание П. Хорошилова.

с. 85 Василий Живаго. Без названия (Этюд «Ноги» для выставки «Искусство движения»). 1926–1927 гг. Собрание П. Хорошилова.

с. 89 Николай Кулешов. Сушка деталей куклы. Кустарная артель «Все для ребенка». До 1929 г. Собрание П. Хорошилова.

с. 93 Аркадий Шайхет. Перевыборы. Голосуют. 1927 г. Собрание П. Хорошилова.

с. 96 Яков Штейнберг (?). Без названия (Детоприемник). До 1928 г. Собрание П. Хорошилова.

с. 101 Неизвестный фотограф. Без названия (Вс. Мейерхольд и З. Райх). После 1930 г. Собрание А. Злобовского.

с. 104 Леонид Шокин. Без названия (Пионеры). Конец 1920-х гг. Собрание П. Хорошилова.

с. 108 Василий Улитин. В прошлом. 1920 г. Собрание П. Хорошилова.

с. 113 Александр Родченко. Бульвар к Сухаревке. 1929 г. Архив А. Родченко и В. Степановой,

с. 119 Александр Родченко. Уличная торговля. 1928 г. Архив А. Родченко и В. Степановой,

с. 123 Александр Родченко. Фабрика-кухня. 1931 г. Архив А. Родченко и В. Степановой,

с. 126 Александр Родченко. Типография газеты «Гудок». 1928 г. Архив А. Родченко и В. Степановой,

с. 131 Александр Родченко. Без названия (Часы). Начало 1930-х гг. Собрание П. Хорошилова.

с. 133 Александр Родченко. Прихожая в столовой Электрозавода. 1931 г. Архив А. Родченко и В. Степановой,

с. 137 Александр Родченко. Обед. 1931 г. Архив А. Родченко и В. Степановой,

с. 140 Александр Родченко. В рабочем общежитии. 1932 г. Архив А. Родченко и В. Степановой,

с. 147 Неизвестный фотограф. Без названия (Дирижабль над Красной площадью). До 1935 г. Собрание П. Хорошилова.

с. 150 Александр Родченко. Госэлектротрест. Бюст Ленина в партийном кабинете. Начало 1930-х гг. Собрание П. Хорошилова.

с. 155 Неизвестный фотограф. Без названия (Фотография ВЦИК(?). Снятие памятника Александру III на Пречистенской набережной). 1918 г. Собрание П. Хорошилова.

с. 161 Неизвестный фотограф. Без названия (Стойка на голове). Конец 1920-х гг. Собрание П.Хорошилова.

с. 169 Макс Альперт. Товарищ Фрунзе. 1925 г. Собрание П. Хорошилова.

с. 173 Александр Родченко. Часовой у Шуховской башни. 1929 г. Архив А. Родченко и В. Степановой,

с. 176 Александр Родченко. Небо. 1935 г. Собрание П. Хорошилова.

с. 181 Алексей Сидоров (?). Без названия (Танцевальный этюд для выставки «Искусство движения»). 1926–1927 гг. Собрание П.Хорошилова.

с. 185 Александр Родченко. Вид на Кремль и Большой Каменный мост. 1926 г. Архив А. Родченко и В. Степановой,

с. 190 Неизвестный фотограф. Без названия. Ретушированный фотоснимок для журнала «СССР на стройке». Начало 1930-х гг. Собрание П. Хорошилова.

Издательство благодарит Анатолия Злобовского, Александру Ильф, Александра Лаврентьева, Варвару Родченко, Павла Хорошилова за предоставленные для публикации фотоматериалы

notes

Примечания

1

Предисловие к первому изданию «Московского дневника» (Beniamin W. Moskauer Tagebuch / Hrsg. Von G. Smith – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1980). Гершом (Герхард) Шолем (1897–1982) – специалист по иудаизму, в частности по иудейской мистике и каббалистике, профессор Еврейского университета в Иерусалиме (1933–1965). Познакомился с В. Беньямином в 1915 году и быстро стал его ближайшим другом.

В 1923 году эмигрировал в Палестину, после этого отношения между ними поддерживались только по переписке. Неоднократно побуждал Беньямина приехать в Палестину, однако Беньямин (одно время даже начавший для этого изучать иврит) так и не последовал его настойчивым призывам и приглашениям. Воспоминания Шолема, связанные с Беньямином, опубликованы в его книге «Вальтер Беньямин. История одной дружбы» (Scholem G. Walter Beniamin. Die Geschichte einer Freundschaft. 1975).

2

Курсивом в тексте дневника выделены слова и выражения, записанные Беньямином в латинской транслитерации по-русски. Частые мелкие ошибки и неточности передачи при этом не воспроизводятся, кроме тех случаев, когда это затрагивает структуру фразы (ср., например, далее – *Ямская Тверская* вместо *Тверская-Ямская* и т. д. – *Прим. пер.)*.

3

Точная дата написания открытки неизвестна (но по крайней мере она была написана после встречи с Й. Ротом 16 декабря). Зигфрид Кракауэр (1889–1966) – социолог и искусствовед, близкий к философам и социологам Франкфуртской школы.

4

Мемнон – легендарный царь восточной Эфиопии; по преданию, стены его дворца издавали при восходе солнца музыкальные звуки.

5

Приведенные в немецком тексте названия картин И. Репина и В. Перова не совсем точны, это скорее краткая характеристика изображенного.

6

Беньямин имеет в виду «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка.

7

Опубликовано в январе 1930 г. в иллюстрированном издании «SüdweStdeutsche Rundfunkzeitung»; публикация сопровождалась фотографиями игрушек, привезенных Беньямином из Москвы.

8

Опубликовано в «Die literarische Welt» в январе 1930 г.

9

Опубликовано в «Die literarische Welt» в марте 1927 г.